

Екатерина Оленева

Цикл Эпленджайты
часть третья

АБЬЮЗ

городское фэнтези

Annotation

Противоречивый клубок интриг в сумасшедшем семействе Ангелов становится всё запутанней. Синтия надеется вернуть в мир живых своего давно умершего брата и, по совместительству, бывшего любовника – Ральфа, но её магической силы недостаточно для обряда, поэтому она стремится вовлечь в свои колдовские игры Сандру, дочь Рэя Кинга. Рэй Кинг желает контролировать Альберта и для этого готов бессовестно использовать родную дочь, в надежде ближе подобраться к желанному легендарному наследству. Альберт хочет просто жить, но, словно муха, вязнет в паутине друзей и врагов, оплетающих со всех сторон. Хватит ли у Катрин мудрости и терпения, чтобы получить не только руку, но и сердце своего будущего мужа? Сумеет ли она спасти его? Или потеряет себя, став частью проклятия?

•

Оленева Екатерина

АБЬЮЗ

(Элленджайты #3)

ГЛАВА 1. Сандра

Моя душа держится на трёх нитях, стоит на трёх китах, живёт тремя чувствами: презрение, омерзение, ненависть.

Моя жизнь не нужна никому. И прежде всего – мне самой. Но как брошенный камень, я просто лечу вперёд, в никуда, в пустоту.

Я – Сандра Кинг. Я дочь Рэя Кинга, некоронованного короля Элленджа, человека без роду, без племени, начавшего жизнь затравленной крысой в подворотне. Со временем крыса отрастила ядовитые, острые клыки, мутировала до размеров невиданного монстра и растерзала всех и теперь внушает дикий страх всем вокруг, без исключения. Тут в пору бы прибавить: врагам и друзьям, но у Рэя Кинга нет друзей. Нет своих и чужих. Нет привязанностей. Если конечно не считать за её проявление ту извращённую, воистину демоническую жестокость, которую он проявляет ко мне, брату и нашей жалкой матери.

Тот, чья омерзительная, проклятая кровь течёт в моих венах, обожает

жить на острие лезвия. Нам, мне и моему брату-близнецу, приходится поневоле разделять с отцом эту жизнь, так что наша повседневная реальность состоит из бесконечных кровавых разборок, пыток и секса.

Вы верите в дьявола? В неоспоримую притягательность демонов? В ту искушающую, иссушающую душу жестокость, с которой эти твари выворачивают наизнанку человеческую душу и тело? Манят надеждой на то, что ещё немного, ещё чуточку, ещё вот-вот и в их душе блеснёт свет, отыщется ниточка человечности, потянув за которую вы поставите их на путь к исправлению?

Вы верите, а они злобно хохочут в лицо, вырывая из вас всё светлое, всё лучшее, оставляя в душе лишь иссушающую до пустоты боль. Вместо сердца в груди ноет обгорелый, вечно саднящий открытой раной, порванный на лоскуты, осколяпок, всё ещё жалобно трепещущий.

Когда Рэй Кинг убивает быстро или даже долго, пытая, это его, демоническая, милость. Хорошо, коли новый встречный всего лишь пешка. Хуже, если хотя бы одна грань в характере жертвы зацепит его любопытство. Вот тогда в несчастного наиграются досыта, прежде, чем равнодушно отвернутся, даже бритвы из милосердия к ногам не бросив.

Когда я слышу про Люцифера, я вижу лицо Рэя Кинга – лицо моего отца. Точенное, тонкое, нервное, кажущееся таким одухотворённым, что, раз увидев, люди ищут его глазами раз за разом, снова и снова.

Я слышу голос Рэя Кинга, глубокий, тихий, вкрадчивый, скользящий бархатом по обнажённым нервам и ненавижу его.

Ненавижу снова и снова. И ненавижу себя, потому что я плоть от плоти этой мрази, его кровь. Ненавижу до такой степени, что готова выгрызть собственное мясо с костей.

Но, мёртвая или живая, я связана с ним неразрывными узами, которых нет сил разорвать. Я дочь Рэя Кинга. Я проклята.

Моя жизнь состоит из ежедневного созерцания всевозможных людских пороков.

Я презираю моего брата. Он мог бы восстать против отца, мог бы противостоять всей, творящейся вокруг нас, мерзости. Когда-то он ненавидел всё, чем нас окружили, так же сильно, как я, но теперь он на стороне моего врага.

С каждым днём его душа скукоживается, словно шагреневая кожа, о которой Энджел читал мне когда-то. Боюсь, что в один прекрасный (читай, ужасный, день) он станет бледной копией отца. При одной только мысли об этом мне хочется взвыть волчицей на луну!

А луна сегодня красивая. Идеальный серебристый шар, кружащийся

над городом, словно голодный хищник в поисках очередной жертвы.

Жертвы, в которую можно запустить беспощадные, острые когти.

В порывах ветра, перенасыщенного влагой, можно почувствовать пока ещё далёкую весну.

Люблю ночь. Тьма, как полотно, а на ней многочисленные росчерки света. Персты небоскрёбов показывают дерзкие факи небесам, переливаясь миллиардами огней-светлячков. Машины режут полотна дорог. И весь свет множится, перемещается, вспыхивает, гаснет, как звёзды на небе.

Ночь. Скорость. Движение.

Мотоцикл ревет разъярённым зверем, напавшим на след. В плеере гремит тяжёлый рок, ты несёшься вперёд, разрезая пространство на узкие ленточки.

Летишь, будто меткой рукой подброшенный нож. Ластик, стирающий к чертям собачьим всё, что чья-то заумная рука нарисовала по обе стороны от дороги, бесконечно уходящей в два конца.

Веселили, подстёгивая, разъярённые гудки автомобилистов, несущиеся мне в спину тогда, когда я брала слишком крутой вираж, нарушая все возможные правила.

Наперегонки со смертью лететь весело. Именно в такие моменты чувствуешь жизнь каждой клеточкой тела, оголяющейся жестокими порывами ветра, нервами.

Давай, догони меня, стерва!

А если так?..

Крутой вираж влево, так резко, что тяжёлую машину заносит с такой силой, что я могу рукой коснуться асфальта и как наждаком сорвать кожу до костей.

Получи, дорогой папочка, обожающий контролировать всех и вся! Здесь, в огромном транспортном потоке, между небом и землёй, ты не можешь мной управлять. Ни мной, ни преследующей меня старухой с косой.

С трудом, но мотоцикл удаётся выровнять.

Музыка в наушниках гремит, ревет, как турбины самолёта, надрывно и неистово. Металл визжит. Пахнет палёной резиной и мокрым асфальтом.

Полицейская машина возмущённо засверкала мигалкой.

О! Вот теперь интересно! Игра пошла всерьёз.

Наклоняюсь вперёд, почти сливаюсь с железным конём в одно целое, будто я – его продолжение, а он – моё.

Мы с ним тонкие, а полицейский жучок по сравнению с нами толстый, массивный и неповоротливый.

Крутой вираж направо, потом налево – скользкой юркой серебристой змеёй проскочить между другими автомобилями.

Сигнальте, возмущайтесь, сколько хотите. Я ничего не слышу кроме музыки и тока собственной крови. Плевать на красный свет. Плевать на брызги грязи, летящие из-под колёс.

Риск. Адреналин. Скорость.

Понимая, что на большой дороге я могу спровоцировать парочку металодробильных аварий, я свернула на узкие дворовые улочки. Город я знаю отлично. Дочь крысы – крыса, а уж кому лучше крыс знать сточные канавы, канализации, отхожие места и тайные лазейки?

Вперёд, принцесса подворотен! Между мостовых опор, дворовых арок, по узким тропкам между заброшенных гаражей, заборов, гор битой щебёнки.

Вырулив из очередной подворотни, я была вынуждена ударить по тормозам – наперерез встала одна из полицейских полосатиков, отчаянно и зло переливаясь красно-жёлтыми огнями.

Что ж? Заезд окончен. Я, кажется, проиграла этот кон?

По счастью, полицейский оказался симпатичным и молодым, не старше тридцати. Праведный гнев весьма шёл к его простоватому, но честному лицу.

– Вы нарушаете общественный порядок! – сообщил он мне. – Будьте так любезны, предъявите права.

Я стянула шлем, с удовольствием полюбовавшись на его вытянувшееся лицо.

Глухой переулочек. Ночь. Полоумная баба на байке. Блондинка, затянута в кожу, как женщина-кошка.

Соболезную, парень. У тебя неприятности.

– Какая досада, – пожалала я плечами. – Забыла права дома.

– Права, пожалуйста, – холодно потребовал он, сжимая челюсть и яростно блестя глазами.

Парень был явно не из тех, кому нравится долго бегать за девушками.

А мне очень нравятся мужчины, которые пытаются выполнять свой долг, даже поймав богатую блондинку в тёмном переулочке. Такие бриллианты в нашей жизни попадают всё реже. Буду к нему добра.

– По правде говоря, права я вовсе не забыла. У меня их просто нет. Я – несовершеннолетняя.

Всё, сказанное мной ложь. Права были со мной. Но не станет же он меня обыскивать? А если и станет – не беда. Мне это будет только на руку.

– Несовершеннолетняя? Отлично!

Да, не плохо. Не жалуясь.

– Давай-ка, вытяни руки.

– Зачем? – подозрительно сощурилась я.

– Надену наручники и провожу в участок. Оттуда свяжемся с твоими родителями, поговорим. Думаешь, можешь безнаказанно нарушать общественный порядок?

Вообще-то я так и думала. Но разглагольствовать на эту тему только время зря терять. Не говоря ни слова я, имитируя послушание, протянула сложенные лодочкой руки вперёд.

Полицейский, доверчивый дурачок, шагнул вперёд, громыхая наручникам. Этими же сложенными руками, украшенными вовсе не перстнями, как ему показалось в полумраке, а кастетом, я, используя элемент неожиданности, ударила его прямо в лицо, в переносицу.

Обильно брызнувшая из носа и рассеченной кожи на лбу кровь ожидаемо его ослепила и дезориентировала.

Людям свойственно бояться собственной крови, но пока он ещё не понял, что происходит, поэтому даже не испугался.

Следующий удар был нанесён расчётливо и умело – в солнечное сплетение. Такие всегда выбивают дух и заставляют сгибаться пополам.

Действие номер три – замкнуть приготовленные для меня наручники на его запястьях, прицепив их к первой же попавшейся поверхности.

Попалась металлическая ограда.

– Ах, ты!.. – выругался он.

– Ну зачем так грубо? – поморщилась я, смеясь.

Его кровавые сопли мне удовольствия не доставляли. Достав платок я, словно заботливая мамаша, утёрла ему нос.

Я сегодня такая добрая, сама себе удивляюсь.

– Поверь, это ради твоего же блага, – заявила я ему. – Лично я бы охотно последовала за тобой в участок и посмотрела бы на папочкину физиономию, но он не любит отвлекаться по мелочам и не церемонится с теми, кто его отвлекает. Так что посиди тут, в холодочке. Подожди свою братву...или корешей? Ну, как бы вы там друг друга не называли, тебя скоро выручат. Пока! Не скучай.

Помахала я ему рукой, вновь взбираясь на своего железного коня.

– Шлем надень, дура! – рыкнул он вслед.

Что ж? Шлем, так шлем. В этом есть свой резон. Без шлема я элементарно застужу уши.

Вновь в динамиках зарычала музыка и я сорвалась с места.

Настроение было супер.

Ночь. Музыка. Скорость. Дорога.

Но всё хорошее имеет обыкновение заканчиваться. Я подъехала к тому, что нормальные люди никогда не назвали бы домом. Я тоже домом это не назову, но что поделать с тем фактом, что тут приходится жить?

Когда-то это было военной промышленной зоной. Со всеми прилагающимися – подземным бункером, например. Рэй воюет со всем миром. Так что ему важно, как следует, окапаться. Вот и окапывается вместо со всей своей бандой.

Папашины воротилы предусмотрительно открыли передо мной ворота. Они меня любили не больше, чем я их, но – оказывали уважение. По-своему. Постольку, поскольку натасканная убивать горилла вообще способна к такому деликатному делу.

На месте, на котором обычно стоят машины прошеных (и не очень) визитёров, я заметила автомобиль дорогой марки.

– Кто пожаловал? – поинтересовалась я у Фредо, с виду смазливового, импозантного итальянца (да, Рэй придерживался мультимедийного мироустройства и выступал за интернационал, поэтому среди его парней кого только не встретишь), но в действительности жестокого убийцы, почти такого же хладнокровного, как я сама. Мы часто работали в паре.

– Все, – прозвучал лаконичный ответ.

– А поподробней?

– Драгоценная жёнушка Рэя, блистательная госпожа Элленджайт. И ейный братец, – презрительно сплюнул он в мокрую жижу.

– Шикарно. И ради чего это их всех сюда принесло?

– А я почём знаю? – холодно отозвался парень. – Я сошка не велика. Мне не докладывают.

Оно и верно.

Взгляд зацепился за мотоцикл Ливиана. Братца сводного тоже занесло попутным ветром? Осталось только Артуру припереться и вся семейка в сборе.

С братьями понятно, но какая нужда заставила припереться сладкую парочку из Хрустального дома? Мне не нравилась отцовская жёнушка. Большую часть времени я о ней просто не думала, но, когда она совала свой нос в наши чудные дела, игнорировать её становилось сложнее. Хорошо ещё, делала она это не часто.

В общій зал спускаться не стала. Я по натуре интроверт. Больше количество людей утомляет меня до крайности.

Я решила найти Энджела, хотя в глубине души и понимала, что он испортит мне настроение окончательно.

С тех пор, как отец заставил ухаживать его за этой испанкой, братец сделался невыносим. У него случился очередной период заскоков. Хорошая полоса, связанная с его ровным и спокойным увлечением Ирис, подошла к концу.

Жаль!

Больше всего – саму Ирис. Она мне нравилась. Я даже на какое-то время подумала, что в братце что-то пережмёт и в нём появится, наконец, характер.

Ага! Три раза!

А на четвёртый он сломался и вернулся к старой жизни, к исполнению всего, что прикажет папочка.

Хотя... на этот раз ему, как раз, было не по боку. Ирис его не знаю, чем, но зацепила. Красивая, невинная, эгоистичная и не глупая, она была как раз в его вкусе.

Испанка тоже ничего. Как там её зовут? Пилар? Кармен? Ах, да, Ньевес. Ну и имечко! Заносчивая, высокомерная гадина, классический представитель «золотой молодёжи» из среды нуворишей, живущая шмотками, кокаином и поиском парня погорячее. С Энджелом они оторвутся на полную катушку, в этом можно не сомневаться.

Я и не сомневалась.

Мне хотелось увидеть брата. Хотелось поговорить с ним по душам, как когда-то в детстве, когда мы были почти одним целым, но я в нерешительности замерла на повороте, ведущем к его комнате.

– Ты к Энджелу? Не советую.

Низкий грудной голос я узнала, даже не оборачиваясь: Ливиан, мать его, Брэдли.

– Что ты здесь делаешь? – повернулась я нему, с вызовом скрещивая руки на груди.

Он окинул меня взглядом прищуренных глаз, словно оглаживая дразнящей, многообещающей лаской. Кого-то это может быть и заводит, но я пока ещё не свихнулась окончательно, как все в нашем милом и очаровательном семействе. Я не способна заводиться от взгляда собственного брата, пусть даже и сводного.

– Тебя не порадует мой ответ, – издевательски выгнул он бровь.

– И что с того? Примешь обет молчания?

– Мнишь себя остроумной, сестрёнка?

– Мне кажется, мы отошли от изначальной темы?

– От того, что я здесь делаю? – пожал он плечами, в свой черёд скрещивая руку на груди. – Или от того, почему тебе не стоит наносить

сейчас визит твоему, самому любимому, брату?

О! Мы начали нашу любимую игру: взбеси меня, если сможешь или кто кого из себя выведет первым? Ладно, что ж? Поиграем. Почему нет? Если кто-то здесь думает, что, будучи единственной сестрой среди братьев, я не умею развлекаться, он глубоко ошибается.

– Ну, последнее совсем не загадка, – усмехнулась я ему в лицо. – Раз ты сидишь и сторожишь тут на пороге, как верный, но отвергнутый пёс, значит наши голубки снова вместе?

Лицо Ливиана осталось невозмутимым, лишь в глазах сверкнули льдинки.

– Тебя это бесит? – усмехнулся он. – Или – заводит? А, может быть, и то и другое? – склонив голову к моему уху, так, что я почувствовала исходящее от его тело горячее тепло и холодноватый запах дорого парфюма.

Профессионал, чтоб его. Умеет держать завораживающую дистанцию.

Ты, милый братец, отличное средство от скуки для тех, кому приходится скучать. Но мне не скучно. Совсем.

Если Ливиан рассчитывал, что я испуганно отшатнусь, он просчитался. Я не отодвинулась ни на дюйм. Повернув голову так, что наши лица разделяло лишь расстояние вдоха, насмешливо глянула ему в глаза.

В ответ те потемнели, как небо перед грозой.

– Меня – нет. Не бесит и не заводит. А тебя?

– Меня? – гортанно хмыкнул он, в лучших традициях пошлой мелодрамы упирая руку в стену, словно пытаюсь зажать в клетке между собой и стеной.

Воздух опасно уплотнился.

– Меня гораздо сильнее заводят девушки.

Я никогда себе не лгу. Это так же глупо, как страусу прятать голову в песок. Если лжёшь самому себе, отказываясь видеть проблему, то решить её шансов уже нет.

Мне не нравилось тёмное, тягучее чувство, что породила во мне близость Ливиана. Совсем не нравилось. Я не собиралась его принимать. Но отрицать его наличие было бы глупостью.

Когда мне что-то не нравится, я стремлюсь отыгаться. Или отомстить. Желательно с реваншем. Если гадко у меня на душе, справедливо (с моей точки зрения), чтобы и на его стало тоже.

– Давай уточним: тебя заводят девушки? Или ты просто предпочитаешь нечто новенькое?

Усмешка сошла с губ Ливиана, в глазах шевельнулось нечто свирепое и злое, как чудовище, тенью мелькнувшее в глубине, но пока ещё не спешащее проявить себя.

– Не понял, что ты хочешь этим сказать?

– Не понял? – вскинула я подбородок, с вызовом глядя Ливиану в глаза. – Я поясню, мне не сложно. Не то чтобы мне действительно было интересно, но скажи, какого это – быть влюблённым в младшего брата?

– Влюблённым?

– Хотя, нет! Любовь – это совсем не в нашем стиле. Наверное, я неправильно сформулировала мысль. Скажи, пожалуйста, какого это: трахать парализованного младшего брата, который не может послать тебя к чёрту?

Рука Ливиана молниеносно, будто бросок кобры, метнулась ко мне. Жёсткие пальцы сжались на горле, сдавливая его больше, чем чувствительно.

Ого! Вот это реакция! Вот это скорость! И, я бы не побоялась этого слова, вот эта страсть!

– Поосторожней в выражениях!

Увы! Осторожность не мой конёк.

– Осторожней или – что?

Я понимала, что нарываюсь и провоцирую, но ничего не могла с собой поделать. Игра слишком увлекала. Тормозить я не хотела.

– Что ты сделаешь, Ливиан? Ударить меня? Или изнасилуешь?

– Зачем сразу такие крайности? – со злой насмешкой ответил он.

– Тогда убери руки. И сделай шаг назад.

Мы оба тяжело дышали, словно после затяжной пробежки на полной скорости.

– Убери от меня руки, – потребовала я.

Сердце колотилось взволнованно и часто. Но на самом деле я, увы, не хотела, чтобы он убирал руки – я хотела, чтобы он приблизился. Хотела почувствовать вкус его губ на моих губах. Хотела до головокружения, всей кожей чувствуя его ответное желание. Оно, словно волна, словно жар, распространялось от тела Ливиана, будто лучи, готовые расплавить ледяной панцирь моей вечной сдержанности.

Его ладонь медленно скользнула по моим волосам, в то время как глаза внимательно, безотрывно следили за выражением моего лица, будто Ливиан охотился за малейшими проявлениями эмоций:

– Я много слышал о тебе, Сандра, ещё до того, как мы встретились. И признаться, мне всегда было любопытно – какая ты? Молва о твоей

красоте, жестокости и кровожадности сделала тебя желанной ещё до нашей встречи. Ты любишь кровь?

– В каком смысле?

– В прямом.

– Я убивала потому, что приказывал отец. Мне это радости не доставляло, – хмуро буркнула я.

– Боль других – нет. А моя?

– Ты о чём?

– Не говори, что не понимаешь. Не лги.

Рука его больше не сдавливала горло, теперь его прикосновения напоминали ласку.

– Я знаю одно, что с удовольствием посмотрела бы на то, как корчится наш драгоценный папочка. Ну, или твой милый и нежный младший братец.

– *Наш* милый и нежный младший братец.

– Пусть так. А твоя боль? – я с деланным равнодушием пожала плечами. – Она мне безразлична.

– Тем лучше. Когда нет ни страха, ни ненависти.

– Ты из тех, кто любит по жёстче?

– Настолько, что не многие на это пойдут. Ну же, Сандра? – с усмешкой подначивал он меня. – Ты же не трусиха?

– А ещё не дура. И не ведусь на слабо.

– Всё же я уверен, когда-нибудь ты дозреешь до моего предложения и дашь мне то, что хочу я. А пока, в качестве аванса, я могу продемонстрировать, что получишь ты.

Но продемонстрировать у него не получилось, к счастью или обоюдному разочарованию, не знаю. Одна из металлических дверей открылась и на пороге появился наш отец. Даже не знаю, к худу или к добру? Хотя о чём я? Появление Рэя это всегда к худу.

Он был пьян. Находился в том пограничном состоянии, когда любое неосторожное слово могло заставить его взорваться, точно динамит. Пьяный Рэй это всегда плохо. Во-первых, чтобы он так нажрался, наркоты и алкоголя нужно чуть меньше тонны, а это много даже по нашим меркам. Во-вторых, если в трезвом состоянии жестокость Кинга была тщательно выверена, то, стоило ему сорваться с цепи, предсказать, куда заведут его животные желания было практически невозможно.

Ливиан словно ненароком занял позицию между мной и нашим драгоценным папочкой. Рыцарь, блин!

Рэй окатил его насмешливым взглядом, потом задержал его на мне. Мне насмешки досталось в разы меньше, зато с лихвой – едкой злости.

– Что вы здесь делаете?

– Разговариваем, – отозвался Ливиан.

– И о чём была беседа?

– Большею частью про то, что привязанность Энджела и Артура как бы не совсем... братская, – не то чтобы солгал Ливиан.

– О! Что вы говорите? Какой ужас! Как они могли так травмировать ваши нежные души... – с театральным апломбом продекламировал Рэй, брезгливо поморщившись. – Ладно, хватит мне голову морочить! Перестань лапать Сандру и иди, займись делом. А ты, лапонька, иди сюда, – велел мне отец.

Ливиан продолжал стоять между нами. Хуже и глупее придумать ничего нельзя. Начнём с того, что Рэй не терпел неповиновения. Ни от кого. Стоило начать сопротивляться, и он будет тебя ломать, пока не сломает. Мой новообретённый братец не так давно знаком с нашим папочкой, он знал его лишь с лучшей стороны – по известной ему одной причине, Рэй при Ливиане старался держать себя в руках. Братец понятия не имел о том, каким боком может мне выйти его заступничество.

– Дорогой старший сын, – голос отца наполнился очень опасными, мягкими вкрадчивыми нотками. – Да ты никак решил примерить на себя роль спасителя и защитника? Братские чувства, я полагаю?

– Я же сказал, мы просто разговаривали!

– Я бы поверил, если б ты не настаивал, – небрежно пожал плечами Рэй, а потом резко сменил тон. – Давай кое-что проясним? Так, во избежание неприятных инцидентов? Группа братской поддержки драгоценной Сандры закрыта. Энджела в ней более, чем достаточно. У тебя в этой пьесе другая роль.

– Я не собираюсь играть роли в твоих пьесах, – холодно парировал Ливиан.

Лицо Рэя озарилось улыбкой, весёлой и злой:

– А что же ты, в таком случае, здесь вообще делаешь? Ладно, играй во что хочешь, но возьми на заметку: пока Сандра у нас невинна, аки агнец, я уважаю её неприкосновенность, но стоит ей потерять моё уважение, я сочту вполне справедливым, чтобы её упругим милым тельцем пользовались не только родственники. Моим верным парням тоже должно что-то перепасть.

– Что?..

– Не понимаешь? – холодно процедил Рэй сквозь зубы. – Запрет либо для всех, либо – ни для кого.

– Ты сделаешь родную дочь подстилкой для своих шестёрок? –

недоверчиво протянул Ливиан.

– Только если у неё не хватит ума держать ноги вместе.

– Это просто смешно! И что ей теперь делать? В монастырь податься?

– Монастырь не обязателен. Достаточно просто не зажиматься в тёмных углах с парнями вроде тебя.

Ливиан несколько секунд смотрел на Рэя широко открытыми глазами, а потом расхохотался:

– Кто бы мог подумать, Рэй, что ты придерживаешься таких старомодных взглядов на жизнь!

– И не говори. Сам в шоке, – засмеялся Рэй. – А ну пошли, – грубо схватил он меня за руку и потянул за собой.

– Эй! Полегче. Она ничего не сделала, – начал, было, Ливиан.

– Так уж совсем и ничего? – фыркнул Рэй с такой выразительностью, что у меня возникли подозрения, что моя маленькая выходка с полицейскими уже достигла его слуха. – Такого не бывает.

– Но...

– Ты мне надоел! – рявкнул Рэй. – Не выводите меня из себя. Я верю, что к тебе она не приставала. Мне это сейчас, откровенно говоря, безразлично. У нас другая проблема и её нужно обсудить. Не переживай, я буду максимальной корректен. Нежности, правда, не обещаю.

– Ты её не тронешь?

Рэй, не удержавшись, закатил глаза. И, не удостоив Ливиана ответом, втолкнул меня в свою комнату, захлопнув за нами дверь.

– Садись, – подтолкнул отец меня к креслу.

Я села.

Тревога боролась в моей душе с любопытством и изрядной долей страха.

– Чему обязана таким вниманием? – спросила я, потирая саднящее от его железной хватки, запястье.

Рэй окинул меня взглядом и, задумчиво прищурившись, небрежно опустился в кресло напротив, забросив ноги на стол, разъединяющий нас.

Меня дико бесит эта его привычка. Ничего хорошего, когда чужие ботинки тыкаются тебе прямо в нос. Чистой воды скотство.

Отец продолжал буравить меня изучающим взглядом, будто видел впервые.

– Так что случилось? – не выдержала я.

– Случилось то, что у меня есть для тебя работа.

Я выдохнула, расслабляясь, откидываясь на спинку кресла.

– Кого нужно убрать на этот раз?

Рэй покачал головой:

– На этот раз задание посложнее и – никаких убийств.

Я нахмурилась.

Сложное задание и – никаких убийств? Это что-то новенькое. И – странное.

– Я вся – внимание.

Рэй потянулся за сигарой, срезал с нею кончик и, зажав между зубами, щёлкнул зажигалкой. Густой табачный дым поплыл по комнате.

Ну и ладно. Табак не самое неприятное из того, чем иногда приходится дышать.

– Тебе не понравится моё предложение, – предупредил он.

– Мне никогда не нравились твои предложения, – согласилась я.

– Это да. Но на этот раз у меня созрел особенно рвотный план.

– Боюсь даже предположить, что это за гадость, раз ты сам признаёшь его таковым. Что ты сегодня принимал?

– А что?

– Сегодня ты до нездорового тактичный и деликатный, даже с осторожностью относишься к моим чувствам? Не к добру это.

– Увы, но правда.

– Такими темпами мы до дела так и не дойдём, – фыркнула я.

– А ты куда-то торопишься? – дёрнул бровью Рэй.

В ответ оставалось пожать плечами. Чего-чего, а времени у меня навалом. Правда, проводить его в обществе Кинга я всё равно не люблю.

– Возможно, что и тороплюсь, – расплывчато процедила я.

Словно подслушав мои мысли, он вздохнул:

– С тобой сложно. Ты всё время избегаешь моего общества, – посетовал он.

– Спасительный рефлекс, выработавшийся с годами.

– Ладно, хватит родственного обмена любезностями, – Рэй погасил догоревшую сигару. – Синтия сделала мне предложение, от которого нет возможности отказаться.

– Чего хочет эта ведьма?

– Тебя.

Немая сцена.

Я судорожно пыталась придумать, чего ждать? Вроде как в нетрадиционной ориентации госпожа Элленджайт пока не была замечена?

– Она хочет, чтобы ты поехала вместе с ней в отреставрированный Кристалл-холл, – раздражённо добавил отец.

– Поехала в Хрустальный дом? – в недоумении повторила вопрос я. – Но зачем?

– Самому интересно. Синтия заверила меня, что физически никакой опасности для тебя нет.

– Не то чтобы эта сумасшедшая меня пугала, но... с каких это пор ты веришь другим людям, особенно таким, как эта фурия, на слово?

– С тех пор, как вынужден идти на уступки, – недовольно буркнул Рей. Я была заинтригована. Неужели эта сучка нашла способ взять папочку за яйца? Интересно. С учетом недавней сцены в багровых тонах невольно заставляет задумываться.

– Неужели и на тебя нашлась управа?

Перехватив мой взгляд, Рэй потемнел лицом.

– И чему ты радуешься, можно узнать? – раздражённо отбросил он влажные волосы с лица. – Мы вроде как одна семья? И ты, вроде как, априори, должна быть на моей стороне?

– На твоей стороне я буду не раньше дня, когда ад заледенеет, а полюса поменяются местами. Госпожа Элленджайт не была мне по душе, но, если она нашла удавку на твою шею, мои симпатии целиком и полностью принадлежат ей.

Наблюдая, как сужаются от ярости зрачки Рея, я испытывала нечто вроде наслаждения.

– Если бы этот дурачок, её братец, не вмешался, ты бы уже сдох, – мой голос звучал ласково. – Она тебя уделала. Респект ей и уважуха.

На мгновение показалось, что он меня сейчас ударит. Рэя даже перекосило от ярости.

– Ты бы сдох, а мы были бы свободны...

– Свободны? – сощурил глаза он. – В этом мире мы освобождаемся из одного круга ада лишь для того, чтобы, попасть в другой.

– Ерунда! – демонстративно закинула я ногу на ногу. – Не будь тебя, я бы прекрасно зажила, выставив между собой и моими врагами мои милых братьев. Финансовые запросы у меня скромные, в отличие от матушкиных, я бы выжила.

– Возможно, – мрачно кивнул Рэй, потянувшись за новой бутылкой. – Знаешь, бывают минуты, когда я тоже, случает, подумываю о смерти. Всё это бытие чертовски утомительная штука.

– Хочешь умереть? Чего уж проще! Попроси кого-нибудь отрубить тебе башку, – предложила я, передёрнув плечами. – Больше, чем уверена, ампутация этой конечности даже у тебя регенерации не подлежит.

– Какая ты добрая и нежная, дочь моя!

– Уж какую вырастили, батюшка.

– Вернёмся к Синтии, – поморщился Рей. – Если она тебя так восхищает, тем лучше – тебе легче будет с нею поладить. Возможно, переймёшь и у неё кое-какие трюки.

– Какие трюки?

– Какие получится.

– Это и есть твоё задание?

Поглядев мне в лицо долгим, нечитаемым взглядом, Рей медленно покачал головой:

– Нет. Открытые двери Кристалл-холла дадут нам доступ к ещё одному человеку.

– Ты же не этого жалкого слизняка, Альберта Элленджайта, имеешь в виду?!

– Жалкого? – удивился Рей. – Интересно, что в этом парне способно вызвать жалость?

– Я сказала – жалость? Что-то напутала. Он омерзителен.

– Чем? – коротко бросил Рей.

– Сколько он в городе? Месяц-другой? Но за этот месяц он успел переспать с вами со всеми – даже Артура вниманием не обделил! Да он живёт с родной сестрой и не таится!

– Случаем, не тебя ли я полчаса назад застукал флиртующую напропалую с Ливианом, маленький мой морализатор?

– Ни чёрта ты меня не за чем не застукал, – голосом, ледяным, как застывающая вода, ответила я.

– Как скажешь. Только давай без лишней экспрессии? Это утомляет.

– Альберт продажная, расчётливая, похотливая, эгоистичная тварь, ради цели ни в чём себе не отказывающая. Он хуже тебя.

– Ты серьёзно? Очень рад, что ты нашла новый предмет для ненависти. Но удовлетвори моё любопытство – какой грех ты сочла хуже моего?

– Он лицемер.

Насмешливо выражение сменилось внезапной серьёзностью:

– Поверь, дочь, ты ошибаешься. То, что ты принимаешь за лицемерие всего лишь остатки принципов, лёгкая позолота порядочности.

– В том-то и дело, что лёгкая.

– Ну, рад бы в рай, как говорится, да грехи не пускают. Как понимаю, самый большой грех Альберта Элленджайта в том, что я до сих пор жив?

– И это тоже. Если бы жалкий слизняк не вмешался, Синтия бы тебя прикончила. И всё было бы кончено.

– Твоя основная мысль мне ясна. Твоя дочерняя привязанность греет мне сердце. Ну, а теперь о задаче...

– Думаешь, я не поняла, чего ты от меня ждёшь? Хочешь сделать из меня подстилку? – в ярости сжала я подлокотники кресла, с бессильной ненавистью глядя на отца. – Но с какой целью? Наследник ведь не он, а эта серая мышь... не помню, как зовут.

– Катрин. Серую мышь зовут Катрин. Но это не важно. И сама она не важна, потому что не более чем проходная пешка. Отыграет свою партию и её уберут.

– Но ведь всё, за чем вы, все трое, охотитесь, принадлежит ей – серой мышке?

– Когда Альберт женится на ней и получит доступ к основным активам, в Катрин Клойс не будет никакой нужды и, насколько я знаю Синтию (а я её знаю, поверь) она попытается от этой малютки избавиться. Я знаю, что говорю – Катрин не в счёт.

Он говорил о жизни ничего не сделавшей ему девочки так, как другой мог бы сказать: «Прихлопни муху» – совершенно равнодушно. Неужели я никогда так и не привыкну к полному пренебрежению жизнью и смертью, которую Рэй демонстрирует мне всю мою жизнь?

– Чего ты от меня-то хочешь? – с омерзением спросила я.

– Ты должна войти в их дружное трио и перераспределить роли.

– Признаться, я не до конца тебя понимаю, – после небольшой паузы протянула я. – Ты хочешь, чтобы я переспала с Альбертом Элленджайтом? – у меня от ненависти аж скулы свело. – Не проще ли с этой целью отправить к нему Энджела? Уверена, братец, в отличие от меня, с удовольствием возьмёт на себя эту миссию.

– Мне нужно, чтобы ты не просто переспала с Элленджайтом, – невозмутимо возразил Рэй. – Я хочу, чтобы он влюбился в тебя.

Я расхохоталась:

– Влюбился? Альберт?! Ну и насмешил! А корабля жаренного и половину луны в придачу ты, случаем, не желаешь?

Смех мой увял также внезапно, как и начался:

– Миссия невыполнима, – холодно добавила я. – Таких, как вы с Альбертом, нельзя заставить любить.

– Заставить любить нельзя никого. Но войти в сердце – можно.

– Настаиваю – Энджел справится с этой ролью лучше.

– А я ещё раз говорю – мне нужно кое-что больше, чем просто кувырок в постель. Альберт должен быть предан нам, а для этого тебе

придётся принести мне его сердце. На сей раз, – пока! – фигурально выражаясь.

– Почему – я?

– Почему? По ряду причин. Человеческие отношения такая сложная материя, в чувства – двуострый клинок. Энджел, Артур, даже Ливиан натуры увлекающиеся, сложные и противоречивые. С них станется самым влюбиться и всё испортить. Ты же, моя ледяная принцесса, из всех моих милых деток самая бессердечная, – с улыбкой, за которую если бы смогла, убила бы его на месте, проговорил Рэй, поднимаясь с места.

Он обошёл стол, останавливаясь за моей спиной.

– Ты не влюбишься, Сандра. Ты хладнокровна, умна и... фригидна. Ты не сделаешь ошибку. Будет всё как надо.

Руки Рэя тяжело легли на мои плечи, голос наполнился привычным сарказмом:

– К тому же ты, в отличие от твоих братьев, девушка. Для таких, как Альберт Элленджайт это имеет значение. Скажу тебе по секрету, даже для меня это имеет значение. Получить удовольствие с мужчиной иногда даже проще, но любовь к женщине – это святое.

Он откровенно издевался надо мной!

– Иди ты к чёрту, – попыталась я стряхнуть его руки, но добилась лишь того, что Рэй, грубо схватил меня за волосы, заставив запрокинуть голову и глядеть на себя снизу-вверх.

– Ты сделаешь то, что я говорю!

– А если нет? – с вызовом прорычала я.

Он улыбнулся почти нежно, но от этой нежности у меня холод по позвоночнику растёкся.

– «Если нет» в моём сценарии не предусмотрено.

– Что ты сделаешь?! Как в прошлый раз, заставишь меня смотреть как кишки Энджела на руку наматываешь? изнасилуешь его? Или снова заставишь моего брата насиловать собственную мать?!

– Не советую недооценивать мою большую фантазию. Повторяться я не люблю, что было то было – так что ну его. А из зрителя, солнышко, тебя легко превратить в участника. Подумай хорошенько, в чьей постели ты предпочтёшь поднабраться сексуального опыта: Альберта или Энджела? Может быть Артура? Или, даже, моей?

Рэй рывком потянул меня за волосы, которые жёстко зажимал в горсти, низко склоняясь к моему лицу, не давая отвернуться, заставляя смотреть ему прямо в глаза. Его, словно нарисованное, лицо оказалось до тошноты близко:

– Подумай хорошенько прежде чем мериться со мной характером!

– Будь ты проклят, сволочь!

Мне только и оставалось, что шипеть.

В ответ его кулак больно врезался мне в живот, словно выбивая воздух.

– Ответ неправильный. Скажи: «Да, папочка. Сделаю всё, как ты скажешь». Давай, Сандра, это не сложно. Ну же? Не заставляй меня быть с тобой жестоким. Мы ведь оба этого не хотим?

Может быть, кого-то и могли обмануть мягкость его голоса и улыбки, но я-то знаю этого гада почти как саму себя. Чем нежнее выражение его лица, тем гнуснее и гаже будет следующая жестокость. Если Рэю придёт в голову такой каприз он, не задумываясь, переломает мне все кости, а потом заново заставит их срастись. Да ещё и Энджела в это втянет. Братец, конечно же, охотно оттянет гнев Рэя на себя, лишь бы я не пострадала. И наш любимый домашний адский сценарий повторится заново.

Вот, казалось бы, что проще – притвориться, отступить? Подчиниться? Но не в одном Рэе живёт бес. Он есть в каждом из нас, тех, в ком течёт проклятая, отравленная кровь. Плоть от плоти Рэя, я тоже умела играть в эту игру под названием: «Заставь собственными руками выковать себе маленький личный ад».

Я знала, Рэй не отступит. Просто не сможет.

Но знала и другое – поднимая руку на меня он каждый раз мучается сам. А я люблю, когда он мучается.

– Иди ты со своими угрозами и предложениями!

Его рука сжалась на моём горле, впечатывая в кресло.

– Дура! Я тебе не тигр, чтобы дёргать меня за усы. Ты сделаешь так, как нужно или очень об этом пожалеешь.

Я с ненавистью смотрела в его красивое лицо, мечтая увидеть Рэя мертвым.

Подари мне, Боже, Санта Клаус или счастливый случай этот подарок! Сделай так, чтобы он сдыхал долго, в муках. Чтобы боли, которую он так щедро раздаёт, хватило с лихвой на него самого. Чтобы его хвалёная выдержка, которой он так кичится, треснула, как перезревшая дыня. Чтобы ему подавиться ей!

– Ну так что, Сандра?

– Да, папочка. Сделаю всё, как ты того пожелаешь.

– Вот умница, – довольно хмыкнул Рэй, отпуская меня.

И вновь потянувшись за очередной бутылкой.

Хлебай, тварь хоть ухлебайся. Даст бог дожить до этого светлого

момента.

– Ну, не делай такого лица, Санда. Подумай о хорошей стороне вопроса.

– Она есть?

– Конечно. Всё то время, которое ты будешь вынуждена проводить рядом с Эленджайтами, ты будешь избавлена от моего ненавистного общества.

Я смерила его взглядом. Хотела озвучить тот банальный факт, что, куда бы я не пошла, тень моей проклятой семейки потянется следом, и тень папочки – в первую очередь. Но промолчала. Какой в этом смысл?

– Я так понимаю, следует объяснить, с чего мне вдруг потребовалось заручиться твоей помощью?

– Все давно привыкли к тому, что твои капризы не отличаются последовательностью.

– Моё безумие больше показное, чем настоящее, оно лишь видимость. В любом случае я и в половину не так безумен, как Синтия Элленджайт, которой ты пытаешься симпатизировать.

– Не трудись что-то обосновывать, твой главный аргумент я уже выслушала. Пока твоя удавка способна дотянуться до моей шеи, я буду тебе повиноваться. Но не поворачивайся ко мне спиной. Я тебе не союзник и не друг.

Я направилась к выходу.

– Не торопись, – полетело мне в спину. – Мы не закончили.

– Что ещё? – от раздражения я едва не притопнула ногой.

– Синтия дожидается результатов нашего... хм-м... разговора?

– Хочешь, чтобы я поехала с ней прямо сейчас?

– Способность мобильно реагировать на ситуацию одна из лучших человеческих качеств.

– Подведём итоги, чтобы ничего не напутать. Ты хочешь, чтобы я отправилась с твоей венценосной жёнушкой в её заново отстроенный дом и там делала вид, будто выполняю порученную ей работу. Впрочем, без особого рвения, чтобы не вызвать ненужных подозрений. Пользуясь ситуацией, я должна соблазнить и привязать к себе Альберта Элленджайта с тем, чтобы перетянуть его на нашу сторону. Но тоже без особого рвения. Жениться он всё-таки должен на Катрин, ведь без этого брака мы все не получим доступ к пресловутым денежным активам легендарных предков. Всё правильно?

– Можешь быть умницей, когда захочешь. Собирайся. Синтия хочет заполнить тебя прямо сегодня, сейчас. А то, что она хочет, она обычно

получает. Будь с нею осторожна. Очень. Как с особо ядовитой и опасной змеей, способной ужалить в любой момент и от которой нет противоядия.

Что касается змея и прочих хищников – так я живу в серпентарии. Ползучие гады меня не пугают с тех самых пор, как я научилась ходить.

Перед отъездом мне ужасно хотелось поговорить с Энджелом. Каждому из нас нужна поддержка близкого.

Или её иллюзия.

Хотя бы просто сказать... но он развлекается с этим своим недодохликом – Артуром.

При одной мысли о сладкой парочке во мне поднялась горячая волна ярости и негодования. Как я надеялась, что Артур исчезнет из нашей жизни! Но всё стало только хуже. Если до его исторической ласточки с небоскрёба Рэй понятия не имел о младшем сыне, то после несчастного случая Ливиану зачем-то припекло рассказать о существовании Артура папочке. Рэй охотно принял сложившееся положение дел, в смысле связь двух непутёвых сыночков, в некоторых вопросах он до тошноты толерантен. Так что теперь наши милые голубки могут продолжать отношения не таясь.

Одна правда – покинуть наш гадюшник, пусть даже на время, это к лучшему.

Энджел, вынужденный беспокоиться о моём благополучии, может быть, наконец, завяжет с очередным загулом, покинет своего единокровного любовника и наркоту?

Я поймала себя на том, что судорожно мечусь по комнате, собирая вещи. Кружу на одном месте, перекладываю по десять раз туда и сюда одно и то же. А мысли мои раз за разом возвращаются к брату.

Пусть в последнее время выяснилось, что у меня их целых три, но в сердце жил только один.

Легко рассуждать о том, что нельзя влезать в жизнь других людей. Что близкого человека нужно принимать таким, какой он есть.

Но я не могу принять Энджела таким, какой он есть! Смириться с пороками любимого человека это значит смириться с его гибелью. Я не хочу! Да и элементарно не могу принять, как данность, то, что от того Энджела, которого я знала и любила, остались одни руины, а, может быть, и того меньше.

До появления в нашей жизни Артура я терпела все закидоны моего брата-близнеца. Я оправдывала его поведение, ведь многим его поступкам действительно находилось объективное оправдание.

Но этой губительной братской страсти я ни понять, ни оправдать, ни,

тем более, принять. И, не стану таиться, я была бы рада, если бы Артур умер. Или остался парализованным до конца своей жизни, где-нибудь подальше от нас.

Возможно, так бы и было, но, если верить Ливиану, Альберт Элленджайт и тут сунулся своей смазливой бабьей физиономией! Этот красавчик дважды перешёл мне дорогу. Спас жизнь Рэю, поставил на ноги Артура. А я, словно злобная фурия, подобно Злой Королеве из недоброй сказки, не нахожу себе из-за этого покоя.

Что ж? Предложение Синтии даёт мне возможность нажать на паузу и заняться чем-то, что ни связано с Эджелом.

Чёрт! Энджел! Я так надеялась, что он влюбится в нормальную девушку и побудет, пусть недолго, нормальным и – почти счастливым.

Эта его Фиалка в самом деле запала ему в душу, но возникло папочкино задание, потом некстати выздоровел Артур и всё покатило к чёрту.

Всё тошнотворно и мерзко.

Мерзко до такой степени, что я вынуждена ненавидеть единственного человека, которого люблю.

Когда-то Энджел был вынужден окунуться в порок, чтобы спасти от него меня. Он делал это без души и это было с его стороны жертвой. Но теперь он научился находить радость в том, что раньше принимал с отвращением.

Я понимала, что во многом это закономерно и предсказуемо, что, наверное, так и должно было случиться. Не могло быть по-другому. Понимала, но ничего не могла с собой поделать.

Я чувствовала себя так, будто брат бросил меня. Оставил. Предал.

Из-за этого своего Артура.

Я могла бы легко принять Ирис. Пусть мне было бы и сложно поделиться с ней любовью брата, но я бы сделала это ради него.

Но Артура не приму.

И если Энджел не сможет справиться со своей губельной страстью, тем хуже для нас обоих. Или он расстанется с любовником. Или потеряет сестру.

Самое печальное, я не уверена в безоговорочном выборе брата.

Каприз Синтии давал возможность взять тайм-аут. И за это я была почти благодарна ей.

Всё кончилось тем, что я, забросив чемодан куда подальше и прихватив с собой лишь кредитку, не попрощавшись ни с братом, ни, уж тем более с матерью, которая обычно в это время под действием

наркотиков и алкоголя с трудом могла вспомнить как её зовут, налегке отправилась на встречу к поджидающей меня госпоже Элленджайт.

Глава 2. Сандра

Не могу сказать, чтобы Синтия мне нравилась, но она определённо будоражила моё воображение: единственная женщина, с которой считался мой отец, стоила интереса.

Одно у таких людей как Рэй и Синтия не отнять – с ними никогда не бывает скучно. Их странный мозг, работающий не так, как у остальных людей, выдаёт такие мотивы, которых ни предугадать, ни просчитать. Это забавно.

Приятно полной грудью вдохнуть свежий прохладный воздух после спёртой духоты подземных казематов, что по милости Рэя служили нам домом. Он бодрил.

У каждого свои ассоциации, но что касается меня, то Синтия всегда напоминала мне змею. Кажущаяся неторопливость, неспешность и молниеносная реакция; видимая беспомощность и крайняя ядовитость – всё это было также присуще ей, как любой песчаной гадюке или кобре, притаившейся в скалах.

– Ты долго собиралась, – фыркнула она вместо приветствия, стоило мне подойти. – Судя по времени, ушедшему на сборы, я думала, машины будет мало, чтобы сдвинуть весь твой гардероб? А ты практические налегке?

– Всегда приятно обмануть чьи-то ожидания. Путешествовать налегке приятно.

Синтия усмехнулась.

Сегодня она выбрала образ девчонки. Девчонкой и выглядела: волосы, высоко забранные в хвост, джинсы, кожаная куртка – легкомысленно и молодо.

Интересно, сколько ей лет на самом деле?

Водила она отлично. Плавно, ровно, без рывков. Никого не подрезала, никого не обгоняла, ни разу не проехала на красный свет. И в то же время в её манере чувствовалась уверенное спокойствие человека с отличной реакцией.

– Мы проехали половину пути, а ты ещё не задала мне ни одного вопроса, – нарушила она молчание, в котором лично мне было вполне комфортно.

Так и не дождавшись моей ответной реплики, она фыркнула

рассерженной кошкой:

– Не интересуешься тем, что тебя ждёт?

– Я знаю, что меня ждёт: мавзолей из золотых свитков под названием Кристалл-Холл и позолоченная мумия – ты.

Я обычно резка с людьми. Почему? Потому что людям только дай повод, они сразу же начнут доставать навязчивым дружелюбием. Нужно успеть выставить свои колючки до того, как тебя достанут щенячьими восторгам и щенячьей же преданностью.

Но к Синтии мои обычные мотивы были не применимы. Она на дружелюбного щенка уж точно не походила.

– Редкостное и похвальное равнодушие, – усмехнулась она, лихо сворачивая с главной дороги. – Что тому причиной?

– Право голоса. Раз я его не имею, то мне плевать, с какой целью и куда меня везут.

– Серьёзно? Тебе плевать, даже если я скормлю твою шикарную тушку ручным крокодильчикам?

– Сильно сомневаюсь, что вашим домашним крокодильчикам я окажусь по зубам. Я бы на вашем месте так ими не рисковала.

– Ты недооцениваешь моих крокодильчиков. У них острые зубки.

– Тем досадней будет их потерять.

Синтия рассмеялась высоким, мелодичным, холодным смехом. Он раскатился по салону машины мелкими снежными кристалликами.

Я всерьёз поверила в то, что смех бывает острым. Теперь, когда я слышала госпожу Элленджайт, я знаю – он таким бывает.

– Я не потерять хочу, а кое-что обрести. Именно для этого мне и потребуется твоя помощь, Сандра. Как насчёт того, чтобы поработать наживкой? Ах, да, ты же уже озвучила своё отношение к отсутствию выбора и тут я склонна с тобой согласиться: отвратительно, когда кто-то что-то решает за тебя. И уж совсем омерзительно, когда решают все. Но что поделать? Жизнь так устроена! Я готова поставить памятник человеку, в решающий момент выбравшему интересы ближнего своего, а не свои собственные. Но я прожила туеву кучу лет и – увы! – но нет. Человек всегда выбирает самого себя. Всегда своя рубашка ближе к телу. Однако тебе никто не запрещает отстаивать свои интересы.

– У меня в ваших играх интереса нет.

Кстати, человек не всегда выбирает самого себя и свои собственные интересы ставит выше других, но каждый живёт в той реальности, в которую верит. Я с Синтией спорить не собиралась.

Глаза её удивлённо распахнулись:

– Тебе действительно всё равно?

Её это удивляло?

Ну, конечно. У нас такие разные жизни. Она принцесса белых холмов – я принцесса подворотен. Я не могу представить жизнь на белых подушках, когда мир вращается вокруг твоего наманикюренного пальца, а ей не дано вообразить, какого это, быть самой большой крысой в крысятнике, ежесекундно выгрызая своё право на жизнь.

У меня на глазах убивали, насиловали, торговали людьми, попирая самое святое. Среди моего окружения то, что людьми возносится в ранг абсолютных ценностей – жизнь, неприкосновенность человеческой личности, любовь к семье, – всё это втапывалось в грязь, не стоило ничего.

А чувства, настоящие, истинные, искренние – они были хуже всего.

Мой брат любил меня. Моего брата, Энджела, того, которого знала лишь я, не стало. Потому что он сделал именно то, что отрицала сейчас Синтия с Хрустальных Холмов – выбрал меня, а не себя.

Он шёл на всё, выполнял всё, что хотел наш отец, лишь бы тот не трогал меня. Энджел, как мог, пытался защитить меня и нашу мать. А что в результате? Брат стал тенью Рэй. И я вовсе не уверена в том, что когда-то отец не прошёл той же дорогой, может быть, даже тяжелее и хуже, чем та, через которую прошли мы с братом.

Но через какую бы мясорубку не протащило Рэя, это его не оправдывает. И моей ненависти к нему не отменяет.

Да, я всё это к чему?

Госпожа Элленджайт не может понять простой истины: я не боюсь и не интересуюсь своей участью по одной простой причине – мне всё равно. По-настоящему всё равно. Если меня завтра пристрелят, что я теряю в этом мире?

Сломленную, теряющую человеческий облик мать, не гнушающаяся спать с собственным сыном? Брата, трахающий брата? Отца, насилующий сына? Голодные глаза Ливиана, следящие за каждым моим шагом?

Похоть, грязь, низость, презрение к одним, ненависть к другим – вот это всё? Да нисколько не жалко, не досадно и не страшно. Когда ты зовёшься Сандрой Кинг, жить для тебя куда страшнее, чем умереть.

Я не боюсь смерти – меня страшит жизнь рядом с Рэем.

Отца я боюсь больше жизни. Боюсь до дрожи. Потому что Рэй умеет так вывернуть человеческую душу, как никто другой. Он ломает людей с садистским наслаждением, как капризный ребёнок игрушку, из праздного любопытства – а что же там внутри?

Поломал – тянется за другой.

Мы давно выехали за пределы Эллингжа. Мягкое покачивание затягивало в сон, а потом я увидела легендарный Кристалл-Холл.

Удивительно, но я никогда не бывала здесь раньше. Не то чтобы придавала значение страшилкам и слухам, что ходили в городе об этом месте. Просто неинтересно было.

А место оказалось выдающимся, будто его строили не люди – руками, а сами боги.

В описаниях я не сильна, но сочетание белого, тёмного и прозрачного – это сильно!

– Нравится?

Я коротко кивнула. Мне нравилось. Ещё как.

– Каждый дом имеет душу. Её истоки лежат в его памяти. А этот дом помнит многое, как прекрасного, так и тёмного. Он весь построен на контрастах, как души тех, чьи призраки до сих пор бродят в нём. Кстати, ты веришь в призраки?

– Нет.

Синтия криво усмехнулась.

– Мы это исправим. Против железных фактов даже скептики бессильны.

– Ты намерена превратить меня в призрак? – с лёгким налётом сарказма поинтересовалась я.

– Я намерена познакомить тебя с парочкой из них, но это позже. Для начала тебя следует подготовить.

– Как индюшку к Дню Благодарения?

Синтия молча сделала знак следовать за ней, я подчинялась охотно. Со мной происходило нечто мне несвойственное – я очаровывалась. Дом встал передо мной как воплощение тайных снов, запретных и сладких.

Кто-то мечтал о приключениях. Кто-то о богатстве. Кто-то о чудесах. Кто-то о прекрасных, как грех и солнце, мужчинах. А я всегда мечтала о доме, который никогда не надеялась найти. И дело тут не в богатстве интерьера, не в его немыслимой роскоши – всего того, что ценят большинство.

Что-то куда более глубокое, как подсознание. Как будто когда-то я уже была здесь, когда-то уже любила его, а потом потеряла дорогу и только теперь вернулась.

Синтия не сводила с меня испытывающего взгляда, жадно ловя малейшие изменения на моём лице. Вообще-то я не раз слышала, что натура я мало эмоциональная. Это не правда. Просто чувства на моём лице

не отражаются. Школа Рэя.

Но дом всё-таки пробил толстую броню. Восхищение, что я испытывала, хотя бы краешком, не могло не отразиться на моём лице – уж слишком велико оно было.

– Дом тебе нравится, – удовлетворённо кивнула Синтия. – Ты настоящая Элленджайт! А вот Катрин Хрустальный дом не приняла, – с грустью добавила она, проводя холёной рукой по его дорогим панелям. – Она его испугалась. Он для неё слишком велик.

– Вы габариты поместья имеете в виду? Или нечто другое?

– И то, и то.

Зал с колоннами производил впечатление поражения громом. Это правда грандиозно, масштабно и нечеловечески красиво!

– В своё время в центре висела на огромных позолоченных цепях люстра с... даже уже затрудняюсь сказать, сколькими свечами. Всё это преломлялось в гранях кристального купола, отбрасывая мириады искр. В те времена выглядело как настоящее волшебство, – с ностальгией вспоминала Синтия. – Теперь другие возможности, их стало гораздо больше, а вот волшебства, наоборот, увы, меньше. Но благодаря новой разработке дизайнеров теперь можно создавать любое настроение, подстраивая освещение под свой вкус: голубое, зеленоватое, красноватое, золотое свечение в колоннах. И всё по нажатию пары кнопок. Мне по старинке нравится, когда всё словно утопает в лунном свете. Винтажно и старомодно.

Демонстрируя возможности новой световой техники, Синтия нажимала на кнопки. И в зависимости от подсветки действительно менялось всё. Но мне, как и ей, тоже ближе естественные тона.

Серебристо-голубоватое мерцание льдистого потолка, лунное сияние колонн вызывало во мне чувства, что я попала в настоящий снежный дворец, то ли Джека Фроста, то ли Ледяного Сердца, то ли Снежной Королевы.

Холодное мерцание льда, луны и ночи – этакое готическое царство Смерти.

Красная подсветка мне категорически не понравилась. Мы словно оказывались на дне адского котлована. Бр-р!

– Хочешь выпить? – предложила она.

– Я не пью.

Удивление Синтии казалось искренним:

– Не пьёшь? Вот это да! Довольно неожиданно для девочки из твоего окружения. Хотя, если подумать? – усмехнулась она. – Если подумать, то не

так уж и неожиданно. Когда все вокруг трезвинники тянет выпить, а когда все вокруг с утра до вечера лакают виски, логично заделаться трезвенником. Протест он такой протест. Ну, не хочешь спиртного, может быть, сгодится чай?

– Против чая не возражаю.

– Штат прислуги пока набирают, а тех, кого уже наняли я обычно после семи отпускаю по домам. Так что, если не возражаешь, пойдём на кухню и всё сделаем сами.

Я не возражала.

Кухня выглядела одновременно и уютней, и архаичной. Находилась она, насколько я разобралась, в цокольном этаже. Чем ближе к фундаменту, тем меньше нововведений. И тут не нужно быть историком, чтобы невооружённым взглядом рассмотреть остатки сгнувшего в других местах без следа жизненного уклада.

Раньше готовили на открытых очагах, но теперь, слава богу, и здесь стоял ряд новеньких газовых плит.

– Несмотря на то, что восстановительные работы ведутся полгода, и за них щедро платят, реформация коснулась не всего, как видишь, – проговорила Синтия, колдуя над плитой, чайником и заварником. – К свадьбе Альберта планирую завершить всё. Впрочем, можно и по-другому посмотреть на проблему – свадьба Альберта как вишенка на торте, станет венчать воскрешение родового гнезда.

– А я тут при чём?

– Всё-таки спросила? – усмехнулась Синтия. – Ну, я знала, что рано или поздно этим всё равно закончится.

Из буфета она, по-хозяйски, совсем по-человечески достала, одну за другой, вазочки с булочками, конфетами, печеньями и душистым вареньем. Кажется, персики? Или абрикосы?

Интересно, она сейчас сбросила маску или, наоборот, лучше её натянула?

Вот на самом деле интересно! Даже приятно, что у Синтии так много лиц. В последнее время люди, как и современные книги – больше идёт примитивный шлак. Нет, они милые, но их содержание становится понятным с третьей минуты или третьей страницы. Никакого второго плана, всё на виду и с одной линейной сюжетной линией. Синтия же напоминала шкатулку с секретом. Я подозревала, что на дне она хранит смертельный яд или отравленный кинжал. Но то, что копаться в этой опасной шкатулке было интересно отрицать не имело смысла.

– Твоему присутствию здесь есть две причины.

Она села, поправив прядь выбившихся из причёски волос.

– Во-первых, все мы ищем «своих» людей. Тех, кого можно приблизить, кого можно обучить, передать часть знаний. Чем сложнее и многогранней личность, тем больше шансов у неё на одиночество. Ты когда-нибудь видела одиноких торговков, доярок или водителей большегрузов? Они все женаты, счастливо ли, несчастливо, другой вопрос, имеют кучу приятелей-собутыльников и кучу сопливых ребятишек. Да чёрт! Они плодятся, как кролики! Хотя их примитивные грубые одноклеточные отпрыски, что без зазрения совести нагадят у тебя в прихожей, не нужны никому, даже самим себе. И каждый из этих одноклеточных так же легко и быстро плодится, находя себе пару по интересам – или отсутствию оных.

Другое дело люди умные и тонко чувствующие. Большинство из них не имеют партнёров, потому что сложно найти человека той же глубины и чувств. Вот и намечается такой глобальный перекосяк, когда дураков много, стяжателей много, подлецов много, а популяция порядочных людей уменьшается, словно шагреновая кожа, с каждым новым столетием.

Возможно, – подпёрла Синтия рукой подбородок, в задумчивости созерцая пламя танцующей на фитиле свечи, – есть и другое объяснение. Земля – преддверие Ада. Чистым душам тут просто нет места. Они рождаются в других, более совершенных и светлых мирах.

– Как ваша теория соотносится с моим приездом в этот дом? – вернула я её к началу разговора.

Синтия вздрогнула, словно очнувшись от сна и рассмеялась серебристым смехом. Была в её жестах некоторая театральность. Не то, чтобы фальшь, но каждый жест, слово, взгляд точно рассчитаны на зрителя.

– Ты конкретная девушка, – покачала госпожа Элленджайт головой. – Так просто с пути не собьёшься.

Лицо её посерьёзнело, черты заострились, стали словно бы злее.

Любопытная метоморфоза. Как у неё так получается?

– Мне нужна помощница и ученица. Я планирую проверить одно дельце, в котором ты будешь мне помогать. Может быть, получится компаньонку из тебя сделать. Официально будешь помогать мне наводить блеск в доме.

– Отлично. Можно мне его осмотреть?

– Не лучше ли дожидаться утра? – улыбнулась Синтия. – В дневном свете всё выглядит уютным, а ночью, с непривычки, дом напугать может. Слишком уж он большой для двух хрупких женщин.

– Я не из пугливых. Скорее, из любопытных. И меня куда больше

пугает скопление народа, чем его отсутствие. Но если вы предпочитаете перенести осмотр на завтра, я не могу настаивать.

– Делай, как знаешь, – отмахнулась Синтия.

Мне отчего-то показалось, что сейчас она возьмёт свечу и дальнейшая экскурсия будет проходить при неровном свете натурального пламени. Но этого не произошло.

– Планировка дома проста, – проинструктировала она. – Из центрального зала двери ведут во множество других комнат: гостиную, музыкальный и художественные салоны, бильярдную, бассейн, оранжерею, фехтовальную залу: все они, словно карусель, кружатся вокруг центра.

На втором этаже, устроенном по принципу любого отеля или пансиона, расположено множество комнат. В прошлые века наш род был многочисленнее, каждому предназначались апартаменты с собственным санузлом...

– В прошлые века были знакомы с канализацией?

– Вообще-то, с канализацией знакомы со времен античности, – усмехнулась Синтия. – Другое дело, что далеко не все готовы были тратиться на удобства, большинству вполне хватало ночной вазы под кроватью. Но мы, естественно, не из их числа. Элленджайты во все времена ценили комфорт и уют и никогда не скупилась в оплате за удовольствия.

Бесконечные дифирамбы, что госпожа Синтия пела Элленджайтам наводили скуку.

– Вы хотели показать дом, – напомнила я.

Синтия бросила на меня недовольный взгляд и тут же на губах её заиграла эдакая сиропная улыбочка.

– Я не забыла. Идём.

Дом утонул в тайнах и сумерках. За новыми панелями чувствовались древние стены. Огромная широкая лестница, по которой легко мог съехать автомобиль, вывела в коридор на втором этаже. Я думала, что купол будет виден, но он был замаскирован стеной, а двери шли только по одну сторону.

Откровенно говоря, их количество впечатляло и зашкаливало. Сколько же людей жило тут раньше? Как многоквартирный, очень роскошный отель класса Люкс.

– Хочешь заглянуть в комнату?

Синтия толкнула первую же попавшуюся дверь.

Открывшаяся моему взгляду комната была явно женской. Об этом говорили тёплые тона и светлая расцветка обоев и интерьера. Три окна в

алькове занавешивали тонкая кисея и богатые, кажущиеся с первого взгляда невесомыми, но на деле тяжелые, гардины, перехваченные золотыми кистями.

Над спинкой кровати, от пола до самого потолка поднимались зеркала – целая зеркальная стена. Сама двуспальная кровать, заправленная покрывалом того же цвета, что и гардины, с четырьмя подушками – две большие и две поменьше. В изножье – небольшой комод красного дерева на пузатых ножках. Изголовье сторожили прикроватные столики с маленькими светильниками.

Между окнами – торшеры. На одной линии с дверью возвышался массивный письменный стол и массивный же стул, тон в тон со столом, обитый натуральный кожей коричневого цвета.

У третьего стола возвышалось уютно кресло, так и приглашающее уютно устроиться, закутав ноги пледом.

У комнаты не было хозяина. Это чувствовалось по отсутствию в ней атмосферы или энергетики – назовите, как угодно.

Это был безликий уют гостиничного номера.

– Нравится? – ровным голосом поинтересовалась Синтия. – В своё время комната принадлежала моей кухне Стелле. Но стараниями дизайнеров от того времени ничего не осталось. И слава богу! Хочешь, можешь устроиться здесь?

– Непременно так и сделаю, – пообещала я. – Если не перепутаю эту комнату с чьей-то другой.

По губам Синтии скользнула тонкая усмешка.

– Пойдём, я хотела бы показать тебе портретную галерею.

Мы дошли до конца бесконечного коридора. Толкнув замаскированную дверь, Синтия вышла ещё на одну лестницу, далеко не такую широкую, как парадная.

– Куда она ведёт? – поинтересовалась я.

– На третий этаж.

Точно! Я же ещё на подъезде должна была заметить, что этажей три.

Или не должна?

– А почему лестница потайная?

– Она не потайная. Раньше в доме всегда кто-то гостил, но этот этаж предназначался только для своих. Тут были рабочие кабинеты, классные комнаты для детей, студии.

– И картинная галерея?

– Нет. Прежде она располагалась на первом этаже. Семейные портреты находились в открытом доступе, взглянуть на них мог каждый

желающий.

Синтия зазвенела ключами. Мы вошли в длинную комнату. Стен было много – как в лабиринте.

Это действительно была галерея – залы, переходы, тупики. И со всех сторон глядели тускло лакированные портреты в полный рост, как у коронованных особ.

Ночь. Темнота. Множество лиц и взглядов.

У портретов есть такая дьявольская особенность, изображённые на них люди смотрят прямо на тебя, куда бы ты не встал.

Подняв выше масляную лампу, Синтия высветила из темноты женский портрет с изображением высокой и стройной блондинки с золотыми волосами, собранными вокруг головы золотым нимбом. Яркие глаза отливали кошачьей зеленью. Черты лица у незнакомки были точеными, но вот упрямый подбородок и плотно сомкнутые губы выдавали ой, какой не простой, характер своей владелицы.

Она смотрела надменно и спокойно, как и полагается даме с портрета прошлых веков.

«Снежанна Элленджайт», – гласила надпись под изображением.

– Красивая, правда? – вкрадчивым голосом подкрадывающейся кошки проговорила Синтия.

– Они все тут красивые.

– Верно. Но у Снежанны была особенная репутаций. Многие в нашей семье винули её за тот раскол, что в ней произошёл. Обвиняли в жестокосердии и порочности.

Я взглянула на портрет внимательней. Лицо женщины выглядело спесиво, но вроде бы не хранило следы пороков. Хотя далеко не всегда лица отражают подлинную человеческую суть. По-крайней мере, по молодости.

Взгляни на Рэя? Красив, как ангел, а хуже чёрта.

– Виновата или невинна – кто теперь разберёт? – вздохнула Синтия. – Ты любишь страшные сказки, Сандра Кинг?

– Не люблю, – без колебаний ответила я.

Синтия усмехнулась:

– А я всё равно расскажу тебе старую-старую историю. Почти двухсотлетней давности. Впрочем, всё началось ещё раньше.

Глава 3. Сандра

Жили-были могущественные, красивые, богатые люди. И было у них

всё-всё-всё, что только может пожелать в жизни человек. Всё – кроме счастья. Хотя порой и оно случалось. А если нет, то винить за это они могли только самих себя, потому что были они сверх всякой меры спесивы, похотливы и капризны.

Если и любили эти люди кого-то, то только таких же жестоких, капризных и похотливых, как они сами.

Были у этих людей весьма отличающие их от других странности. Они не умирали, как другие, если их ранить. Ни меч, ни яд, ни огонь не могли их уничтожить. Их не пугало то, что приводит в и трепет других людей: ни боль, ни порок. Напротив, они любили их, получая такое же удовольствие, как другие получают его от вкусной еды или секса.

Секс без боли они не воспринимали. В их странных головах каким-то странным волшебным образом соединялось то, что не соединимо. Понять их было сложно. Они столь же пугали и отвращали, как привлекали и завораживали. Тот, кто встречал их однажды никогда не забывал. Но худшее, что с человеком могло случиться – это встреча с такими, как они.

Их было много, они предпочитали держаться одним кланом. И так было на протяжении нескольких веков.

Сосуществование с другими людьми позволило построить собственную империю. Собственный город. Собственный мир.

Так длилось долго. А начало конца началось с рождения этого человека. В семейных преданиях он остался Ральфом I.

Синтия остановилась у портрета с изображением молодого человека.

Не мой тип, определённо. Мне такие никогда не нравились. Хотя... я таких и не видела.

Возможно, всё дело было в костюме? Тёмный фрак резко контрастировал с золотыми кудрями с серебряным отливом. Они не ниспадали до плеч в байроническом стиле, а лежали вокруг золотым нимбом. Черты лица, по-женски тонкие, но без тени женской мягкости или меланхолии, свойственной Артуру. В уголках рта жёсткая складка. Глаза большие, взгляд прямой, но даже через портретную рамку и бездну лет под ним хотелось поёжиться.

– Всё началось с Ральфа I, – повторила Синтия, вздохнув. – Вся эта чёртова история. Он был странным человеком. Станным даже по меркам своей чокнутой семейки. Совершенно беспощадным и к другим, и к самому себе. Он словно играл со смертью всю свою жизнь, маня её, как желаннейшую из любовниц. Но она не торопилась. Может быть, не желая присоединяться к сонму бесчисленных соперниц?

До Ральфа никто из наших мужчин не спал друг с другом. Некоторым

слухи приписывали интрижки с мужчинами, но всё это были лишь неподтверждённые слухи, но Ральф ввёл это в обыкновение. Не таясь крутил романы и с кузинами, и с кузенами. Несколько лет жил с Эженом Этьеном, а потом с его родной сестрой, кстати, весьма уважаемой в будущем особой – Софи Этьен, одной из первых женщин, всерьёз занимающейся хирургией. Как видишь, Катрин далеко не первая Элленджайт, подвизавшаяся на этом поприще? Может быть, так даёт себя знать фамильная тяга к человеческой крови?

У Ральфа было трое детей: два сына, Винсент и Ральф и одна дочь, Снежанна. У всех у них были разные матери. По слухам, второй сын, тоже Ральф, был также и его братом. Он прижил ребёнка от родной матери. Но, что хуже того, обращался с ним просто бесчеловечно.

– Почему вы так подробно рассказываете мне именно об этих людях?

– Потому что это моя кровная линия. Ральф Элленджайт I является моим дедом. Официально моим отцом числился Амадей Элленджайт, троюродный кузен моей матери, за которого она вышла замуж. Но не он был моим отцом, а Ральф II, в смерти которого и обвиняли Снежанну, мою мать, до конца её дней.

Одни считали, что Ральф I, их отец, узнав о связи сестры с братом, слетел с катушек и убил сына, другие – что Альберт сам наложил на себя руки. Но причиной и в том и в другом случае называли мою мать.

Я была мстительным, гневливым подростком. Я винила её за всё: за распушенность; за то, что мой отец был для неё лишь игрушкой, в то время как она явно была чем-то большим для него самого.

Матери очень часто любят сыновей сильнее дочерей, но мне казалось, что причина в том, что я дочь своего отца, проклятая, как и вся линия Ральфа. А ангелочек Алберт ни о чём дурном своим существованием ей не напоминал.

Я считала, что моя мать должна страдать, должна заплатить за свои грехи. Мне не хватало её любви, её внимания. Я злилась. Возможно, будь она чуть мягче и внимательнее, расскажи она о том, что было у них с отцом на самом деле, мне было бы легче? Но мать этого не сделала.

Была ли их история историей любви, существующей вопреки всему? Имело ли место насилие, что, учитывая характер Ральфа II, вполне могло случиться? Было ли это просто обыкновенным блудом, развлечением, которое они не собирались придавать огласке? Я уже никогда не узнаю. Все участники этой истории давным-давно мертвы, – с горечью прошептала Синтия.

У меня чесался язык спросить о том, не сошла ли она с ума? Судя по

одежде Снежанны и Ральфа Элленджайтов, они жили века два назад. Это как минимум?

А Синтии от силы я бы могла дать лет двадцать пять.

Но я не стала спрашивать, потому что, судя по всему, она собиралась продолжить свой рассказ.

– Я всегда думала, каким он был? – протянула Синтия, останавливаясь перед следующим портретом. – Мой отец, – фраза прозвучала как-то двояко.

Не понятно, то ли она заканчивала фразу, то ли представляла мне молодого человека на портрете.

Откровенно говоря, того, перед кем мы сейчас стояли, представить чьим-то отцом было сложно. Даже если половина из того, что было отображено – правда, этот безвременно почивший Ральф III должен был быть интересной личностью. Квинтэссенцией всех наших семейных тайных пороков и выставляемых на показ достоинств.

Последних, откровенно говоря, было немного. Красота – раз; невероятная живучесть – два. Что там далее по списку?

– Ты находишь его красивым? – спросила Синтия. – Говорят, в жизни он был ещё интересней.

Она всерьёз?! Да какая разница, насколько хорош или плох тот, от кого давно и костей-то не осталось?

– Почему вы считаете, что этот человек мог быть вашим отцом? – осторожно, словно боясь вызвать новый приступ сумасшествия, спросила я.

– Потому, что так оно и есть. Понимаю, звучит бредово, но зато правда. – улыбка сошла с её лица. – Я долго живу на свете. Слишком долго. Может быть дольше, чем самой хотелось бы. Иди сюда, я покажу тебе ещё один портрет.

Этот портрет был большим. На нём в полный рост изображались трое молодых людей, приблизительно моего возраста: двое парней и девушка, все одетые по моде давно ушедших веков.

Двоих из изображённых я знала. Такого прямого сходства в жизни не случается! Передо мной действительно были Синтия и Альберт.

Третий, черноволосый, тонколицый, надменный, очень неприятный тип был мне незнаком, но речь не об этом. Я могла бы отрицать увиденное или подыскивать ему рациональное объяснение: портрет – подделка; фамильное сходство (ага! У двоих сразу?), но, откровенно говоря, я не видела смысла отрицать очевидное. Эти двое действительно пришли к нам из бездны веков. Этим, пожалуй, легко объяснялась та необычность

поведения у Альберта, которая сразу же бросалась в глаза, с первой встречи.

– Что дальше-то? Это – ты, это – твой брат Альберт; это твоя мать, с которой ты не ладила, а это твой папенька... все яркие, красивые. Но мне, если честно, плевать на все скелеты во всех шкафах Кристалл-Холла.

Меня всегда напрягает, когда на меня смотрят с насмешкой. А Синтия делала именно это – смотрела с таким сарказмом, как будто знала обо мне что-то, мне самой неизвестное.

Так быть не могло.

Или – могло?..

– Видишь третьего между нами? – спросила она меня.

– Парня с капризным и надменным лицом? Конечно, вижу. Не слепая.

– Он был третьим нашим братом. Мы считали его кузенком, но оказалось, что наше родство оказалось много ближе.

Ну и зачем мне эта информация? Если она хотела меня этим шокировать?.. Впрочем, едва ли. Синтия слишком близка с нашей семьёй. Папеньку знает давно, так что прекрасно понимает – инцестом меня не смутить.

– Я хочу вернуть его к жизни.

Вот тут я зависла, словно компьютерная программа, давшая сбой.

Я многое в жизни видела, многое слышала. Ни шизофренией, ни насилием любого рода, ни всеми оттенками сексуальных извращений меня не проймёшь. Но госпожу Элленджайт не даром зовут странной и опасной женщиной. Она меня достала! Потому что стоять ночью в огромной сверкающим склепе и слушать бред о том, что мы воскресим мертвеца, из которого и приличного зомби не получится...

– Вы говорите об этом так, словно это возможно?

– Возможно. Я это уже делала раньше.

– Прекрасно. Значит, сделаете во второй раз. Я тут зачем?

– Я же уже говорила – мне нужна помощь. Я не справлюсь одна! – раздражённо отбросила она волосы с лица.

Вот дьявольщина! Ну с этим как бороться? Она же сумасшедшая!

– Ладно! Хорошо. Допустим, ты права, и такое возможно. Что конкретно, по-твоему, я должна сделать?

– Я поделюсь с тобой силой. И вдвоём мы вернём его дух в останки, а дальше кровавое жертвоприношение сделает своё дело.

Я убивала людей. И не раз. Не горжусь этим ни капли, просто смерть в нашем доме частый гость. Однако крови невинных на мне нет. Все, кого я убивала были сильнее, старше, порочнее меня. Это были мужчины, чёрт

возьми! И... и всё равно, как не разыгрывала я равнодушие, в глубине души, ночами мне бывало тошно до чёртиков.

А эта тварь с видом фарфоровой куклы говорит о жертвоприношении как о чём-то обыденном? Самым разумным было бы прикончить её саму. Мы вдвоём и... и это нереально. Я не смогу поднять на неё руку, потому что...

Потому что я её боюсь. Я осознала это с удивлением.

До сих пор я боялась только отца. Мой страх был конкретен и понятен. Но что пугает меня в Синтии Элленджайт, я понять не могла. Это был страх перед ночью, призраками, перед смертью. Тот самый глубинный страх, что сидит в подкорке каждого из нас.

– А если я откажусь принимать твою силу, что бы это не значило? Не стану тебе помогать, что тогда?

Синтия посмотрела на меня очень внимательно. К моему удивлению, ни раздражения, ни злости в его взгляде не отражалось.

– Если ты согласишься мне помочь, погибнет гораздо меньше народу, а результат можно будет прогнозировать с куда большей уверенностью. Если нет... Всё будет сложнее и дольше. Ты нужна мне. И я готова оплатить твои услуги. Ты ведь хочешь освободиться от отца?

– Хочешь сказать, если помогу тебе, ты отзовёшь его, как верного пса? – покачала я головой. – Поводок, который ты держишь в своей руке – ты уверена, что он ещё реален?

– Твой отец целиком и полностью, от начала и до конца, моё творение. Я слишком хорошо знаю все ниточки, которыми обвязан Рэй Кинг. Поэтому отвечу – да. Зверь может сорваться с поводка, но пока ещё он под моим контролем. Когда ты получишь силу и деньги, твой отец не будет представлять для тебя угрозу. Твоя свобода от Рэя Кинга в обмен на твою помощь. Вот условия моей сделки.

– Гарантии?

– Я всегда держала данное слово, – голос Синтии звучал холодно, как режущая сталь. – Сдержу и в этот раз. Ты нравишься мне, Сандра. Я буду рада помочь тебе освободиться от нашего злого паука. У тебя есть время обдумать всё не спеша. Вот и подумай.

– Почему ты такая добрая? К чему уговоры? Почему бы просто не заставить меня сделать то, что хочется тебе, раз ты такая могущественная?

– Сила принимается лишь по доброй воле. Иначе это не работает, – сладко улыбнулась она и от этой улыбки у меня позвоночник заледенел.

– Ладно. Уже поздно. Идём спать? Дом никуда не денется от нас и завтра.

Улыбаться в ответ я не стала. Возможно, я приму её предложение. Обрести Силу, способную напугать папочку. Вдруг это и вправду заставит его держаться на расстоянии? Звучит заманчиво.

Но я не стану делать вид, что мы с тобой друзья, вредная стерва.

Я вообще не верю в дружбу. Особенно в женскую.

«С людьми при встрече предполагай самое худшее и, скорее всего, в человеке не ошибёшься», – вот моё кредо.

Новая комната мне понравилась. Выросшая в закрытых помещениях, привыкшая блуждать по длинным подземным переходам, я наслаждалась тем, что для других казалось обыденным: возможностью подойти к окну, взглянуть в него в любой момент.

Тишина, стерегущая Кристалл-Холл не казалась зловещей. Даже роскошь нравилась, хотя обычно я избегаю её. Богатство, комфорт, уют – всё это расслабляет, делает слабым. Хуже того – зависимым. Стоит привыкнуть к изыскам, становишься их заложником. А чем меньше в жизни зависимостей – тем лучше. Привычки, как любимые люди. Тех и других нужно иметь по минимуму. То есть оставлять лишь тех, от которых нет сил избавиться.

Но этот дом словно знал, что мне нравится и с изысканностью старого слуги, отлично знающего привычки хозяина, спешил это предоставить.

Кристалл-Холл! Волшебный замок – Хрустальный Дом. Легенда, почти умершая.

Мало кому из нормальных людей могло быть здесь уютно. Слишком просторные комнаты, слишком большие пространства, слишком много богатство и на всё на это – слишком мало людей.

Но мне нравилось.

Синтия позаботилась забить шкаф шмотьём сверху до низу, всё – моего размера, но без учета моего вкуса. Хотя определённый стиль явно был выдержан.

Леди Элленджайт стильная штучка, несмотря на то, что та ещё... ладно, не важно.

Ванная комната была размером с мою спальню в отцовских катакомбах. Джакузи, все виды душа в душевой кабине (как будто одной ванны, похожей на бассейн, мало?).

«Энджелу бы понравилось», – пронеслась мысль, но я зло вышвырнула её вон из головы.

Я не думаю об Энджелле.

Не думаю!

Я даже не злюсь на него. Пусть спит с кем хочет. Кайфует, как хочет.

Спускает жизнь по собственному усмотрению. Я больше не вмешиваюсь.

Но и из своей жизни вышвырну его без следа. Так, что даже тени в душе от него не останется.

Одиночество страшно только тому, кто с ним плохо знаком. Это как блюдо, которое не каждый умеет готовить. На самом деле оно не страшное.

Одиночество – это свобода.

Вот освобожусь от последней тягостной привязанности и стану свободна. Совсем. И тогда уже можно ничего не бояться.

Кровать слишком большого размера никак не давала по-настоящему расслабиться. В окно вползала невесть откуда взявшаяся луна со своим навязчивым, раздражающим призрачным светом! Не менее навязчиво кружились в голове мысли, большей частью о Рэе. Я уже знала, чью сторону приму в этом противостоянии.

Я всегда мечтала сыграть на противоположной от тебя стороне, папочка.

Энджел будет против. Он не одобрит моего выбора. Отцовская подстилка во всех смыслах этого слова, как бы отец не обращался с сыном, Энджел всегда будет стоять за плечом Рэя Кинга и молчаливо выполнять его приказы. Оправдываясь заботой о близких. Прикрывая этим никчёмным оправданием своё нежелание бороться.

Отчего-то было важно отомстить им обоим – и тому, кого ненавидела, и тому, кого любила?

Так, лелея злобные, полные гнева и злой радости, на дне которых лежал ядовитый осадок отчаяния и горечи, я и уснула.

Спала сладко, как младенец. Почему нет? Сожалеть было не о чем.

Глава 4. Альберт

Я устал от женщин. В последнее время их стало слишком много в моей жизни! Я разрывался от желания угодить обеим, понимая, что по-настоящему не могу сделать счастливой ни одну, именно потому, что их – две и каждая знает о существовании второй.

Дело не в том, что я эгоистично хотел удержать их вместе рядом с собой. И не в том, что не хотел. Просто... так складывалось.

Мы трое повязаны древним завещанием, чтобы ему сгореть!

Ну почему всё в жизни так сложно? Почему нашему соглашению с Катрин не оставаться чисто холодным и рассудочным? Зачем в деловые соглашения вплетаются чувства?

Мне надоело до чёртиков чувствовать себя виноватым перед Катрин каждый раз после встречи с Синтией, хотя после попытки драгоценной сестрицы отравить Кинга наши с ней отношения были более, чем благопристойными и, вполне себе, сестринско-братскими.

Я не мог не злиться на Синтию за то, что она постоянно становилась между мной и Кэтти. Становилась расчётливо, без малейшего снисхождения, а ведь девушки, как ни крути, не одной, образно говоря, весовой категории. Связался, как говорится, чёрт с младенцем.

Вот и теперь, с какого-то перепугу я потребовался моей дражайшей сестричке прямо с утра? Послать бы её к чёрту! Но я уже мчусь по направлению к Кристалл-Холлу, покорный, как и всегда.

Нужно научиться говорить Синтии: «Нет».

Каждый раз даю себе слово, что так и сделаю, а потом каждый раз сомнения из ряда: «А вдруг это и вправду важно?», – заставляют меня плясать под её дудку и вот я мчусь, в очередной раз, оставив и отодвинув в сторону все остальные дела, послушный воле «госпожи Элленджайт»!

Мне всё это не доставляло удовольствия. Как не доставляло радости возвращение в Кристалл-холл.

Откровенно говоря, меня с души воротило каждый раз, как я переступал его порог. Дом был как мемориал, как памятник всей прошлой жизни. Вспоминать слишком больно, а жизнь вокруг кипела ключом и я, слаб и грешен, предпочитал жить в настоящем. Моя печаль никому из близких не могла уже помочь, так зачем страдать даром?

Синтия считала меня легкомысленным, может быть, так оно и есть. Я не умею ценить реликты. Пусть то, что отжило, останется в прошлом. Я не хочу видеть расколки разбитой жизни.

Стоит перешагнуть порог Кристалл-Холла и боль из-за того, кого мы оба в прошлом любили и потеряли, становилась непереносима.

Поверх той картинки, что глаза видели здесь и сейчас, словно вода, струились другие. Множество. Лица, голоса, запахи. Но нет ничего – даже собаки!

Зачем, ну, зачем ковыряться в ворохе прогоревшего пепла?!

Синтия называла это верностью семье. По мне, так чистейшего рода мазохизм. Наверное, его женская форма?

Не понимаю, как можно здесь жить? Мне даже глядеть на это место невыносимо.

Дверь, которую в мою прошлую жизнь запирали на массивный тяжелый кованный засов, теперь легко открывалась электронным ключом. И расходилась в стороны. На две половинки. Принцип действия, как его

там?... Тепловизор, вот! Чудеса техники.

Я бы оставил как было.

А ещё я бы никогда сюда не приходил. Если бы не Синтия.

Она ждала меня на открытой галерее, огибающей дом почти со всех сторон, за исключением парадного входа.

В сегодняшнем наряде сестрица выглядела непривычно глазу. Чужой и, отчего-то, грустной.

При виде Синтии вся моя злость куда-то испарилась. Осталась грусть. Осенняя такая, с горчинкой прогорающих в огне листьев – ранней весной такой грусти в сердце не место.

При виде меня Синтия оживилась, хоть и несколько наигранно.

– Привет, – кивнула она.

Первая! Для Синтии сиё не характерно. Она всегда ждала, когда я сделаю первый шаг к ней навстречу, а она в ответ снизойдёт.

– Привет, – откликнулся я, становясь рядом, облокотившись на перила и устремляя взгляд в обнажённый, безлиственный парк – Ты хотела меня видеть. Как я понял, дело срочное?

Синтия пожалала плечами, улыбнувшись:

– Может, я просто захотела тебя увидеть? Соскучилась?

– Тогда всё ещё хуже.

– Почему?

– Потому что ты никогда не хочешь «просто видеть». Если уж тебе пришла охота разыгрывать сестринскую привязанность, значит, задуманная тобой каверза особенно крупных размеров.

– Ты ошибаешься, – вздохнула она.

– В чём?

– Я не задумывала каверзы. Вообще не думала ни о чём плохом. Ты совсем не веришь в нас?

– Верю – в нас? – удивился я. – Не совсем понимаю, о чём ты вообще?

– Потому что не хочешь понимать! – с досады прикусила она губу. – Я хочу вернуть то, что мы потеряли: тебя, себя, Альберта. Всегда хотела только этого. Всё, что я делала, всё, к чему стремилась...

– Как ты намерена вернуть то, что мертво?

– Тебя же я вернула! – упрямо тряхнула головой она.

– Синтия, – в моём голосе прорезалась усталость, – давай перейдём сразу к делу. Зачем я здесь?

– Я нашла способ, как вернуть Ральфа! Нет, подожди, не делай такого лица! Это будет даже проще, чем с тобой. Во всяком случае, быстрее. Мне не придётся ждать годами, восстанавливая тело из клеток...

Я поморщился. Разговоры о технической стороне процесса были мне неприятны. И это ещё мягко говоря. Для себя я в одно мгновение закрыл глаза, в другое открыл. Всё! А что было между этими двумя точками во времени я и думать не хотел.

– Что мешало тебе поступить так, как хочешь теперь, раньше?

– В прошлом были несколько иные обстоятельства. Я была одна. Теперь же у меня появится помощница!

– Ты о чём?

– Доброе утро, – раздалось за нашими спинами.

Опа! Вот и помощница?

Я предполагал, что в доме мы одни. Неожиданно услышав чужой голос, невольно нервно вздрогнул.

– Видишь? Хрустальный Дом понемногу оживает? – засмеялась Синтия.

– Сандра? – всё сильнее хмурился я.

Никогда не любил сюрпризов, даже если кто-то полагал, что они приятные.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я первое, что пришло в голову. – Это о ней ты говорила? – гневно обернулся я к Синтии. – Она – твоя помощница?

Сестра в ответ скрестила руки на груди:

– Имеешь что-то против?

– Вообще-то, да. Имею. Какого чёрта ты ввязываешь в наши дела посторонних людей?

– Не посторонних, – возразила Синтия. – Сандра, в каком-то смысле член нашей семьи.

– Да какая разница?! – не выдержал я. – Ты совсем... – я осёкся, стараясь справиться с собственными эмоциями.

Закатывать истерики при посторонних, пусть и «в каком-то смысле тоже члене нашей семьи» мне не хотелось.

– Ладно, поговорим об этом позже!

– О чём, дорогой? – насмешливо приподняла брови Синтия.

– Как хозяйка дома, не хочешь позаботиться о завтраке для гостей? – ответил я вопросом на вопрос.

Синтия фыркнула в ответ, одарив меня злым саркастичным взглядом:

– Хочешь отделаться от меня братец?

– Хочу позавтракать. Так торопился увидеть тебя, что забыл выпить кофе. Долг гостеприимства для воспитанного человека превыше всего, не так ли?

– Я помню, как для тебя, милый, актуален вопрос еды в общем и вопрос завтрака в частности, – насмешливо сузила глаза Синтия.

Да, конечно. Вот уже больше месяца, как я не блюю кровью каждый раз, как съем что-нибудь. Мой организм постепенно привыкает вновь усваивать пищу, правда, острый болевой синдром делает этот процесс, увы, лишённым всякого удовольствия.

С другой стороны, в этом есть свои плюсы. При таком подходе к пище ожирение мне точно не грозит.

– Я поняла твой намёк. Не задерживайтесь долго. Здесь прохладно. Не заморозь мою гостью, Альберт, у меня на неё большие планы.

– Я бы на её месте после такой фразы убежал без оглядки, – съязвил я.

– Жду вас на кухне через четверть часа.

– Почему на кухне? Я привык завтракать в гостиной, – внезапно решил раскапризничаться я.

– Ты же не рассчитываешь, что я стану вам прислуживать?

Синтия в очередной раз легкомысленно пожалала плечами и скрылась в доме, оставив нас с Сандрой наедине.

Во время нашей с сестрой перепалки дочь Кинга не проронила ни слова. Вела себя так, словно её не было. Сливаться с окружающей обстановкой у неё, конечно, не получалось, уж слишком яркая внешность была у девушки. Но вот энергетически она словно выключена, никакого фона, как рядом с неработающей аппаратурой. Контур виден – действия нет. Она так и стояла, словно живая статуя, прислонившись плечом к одной из поддерживающих своды галереи колон.

Не нужно был оракулом, чтобы понять, что разговор первой она не начнёт. Возможно потому, что ей попросту нечего было мне сказать.

– Твой приезд меня удивил.

Чёрные холодные глаза равнодушно скользнули по моему лицу. Больше ничего в выражении лица Сандры не поменялось:

– Я не понимаю, зачем ты идёшь на поводу у моей сестры? – всё больше и больше раздражался я.

– Твоей сестры? – приподняла она брови с таким выражением, что мне захотелось её встряхнуть. Или ударить.

– Ты хоть понимаешь, что она от тебя требует?

– Я – нет. А ты понимаешь?

Я вполне искренне покачал головой:

– Если бы сам не был свидетелем того, что вернуться из мёртвых можно, никогда бы не поверил, что у неё не горячечный бред. Но я понятия не имею, как она это сделала.

– А какая разница?

– Какая разница? – переспросил я, не поняв.

– Да. Какая тебе разница, что и как она делала? Главное, ты же здесь. Живёшь, дышишь, наслаждаешься. И тебе это ничего не стоило и не стоит. Все долги уплатили другие. Удобно, правда?

Я никогда и не думал, что у Кинга может быть добрая, чуткая, нежная дочь. Так какого чёрта я завожусь от её слов? Трудно ожидать даже видимость уважения от тех, кто вырос на примере отрицания всех авторитетов и норм.

– Нет, не удобно, – я старался сохранять спокойствие.

Когда я стараюсь, мне это удаётся. По-крайней мере, внешне.

– Есть вещи, которые от тебя не зависят и с этим уже ничего не поделать. Я был в том состоянии, когда не помешать, не помочь задумкам Синтии у меня не было возможности.

– О, да, конечно, – согласилась Сандра, и в чёрных глазах её промелькнул насмешливый огонёк. – Ты в белом пальто, на белом коне. Ты не мог помешать ей приносить жертвы, портить людям жизнь. Но позволь задать тебе вопрос: ты любишь Кэтрин Клойс?

– А какое, прости, твоё собачье дело, люблю я её или нет?

– Собачье? Как мило! Ни собачьего дела, ни собачьего интереса – это верно. Просто предпочитаю называть вещи и поступки своими именами. А ты кажешься мне слащавым жалким лицемером, натягивающий на себя костюмчик явно не твоего размера. Благородный ангелоподный джентльмен из Хрустального Дома, на чьём фоне мы, незаконно выползшие их черноты подворотен, должны выглядеть ещё черней. Правда, Ваше Благородие не гнушается жениться на несчастной девушке сугубо из меркантильных интересов... и тебе всё равно, что рано или поздно ты разобьёшь ей сердце.

Отчего-то её слова меня ранили. Может быть потому, что в них была частица правды?

– И, кстати, ты так и не ответил на мой вопрос, блондинчик из Кристалл-Холла, – презрительно передёрнула Сандра плечом, поворачиваясь ко мне спиной в намерении уйти в дом. – Но ты прав – мне нет до твоих поступков никакого дела.

Я заступил ей дорогу.

– Ты ничего обо мне не знаешь. Не понимаешь, почему я действую так или иначе.

– А мне нужно что-то о тебе знать?

Мы обменялись взглядами.

Пришёл мой черёд пожимать плечами. Семейная это у нас это, что ли?

– Мне интересней другое. Зачем ты согласилась помогать Синтии?

– Мой отец прислал меня сюда. Но Кристалл-Холл мне понравился, и я не против задержаться. Ты видел нашу обитель. Думаю, объяснять очевидные плюсы пребывания здесь, а не там, не нужно?

Говорила Сандра тихо, спокойно, не увеличивая темпа речи, не прибавляя громкости. Так отчего у меня было такое чувство, будто каждое её слово сочится ядом и злостью?

– Знаешь, почему мой отец согласился на предложение Синтии? – неожиданно и неприятно улыбнулась она.

– Нет.

– Он хочет, чтобы я тебя соблазнила.

– Какой коварный план, – покачал я головой.

Сандра буравила меня чёрными выразительными глазами, лицо её стало совсем как у капризного ребёнка.

Я с трудом подавил смешок.

– Мне нужно что-то сказать? Мне возмутиться? Или дать своё письменное согласие? – попытался я свести всё к шутке.

– Не знаю.

– Позволь дать совет. Так, на будущее. Когда в следующей раз будешь играть роль Иудифи, не объявляй сразу в лоб о своих намерениях. Действуй мягче, гибче и хитрее.

– Ты будешь меня учить искусству соблазна?

– Если захочешь.

– А как же Катрин?

– Катрин? А что – Катрин? Она моя будущая жена.

– Жену поставим на постамент уважения и поклонения и будем носить цветы к её ногам, а любовницы? Это ведь куда более приземлённые создания. Даже и не знаю, кем быть более тошно.

– Мне кажется, ты забегаешь вперёд со всеми своими возмущениями и выводами. Если я правильно понял, выполнять поручение отца ты не намерена?

Сандра не ответила, отвернувшись.

– Пошли пить чай? – предложил я, вздохнув. – Или предпочитаешь кофе?

Взгляд девушки скользил по деревьям, что явно не один год скучали по ножовке хорошего садовника. Нужно будет распорядиться обрезать тут всё, пока поднявшаяся со всех сторон зелень не обратит округу в непролазные

джунгли.

Дом оставался прежним и всё же изменился. Как всё в этой жизни. И от этого было одновременно и грустно, и сладко. Как не стремись удержать понравившиеся мгновения, полюбившихся людей в неизменном состоянии – это невозможно.

И это правильно.

Синтия в роли хлопочущей на кухне хозяйки это явление столь странное, что, пожалуй, ничего более непривычного со мной и не случилось.

– Ты сама пекла печенье? – покосился я на вазочку с выпечкой.

– Нет, конечно, такие продаются во всех супермаркетах. Но ты ведь по магазинам не ходишь? Ну что? – стрельнула она в нас взглядом. – Пообщались? О чём говорили?

– Просто поболтали, – отозвался я.

Какое-то время мы завтракали в молчание.

– Ты ведь не скоро собираешься вернуться в дом? – поинтересовалась Синтия, видимо желая рассеять напряжённую атмосферу за столом.

– Нет, – дал я тот ответ, который она и хотела услышать. – Можешь жить тут, сколько захочешь.

– Мне теперь требуется для этого твоё разрешение?

– По всей видимости да, раз ты спрашиваешь.

– Ну, тогда спасибо. Однако, свадьбу всё равно играть будем тут. Как видишь, я делаю всё возможное и невозможное, чтобы наша семья восстала из пепла в подобающем блеске, сразу напомнившим людям о нашем былом величии.

– Если считаешь, что это необходимо – так и делай.

– А воскрешение Ральфа станет моим свадебным подарком.

Я едва не подавился сухим кексом, закашлявшись.

– Выпьем за это? – отсалютовала она фарфоровой чашечкой, радостно улыбаясь.

– Весьма странный подарок, с учётом всех обстоятельств, – наконец удалось вымолвить мне. – Какую роль в воскрешении нашего кузена ты отводишь мне?

– Твоё дело – не мешать. Хотя, возможно, потребуется твоя кровь. Это позволит свести необходимые жертвы к минимуму.

– Отлично! Тогда, если вы не против, дамы, я бы предпочёл не задерживаться дольше необходимого. У меня так много дел...

– Ну, конечно, – с понимающей усмешкой кивнула Синтия.

Хрустальный Дом – склеп воспоминаний. Каждый угол дышит памятью. Дорогой, любимой, причиняющей боль. И так на каждом шагу.

Переживать свою эпоху сложно. Пока мы живём с теми, кто родился, рос, дышал теми же понятиями, что и мы сами, мы даже не представляем, насколько крепко привязаны к своему времени.

Выйти за установленные рамки – как уехать на чужбину без возможности вернуться.

Невыносимо улавливать сходство. Ещё страшнее видеть изменения.

Если бы этот новый Кристалл-холл запомнили дорогие мне люди, оставшиеся навсегда в своём времени, как бы радовался я всем этим новинкам!

Зная Ральфа, в глубине души я страшился его появления. Он был не из тех, кто легко смиряется с неприятными для себя вещами. Очнувшись после векового сна, разъярённый, опасный как для себя, так и для окружающих, вряд ли он будет счастлив.

Интересно, Синтия нарочно собирается бросить братцу Сандру? Как игрушку? Или как громоотвод?

Странную, непохожую на всех, кого мы знали в прошлом, Сандра наверняка привлечёт его внимание. Ральф любит сражения. Любит мериться характерами.

А ещё он не знает к людям ни сочувствия, ни жалости. Это их с Синтией роднит.

Мне стало жаль девушку. В её жизни и так было достаточно неприятностей. Она заслуживала счастливый финал, которым Ральф Элленджайт под номером три никогда не сможет стать.

Я вышел на улицу, спускаясь по тропинке туда, где раньше был самый великолепный парк в мире. Местный Версаль, обставленный согласно нашим личным вкусам.

Снег уже сошёл, но земля дышала влагой, хлюпая под ногами. Ветер был сильный, южный, обещающий тепло, но пока ещё пронизывающий, пробирающий до костей.

Я хотел видеть Ральфа, это правда. Если бог существует, он знает, как сильно я был к нему привязан... ладно, не привязан. Я любил его. Несмотря на то, что во многом не понимал, не одобрял и был слабее его. Когда Ральф был жив он был и ярче, и сложнее, и сильнее меня, как личность. Он не знал сомнений. Он не знал жалости. Мне кажется, я не ошибусь с предположением, какой генетический материал был взят для создания несравненного по своему чудовищному цинизму, Рэя Кинга.

Теперь Ральф мёртв. Воскрешать его, значит, спустать второе

чудовище с поводка – спустать его против воли самого чудовища, потому что в том, что собственное воскрешение моего любовника и сводного брата не порадует, я не сомневался.

Он не простит мне того, что, зная о намерениях Синтии, я отошёл в сторону и позволил ей (в очередной раз) поступать по-своему. Его существование усложнит жизнь всем и не будет ему в радость.

– Ты похож на призрака, братец! В этом саду, стоит в него спуститься, всё становится на него похожим.

– Ты за мной следила? – не оборачиваясь, спросил я.

Синтия обошла меня и встала передо мной на тропинке, преграждая путь. Красивая и как никогда живая.

Может быть я ошибаюсь в оценках? Может быть позволить ей сделать то, что она хочет? Сделать то, что у меня получается в последнее время просто отлично – не мешать, не стоять на пути. Пусть делает, что хочет?

Я смогу его снова увидеть, коснуться, обнять, так же, как обнимаю её. Целую её. Чувствую тепло её ладоней на моей шее, трепет её отзывчивых губ на моих губах. Дышать одним дыханием, разделять удовольствие, столь же привычного, как собственное имя или отражение в зеркале?

Ральф сможет разделить со мной куда больше, потому что между нами будет не только нега, но и та сводящая с ума, объединяющая в одно удовольствие и боль, страсть, куда Синтия, в силу своих возможностей, просто не может зайти.

Его воскрешение сделает мои отношения с Катрин невозможными.

Именно этого я не хотел! Я... да, мысленно могу себе признаться: я не хочу попасть снова в ловушку старых сложных, запутанных донельзя, отношений.

И Ральф, я знаю, не хочет этого так же.

Так я и стоял, таращась на белые, обнажённые стволы берёз, печально философствуя о том, что, пока мы, трое проклятых детей проклятого рода существуем, история будет повторяться и продолжаться, снова и снова, расширяясь, как распространяющаяся зараза. Словно чёртов водоворот мы закручиваем в свою чёрную воронку новых людей, ни в чём не виноватых, достойных лучшего отношения, лучшего будущего. И уничтожаем их.

Это неправильно. Так не должно быть.

Этому следует положить конец.

«Почему бы тогда не положить конец собственному существованию?», – шепнул голос.

Скорее всего мой собственный, но было такое ощущение, что он принадлежит кому-то ещё.

– Однажды я уже попытался. К чему это привело?

Кажется, я проговорил это вслух? Может, схожу с ума?

– Альберт, ты разговариваешь сам с собой? – в подтверждении идеи раздался сиропный голос Синтии.

– Редко, но бывает.

Приблизившись, она потянулась за поцелуем, но я довольно резко отстранился.

– О! Понимаю, – ядовито улыбнулась она, отпрянув. – Пытаешься остаться верным мужем? Ну и зачем? – сощурилась Синтия. – Мы же оба с тобой знаем, чем всё это закончится? Как и все твои благие порывы до этого: ты поддашься дурным инстинктам.

– Кто знает, может на этот раз мне удастся приятно тебя удивить? – в свой черёд усмехнулся я.

– Удивить чем? Верностью Катрин? Стойкостью перед моими женскими чарами? – засмеялась Синтия, покачав головой. – Если это когда-нибудь случится, моё удивление уж точно приятным будет вряд ли, но я постараюсь уважать твои решения... братец.

Мы стояли рядом, плечом к плечу. Пасмурный день окутывал нас туманом.

– Как ты намерена его воскрешать? – тусклым голосом озвучил я терзающий меня вопрос.

– Что за дурацкая привычка резко менять тему? – холодно донеслось в ответ.

– Этот вопрос всё время сидит у меня в голове. Просто расскажи, как ты это делаешь? Чисто технически?

– С тобой я пыталась мистику сочетать с наукой. Думала, так будет правильней, надёжней. Да и выбора особого не было, как не было и нашей фамильной, волшебной, исцеляющей крови, способной творить настоящие чудеса. Ты когда-нибудь задумывался, почему нефелимов называли скверной?

– Я вообще никогда не думал о нефелимах. Я о них даже не знал.

– Наша кровь способна сделать невозможное возможным, – словно не слыша меня, продолжила Синтия. – Та самая кровь, что течёт в твоих венах, в венах Рэя Энджела, Артура или Ливиана! Но – не моя. А двадцать лет назад у меня не существовало никого, кроме Рэя. И я боялась, я ужасно боялась, в случае неудачи потерять и его тоже. Поэтому пришлось терпеливо ждать. Но теперь? Теперь нас больше! Сандра станет прекрасным сосудом Силы...

– С этого места поподробней, – потребовал я. – Что ещё за сосуд? – не

сдержавшись, я поморщился.

– Гляжу, девочка тебя зацепила? – противно хмыкнула сестрица.

– И не надейся.

– Она яркая и интересная, правда?

– Правда, – не стал отрицать очевидного я. – Но мы сейчас обсуждаем не это.

– Не переживай, ей ровным счётом ничего не грозит. Сандра Кинг, в отличие от Катрин, нужна мне живой.

– Весьма странно, если учесть, что Катрин является тебе пра-пра-правнучкой.

– И тебе тоже, мой сладкий! Тебе – тоже.

Я чувствовал, как от этих разговоров голова идёт кругом. Как-то сложно уложить по полочкам то, что твоя жена одновременно с тем, формально, является твоим потомком, твоей пра-пра-правнучкой. Абсурд какой-то!

А Синтия тем временем лепетала:

– После того, как подключим Сандру к тому же магическому силовому потоку, что и я, используем твою кровь для восстановления останков Ральфа и призовём его душу обратно, в тело. Всё получится, я знаю. Должно получиться, потому что в противном случае повторить ритуал можно будет нескоро, через несколько лет. А он нужен нам сейчас, правда? – подхватила она меня под руку, улыбаясь.

Синтия была в прекрасном настроении, как никогда уверенная в себе и в том, что желанная для неё цель близка. Всё должно пройти так, как она задумала.

Она ещё что-то щебетала. Я почти не слушал её, погружённый в свои мысли, прямо скажем, не радостные.

– Как посмотрю, нашей новой протее в доме тоже не сидится? – рассмеялась Синтия.

Что весёлого в том, что кому-то пришла охота подышать свежим воздухом? Да и в том, что девушка знакомится с окрестностями нет ничего удивительного. Что её так веселит?

– Ты хмуришься? Что-то не так?

Синтия всегда чутко подмечала перемену в моём настроении.

– Пора возвращаться, у меня назначена встреча в офисе, – пробормотал я, в надежде поскорей отвязаться от всей этой истории и убраться восвояси.

– Может, стоит на время отложить дела? – недовольно фыркнула она.

– Ради того, чтобы торчать без дела в этом буреломнике? Не обижайся,

но серьёзные деловые люди так не поступают.

– А ты теперь серьёзный и деловой?

– Хотелось бы верить. На мне ответственность за огромные денежные активы. Не хотелось бы создавать у людей впечатление, что их состояние находится в ненадёжных руках.

– Вообще-то, прости, Альберт, но так оно и есть.

– Тогда я сделаю всё от меня зависящее, чтобы они об этом узнали как можно позже.

Притянув Синтию к себе, я поцеловал её, как всегда это делал. И лишь перехватив колючий взгляд Сандры понял, что это – лишнее. Вообще не хорошо целовать сестёр в губы, а уж когда помолвлен с другой девушкой – особенно.

Легкомысленно помахав надменной и грустной Сандре рукой, я направился к своему авто с явным намерением покинуть Кристалл-Холл и обеих красавиц.

В моём гареме слишком много львиц и мало львов. Проблемы нужно как-то решать.

И у меня были кое-какие идеи на этот счёт.

– Ты был в Кристалл-Холле? – спросила Катрин за ужином.

– Да, – ответил я.

Простое «да», вместо того, чтобы в свой черёд поинтересоваться: «А почему ты спрашиваешь?».

Или вместо возмущённого: «Ты за мной следила?».

«Да», – и всё.

Катрин смерила на меня долгим тяжёлым взглядом. Будь на её месте другая, можно было бы ожидать сцены, но моя невеста закатывает их редко.

– Зачем?

Так же коротко и по существу, без лишних эмоций. Лишь тост, намазанный клубничным джемом, слегка подрагивал в её пальцах.

– Синтия позвонила. Просила приехать.

– И ты сразу кинулся исполнять желания Синтии? – холодно блеснула она глазами.

Я понял, сцена всё-таки будет.

Катрин быстро входила в роль будущей жены. Даже, пожалуй, слишком. Она менялась прямо на глазах. Достаток и власть влияют на людей тем сильнее, чем полнее они осознают происходящие перемены.

Мой маленький светлый мышонок наращивал коготки и зубки. Не то, чтобы мне это мне нравилось? Я люблю уверенных в себе, породистых

женщин и все шансы к одному, что из Кэтти получится прекрасный лебедь.

Но вот скандалы на почве ревности мне не нравятся даже тогда, когда я признаю за партнёром право быть недовольным.

– Тебе не о чём беспокоиться, – заверил я её.

– Ты серьёзно?! – Катрин демонстративно отодвинула от себя чашку, гневно взглянув на меня. – Не о чем беспокоиться?! Эта женщина хуже чумы, и она всё время маячит за порогом моего дома!

– Тебе придётся как-то учиться с этим жить. Синтия моя сестра.

– А ещё она твоя любовница! И что-то незаметно, чтобы ей нравилась идея оставить ваши отношения в прошлом!

– Не начинай, – поморщился я.

– Я пытаюсь быть объективной, беспристрастной и не ревновать по пустякам. Но как, скажи, мне это сделать, если вы всё время встречаетесь у меня за спиной?

– Я не встречаюсь с Синтией у тебя за спиной.

– Нет?

– Нет!

– Хорошо. А что тогда, в твоём понимании, ты делаешь? – скрестила она руки на груди.

Я начал злиться. Вопросы Катрин были ожидаемы, но ответить на них было нечего.

С тех пор, как мы с Кэтти стали близки, я избегал Синтии. У нас с сестрой не было секса, так что я мог прямо смотреть в глаза своей невесте, но всё же зачем-то избегал её взгляда. Наверное, потому, что в глубине души хотел того, чего не делал? Отрицать перед самим собой бессмысленно.

Я не чувствовал себя виноватым за свои желания, потому что чувства спонтанны, значения имеют лишь поступки. Но я боялся их. В накале чувств нельзя быть уверенным, что не шагнёшь на пусть, которого страшишься.

– Она помогает подготовить Кристалл-Холл к свадебной церемонии, – тихо проговорил я, разглядывая рисунок на белой кружевной скатерти.

– Ты хоть сам понимаешь, какое это жалкое оправдание?

Отбросив салфетку, Катрин так резко поднялась, что я едва успел схватить её за руку:

– Подожди!

– Пусти меня.

– Катрин, нам не из-за чего ссориться!

– Я не ссорюсь. Просто не люблю, когда мне лгут. И даже не смей

говорить, что не лжёшь, иначе всё станет только хуже.

Я втянул воздух сквозь зубы и процедил, стараясь сохранять спокойствие:

– Мы не были наедине. Синтия пригласила в дом Сандру.

– Не улавливаю связи между этим событием и тем, что ты срочно потребовался госпоже Элленджайт прямо с утра. Разве что ей просто нравится дёргать за верёвочки, проверяя, насколько безотказно они действуют?

– Кэтти...

– Альберт! Я уже говорила тебе и повторю снова: не могу и не хочу жить на троих. К тому же Синтия не просто третья. В нашем случае всё гораздо сложнее и запутанней.

– Чего ты от меня хочешь?! – сорвавшись, заорал я. – Я не могу порвать с ней все отношения. Она – моя семья! Всё, что от неё осталось!

– Придётся выбрать, с кем ты хочешь связать свою жизнь – с прошлым или с будущим; с ней или со мной? Обычно я не люблю ультиматумы. Я за свободу выбора. Но этот случай – исключение. Так что да: либо я – либо она.

Катрин удалилась, с виду собранная, спокойная и прекрасно владеющая собой. В душе – расстроенная, раненая, уязвлённая. Я-то знаю.

Вспылить бы, разыграть оскорблённое достоинство, несправедливо обвинённое в несовершенном грехе, но не позволяет совесть. Она права. Если я хочу новой жизни, нужно поставить жирный крест на прошлом.

Проклятые треугольники! Когда тобой движет чистая похоть – всё просто; когда возвышенная любовь – колебаться незачем. А когда всё причудливо перекручено, перевёрнуто, изогнуто, то как быть?!

Катрин прочно проникла в моё сердце и душу. А Синтия – часть меня. Испорченная, чёрная, в чём-то даже червивая, но – страдающая и любящая часть.

Имею ли я право предать сестру? Оставить её одну?

Катрин, набросив пальто поверх костюма, уже спешила к двери.

Смешные студенческие джинсы и спортивные курточки быстро оказались забыты. Теперь она предпочитала классический стиль и дорогие брендовые модели. Нужно сказать, всё это удивительным образом шло к ней.

Мне не хотелось расставаться в ссоре и, поймав Катрин за руку, не обращая внимание на её рассерженный вид, я притянул её к себе и поцеловал.

Она на поцелуй не ответила, видимо, решив нежно лелеять свою обиду. Что ж, милая? Люблю вызовы. Мне нравится на них отвечать.

Поначалу невинный поцелуй перестал быть просто прощальным.

Губы Кэтти на вкус были мягкими, упругими. Первоначально их вкус перебивала помада, но вскоре она растаяла под моими поцелуями.

Катрин была пронизана невинностью, как светом. Невинность её не была детской, слетающий с души, как пух с перезрелого одуванчика, при первом же порыве жёсткого ветра. Это была настоящая нравственная чистота. И дело тут не в том, что она досталась мне девственницей, тут другое – эдакий духовный изъян, весьма редкий во все времена. Если большинству людей требуется сила воли, чтобы не поддаться искушению то Катрин просто не понимала искушений. Они её не искушали, не казались ей интересным и привлекательным. Она просто жила в других, более высоких, сферах.

Такие люди, как она, обычно бывают очень одиноки.

Все остальные сбиваются в группы, находят себе подобных. Но когда подобных тебе единицы, ты вынужден быть одиноким волком. Или одинокой птицей, потерявшей в облаках.

У Катрин был редкий дар. Такие души, как у неё не пачкаются при соприкосновении с грязью – грязь просто их убивает.

Эдакие белые вороны на свой лад. Невероятно и сильные, и уязвимые; холодные и нежные; слишком вдумчивые и серьёзные, весьма часто недопонятые и недооценённые, потому что большинству людей нравятся стеклярусы, а не настоящие бриллианты.

Чтобы оценить чистоту камня, нужно разбираться в драгоценностях; а чтобы ценить людей, нужно понимать, что на самом деле творится в душах за лживыми словами и лицами.

Губы Кэтти тихонько вздрогнули, поддаваясь моему напору, как цветок, открывающийся навстречу пригревшему солнышку.

– Я всё для себя решил и выбрал, – прошептал я, обнимая её, прижимая к себе, наслаждаясь ощущениям хрупкого, тёплого тела, податливого в моих объятиях. – Я люблю тебя, – выдохнул я.

И почувствовал странное жжение в области сердца, увидев, как в ответ доверчиво распахиваются её глаза.

Нет ничего тяжелее, чем выбирать между двумя равно любимыми женщинами, но, уж если выбор встал ребром, нужно выбирать ту, за которой стоит бог, а не дьявол.

Глава 5. Энджел

Ночь выдалась... или, скорее, удалась. Артур был прекрасным любовником: чувственным, податливым, болезненно-томно-завораживающим.

В отличие от дорого нашего Ливиана, я с собой никогда не борюсь. Мне нравится то, что нравится. А нравится мне, хрупкий, словно ломкий стебелёк, красавчик Артур, что сейчас на моей кровати от боли, комкая руками простыни.

Я должен его жалеть? Соразмерять свою похоть и его возможности? Может быть. Только мне не хочется ничего соразмерять, мне приятно получать всё и сразу. Мне хочется чувствовать, как он хрипит, задыхаясь от боли, перемешенной с наслаждением. Хочется сгребать его волосы в горсти и, рывком запрокидывая ему голову, впиваться в его губы и одновременно врываться в его тело.

Я знаю, ему больно.

Его хрупкие кости не до конца срослись, в его крови слишком много гормонов, а его восстанавливающиеся органы и без дополнительной ...хм-м, назовём это стимуляцией? – каждую секунду причиняют мучительную, острую боль.

Я знаю это. И это заводит меня только сильнее.

При желании легко разделить эту пульсирующую, жадно обнимающую боль, на двоих.

Она такая острая, что дух захватывает. Буквально выворачивающая изнутри наизнанку, грозящая выгнуть тело судорогой, но вместо того, чтобы позволить слабости взять над собой вверх, я лишь с большей страстью веду ладонями по его бокам, вниз, к талии, к округлым ягодицам. Припав к губам, целую их сначала мягко, потом жестче. Моя ладонь уже не ласкает, а с силой нажимает на область, где проецируется желудок. Кровь течёт узкой лентой, едва пробивающимся родничком. Приходится с силой тянуть её из него. На вкус она пряная, горчит и кажется светом, перекатывающимся на моём языке.

Эта дрожь под моим телом, словно дрожь оргазма, но то не удовольствие, а боль.

Артур глухо стонет, не в силах сдержаться. Я понимаю, нужно остановиться. Слишком опасные игры. Он слишком слаб. Всё может плохо кончиться.

Но в этом и суть игры: ходить на грани – по самому краю острейшей бритвы.

Артур дёрнулся всем телом, когда я вошёл в него.

Я разделил с ним его ощущения. М-м! Действительно больно. Очень!

Каждое моё безжалостное, яростное давление заставляло его тихо вспыхивать. Чувствовалось боль так, словно в его теле взрывались маленькие гранаты, брызгая осколками.

Но я не собирался его щадить. Яростно входя, раз за разом, во всю длину, я словно разрывался между двумя ощущениями: моими собственными, удивительно приятным, порождаемыми его сжимающимися мышцами, жарким, сжимающимся нутром и его жёсткими, резкими, болезненными.

Ещё один рывок.

Ещё один мучительный стон сквозь зубы, вырвавшийся у Артура.

Его кровь уже не нужно было вытягивать из него, словно жилы. Она и так шла, оставалось только слизывать её языком с его закушенным губ.

Ещё несколько толчков и я больше не выдержал.

Меня одновременно накрыло и приступом Артура. Такое ощущение, будто изнутри его тела прогрызает дорогу зверь. Тело непроизвольно отреагировало холодной испариной между лопаток.

Артур замер, распахнув глаза. На несколько мгновений мне показалось, что он сейчас всё-таки сорвётся и завоет от боли раненым зверем, но он только стиснул зубы и вжался в подушки, судорожно втянув в себя воздух.

– Хочешь поменяться? – шепнул я ему на ухо.

Артур в ответ покачал головой.

– Нет. Мне кажется, на сегодня хватит... удовольствий.

– О! Какие скромные у тебя аппетиты? – усмехнулся я, поднимаясь с кровати и пройдя к столу, где стояли бутылки.

– Тебе что покрепче? Или вином обойдётся?

– Я хочу крови. Можно с вином, – донеслось в ответ.

– Отлично!

Вкуса алкоголя я уже почти и не чувствовал, слишком много его было выпито за вечер.

Прихватив бутылку с собой в кровать, я вернулся к Артуру.

Пока я не спеша тянул вино, он лежал рядом и казался спящим. Одна рука на груди, другая вытянута вдоль тела. Лицо красивое и нежное, как у женщины. Но недавняя болезнь давала о себе знать – Артур выглядел измученным: уголки мягких чувственных губ опущены вниз, нос заострился, под глазами глубокие тени. Если бы не трепетание крыльев носа и не едва заметное дыхание, его можно было бы принять за мёртвого, настолько он был бледным и неподвижным.

– И эта моя вина, – проговорил я, очерчивая кончиками пальцев контур

его тонкого профиля. – Моя тяжкая вина.

– Безбожник, – усмехнулся он, придвигаясь ближе.

Ему нужна была кровь – на этот раз просто кровь. Но я, наверное, никогда уже не научусь чувствовать чужие прикосновения и не заводиться. Наркотик, туманящий мозг, одновременно с тем обострял и чувства. Каждое движение, каждое прикосновение казалось волшебным.

Артур с силой прижимался к моим губам. Вкус моей крови, перенасыщенной наркотиками и вином, тоже ударил ему в голову.

По венам растекался жидкий огонь и хотелось только одного – запрокинуть голову, чувствуя, как в твоё тело врываются.

Боль, наслаждение, снова боль – и так до изнеможения, до потери сознания.

Я же говорил? Ночь удалась!

Разбудил меня насмешливый, бархатный голос:

– Какая прелестная картина! Я – тронут! Вы тут прямо как Кастор и Полукс, как Патрокл и Ахилл, как...

С трудом разлепив веки, я упёрся взглядом Рэя, успевшего развалиться в кресле и налить себе остатки недопитого нами с вечера вина.

– И тебе доброго утра, – буркнул я. – Поднимайся, любимый, – ткнул я в бок Артура. – У нас гости.

Артур чуть шевельнулся перед тем, как открыть глаза. Заметив папочку, он скромно прикрылся простынкой.

Да ты ж моя целомудренная прелесть!

– Жаль разлучать влюблённых, – притворно вздохнул Рэй, – но вам придётся расстаться.

– С какой такой радости? – поинтересовался я, натягивая брюки.

– С такой, что я тут немного подумал и решил, что Линда Филт должна работать на меня, а не на Альберта.

– Какого дьявола она тебе понадобилась? Лучше перекупи Карлайла. Это будет несложно.

– Карлайл идиот, – досадливо поморщился отец. – К тому же, если смогу перекупить его я, сможет и кто-то другой, – Рэй обнажил в усмешке ряд ровных, как жемчужины, зубов. – Короче, с ним и в половину будет не так интересно вести дело, как с этой девицей. У бабы есть характер, мозги и принципы. Такие люди редки. Люблю собирать полезные редкости в коллекцию.

– И зачем огород городить? Просто припугни её. Или соблазни. Чего уж проще?

Улыбка сошла с лица отца, и оно приняло самое нелюбимое моё выражение, красноречиво говорящее: «Ты идиот».

– Мне нужна не очередная вагина на моём пенисе! Мне нужен информатор, пользующийся доверием Элленджайта. Линда по доброй воле сотрудничать не станет. Поэтому нам нужна Мередит – в качестве мотивации к взаимовыгодному сотрудничеству. Так что, Артур, наш уговор остаётся в силе. Тебе придётся похитить девушку и спрятать так, чтобы найти её сразу было непросто.

– Почему Артур? Почему не я?

– Потому что, Энджел, мне нужно, чтобы с девушкой ничего не случилось. Из Артура, как мне видится, получится куда более нежный и надёжный охранник, чем ты. В отличие от всеядного тебя, мой младший сын не интересуется женщинами, что, в данном конкретном случае делает его куда лучшей кандидатурой на вакансию тюремщика.

Рэй поставил опустевший бокал на подлокотник:

– Я дам слово милой Линде, что, если мы с ней договоримся и всё будет так, как я хочу, с её дорогой младшей сестрёнки волоска не упадёт. Не говоря уже о чём-то более интимном. Но, зная твои сексуальные аппетиты, Энджел, поручиться за неприкосновенность объекта, с которым ты окажешься запертым в одном помещении на несколько суток, может только сумасшедший. А вот в Артуре я уверен. Ну, почти, – добавил Рэй, чиркнув зажигалкой перед тем, как затянуться сигаретой.

По спальне поплыл сладковатый запах марихуаны.

– Да, ещё! – добавил он, непринуждённо стряхивая прогоревший сигаретный пепел прямо на мой белый ковёр. – Не стоит в наши планы посвящать Ливиана. Этот упрямец вряд ли найдёт мой наиковарнейший гениальный план приемлемым ещё выкинет какую-нибудь отсебятину. Испорти отношения, а главное, настроение нам обоим. Артур, мы же все любим твоего старшего брата? Мы не сделаем ему больно?

Артур молчал.

Рэй выгнул бровь. Голос его наполнился опасно-мягкими, одновременно бы словно мурчащими и шипящими интонациями:

– Ты меня понял?

На собственной шкуре зная, какого это перечить Рэю, я не удержался и влез:

– Да понял он тебя! Понял.

– Надеюсь, что так. Не хотелось бы проявлять ненужную жестокость ни к тебе, ни к девочкам. Они же, в конце концов, дочери единственного, по-настоящему верного друга, который у меня когда-либо был.

– Да уж! – не сдержался я. – Ты щедро отплатил ему за дружбу.

– А не нужно было связываться с кем попало, – засмеялся Рэй. – Умные люди вдумчиво подбирают себе компанию. Не женись Фил на этой своей тупой, проницательной корейке или контролируй он её лучше, жил бы себе да здравствовал по сей день. Но это всё лирика. А сейчас, давайте, выбирайтесь оба из постели, можете нежно проститься друг с другом и – за дело. Один к одной девчонке, другой – ко второй.

Артур дёрнулся, видимо, желая что-то сказать.

Ухмылка Рэя стала ещё шире:

– Я понимаю, с вашими наклонностями разлука не сахар, но жить такая штука, приходится наступать себе на горло ради цели, иногда своей, но чаще – моей, – засмеялся он ядовито. – Не плачьте, голубки мои! Сдержите скупые мужские слёзы! Всё пройдёт, и мы снова будем вместе.

– Да пошёл ты, – огрызнулся я, скорее по привычке.

– Уже иду! – игриво шлёпнул он меня по заднице. – И вам советую не залёживаться. Настроения у меня меняются быстро, после обеда я и в половину не бываю так добр, как с утра.

Дверь за Рэем захлопнулась.

За ним в воздухе остался держаться тонкий шлейф одеколона.

Несколько минут дрожал, тонкий и неровный, потом развеялся.

– Похоже, уик-энд закончен, братишка, – улыбнулся я Артуру. – Ну что? Пора выбираться из уютной постельки в страшный, грешный мир?

Откровенно говоря, я был только рад.

Выносить Артура в больших дозах у меня никогда не получалось. У него была дурная привычка всё усложнять и драматизировать, меня это раздражало.

Увы! Но не всё то, чего хочешь с ночи, остаётся желанным и с утра.

Вот уж не знаю, с какого перепуга в голове Артура родилась благая, всехристианская мысль про то, как я нуждаюсь в понимании, моральной поддержке и его дружеском участии? Это категорически не так! Ещё меньше я намерен возиться с его личными тараканами.

Для меня между нами всё всегда было предельно ясно и просто: секс, секс, секс и – ничего, кроме секса.

Отлично провести время вместе, расслабиться и оттянуться, повеселиться и разойтись в разные стороны до следующего раза. Всё было так прекрасно, и вдруг на него нашла эта блажь зачем-то приплести к физиологии чувства?!

А после его романтического поступка в стиле истинного Ромео, на трезвую голову я Артура вообще воспринимаю тяжело. Будь я девушкой я,

возможно, оценил бы все его страсти-мордасти, но, вопреки всему, я всё-таки остаюсь юношей. И эти роковые уси-пуси для меня – слишком.

Ещё неприятней чувствовать вину. За что я должен терзаться?! Я же не толкал его вниз! Он сам проявил эту слабость. Но под взглядом Артура, при взгляде на него я ничего не мог с собой поделать – чувствовал себя виноватым перед ним. И меня это бесило.

– Ты собираешься в школу? – поинтересовался он, одеваясь.

– Собираюсь. Имеешь что-то против знаний?

– А ты за знаниями туда идёшь? – усмехнулся он.

– Нет. Иду повидать оих двух милашек, дорогую Ирис и ещё более дорогую... чёрт, незадача, как её имя? Что-то на испанском. Пилар? Нет, там было что-то более стильное? Кармен? Тоже нет. С пошлой поэзией имя той девчонки вроде не ассоциировалось.

Артур усмехнулся снова:

– Я с тобой всё время путаюсь. Не понимаю, когда ты просто стебёшься, а когда всерьёз?

– Да всерьёз я! Разве можно упомнить имена всех, с кем переспишь?

– С учётом того, что на отношениях с этой девушкой твой папочка особенно настаивает...

– Наш папочка. Наш папочка особенно настаивает...

Говорил я, подбирая с полу одежду. Мятую!

Терпеть не могу мятую одежду. Надевать такое совершенно невозможно!

– А что касается Пилар-Кармен-Каталины-Эстеллиты?.. Да на фик мне её имя? Главное, лицо-то помню... кажется. Так что перепутаю её с кем другим вряд ли. Кажется.

– Это обнадёживает, – отозвался Артур. – Как у тебя это получается?

– Что именно?

– Бы такой обаятельной, бессердечной сволочью?

– Я обаятельный? Как приятно! А насчёт бессердечной сволочи? Ну, как ты можешь такое говорить обо мне, любимый? Ты же знаешь, что в душе я хрупкий и ранимый, и только жестокие жизненные обстоятельства заставляют меня надевать на себя броню цинизма... Ладно, я в ванну. Надеюсь, к тому времени, как я выйду, тебя уже здесь не будет.

Улыбка сошла с лица Артура.

– Ты хотел проводить, любимый? – захлопал я ресницами. – Это было бы очень мило с твоей стороны, но я предлагаю не терять времени даром, а съездить в цветочный магазин и подобрать мне миленький букетик. Фиалки – самое то! Желательное, ближе к фиолетовому оттенку. Фиолетовые

фиалки – это же так романтично? Драгоценности за ночь любви пока не прошу. Цветов будет вполне достаточно.

– Ты дурак, – беззлобно огрызнулся Артур. – Лучше я подарю тебе торт. Со сгущёнкой и ореховой начинкой.

– Да уж, если быть извращенцами, то уж во всём. Но ты коварная личность, ангелочек. Хочешь, чтобы я растолстел и потерял свою сражающую наповал, обольстительность?

– Ты меня раскусил.

Глава 6. Энджел

Сандра, видимо, уже умчалась в школу. Она никогда меня не дожидалась. Странно, но мне показалось, что её машина ещё стоит на стоянке? Может, на байке уехала? На улицах всё залито грязью после ночного дождя. Ну и какое удовольствие в такую погоду разъезжать на мотоцикле? Не говоря о том, что это попросту опасно.

Однако у сестрицы такой характер, что кроме отца заставить её себя слушать не может никто.

Ненавижу пробки! Нет, не так. **НЕНАВИЖУ!!! ПРОБКИ!!!**

Они хуже любой пытки. Застрав между других машин и чёртовыми светофорами, плетёшься, как беременная черепаха, а ещё чаще – просто стоишь.

Тупые твари! Большинству из них нужно законодательно запретить машины, пусть катятся в общественном транспорте.

Прискучив, я перестал соблюдать правила. Иногда полезно изобразить городского сумасшедшего – нормальные люди шарахаются в стороны, полиция в упор тебя не видит. Наши с Рзем номера в патрульной службе знают прекрасно и нервы свои берегут, избегая неприятного общения.

На подъезде к школе меня ждал неприятный сюрприз. Какой-то ненормальный подрезал меня, когда я въезжал на стоянку. Во, народ! Как преходяща слава людская! Меня не было в школе каких-то пару недель, а наглецы совсем страх потеряли?

Забыли? Что ж! Напомним.

Можно было бы протаранить наглеца, но... я недавно купил машину. Она пока не успела мне надоесть, поэтому портить кузов я не собирался. Чего не скажешь о физиономии наглого придурка, осмелившегося в буквальном смысле слова встать у меня на пути.

Ударив по тормозам, я вышел, демонстративно хлопнув дверью и стремительным шагом направился к посмевавшейся «наехать» на меня красной

машине.

Шаг пришлось несколько замедлить, когда с водительского сиденья вспорхнула та самая, то ли Пилар, то ли Кармен – хоть убей, не помню.

Эффектная девица. Огонь! Жгучая брюнетка. Настоящий южный темперамент так и изливался из чёрных, блестящих, словно покрытых глянцем глаз, сочился из вызывающе-алых губ, взвивался вместе с чёрными, в синий отлив, волосами. Идеальное животное, от которого так и веяло выносливостью и страстью.

– Ты! – набросилась девушка на меня, по-испански живо жестикулируя. – Ты исчез с моей вечеринки! Ты даже не перезвонил мне!

Моё желание набить морду обидчику испарилось на ходу, перерастая в нечто иное.

– Да что ты? – деланно изумился я. – Я так поступил? Надо же? Даже и не заметил.

– Кого ты не заметил? Меня?!

Избалованной и глупой, привыкшей получать всё, что захочет, указанием пальчика, красотке видать в голову не приходило, что её персона не для всех одинаково интересна и привлекательна?

Безмозглая куколка в шмотках из дорогого бутика, чья сумочка стоит дороже её мозгов. Но зато какой темперамент!

– Что ты о себе возомнил?! – продолжала бушевать она. – Ты хоть понимаешь, что таким, как ты, дважды шанс не даётся?

– Ты это сейчас о вечеринке? Или о себе?

Я смерил девицу нарочито оценивающим взглядом. Медленно облизал её глазами с ног до головы, задержавшись на пухлых, сочных, ярко-алых, вырви глаз, губах. Или я что-то путаю, или с такой помадой девочки из её круга в школу не ходят?

Но губки аппетитные. И фигурка. Этого не отнять.

Не-Помню-Как-Зовут не придумала ничего лучше, чем отвесить мне оплеуху.

Вернее, она попыталась это сделать, но, естественно, я в лучших традициях жанра успел перехватить её руку и, рывком подтянув красотку к себе, прижался к её алому голодному рту, впиваясь в эти пухлые, пахнущие ванилью, губы.

Губы, как вишни, были сладкими настолько, насколько обещали. Её помада плавилась между нашими губами, сходя на нет.

Она так и не решила, отчаянно ли сопротивляться моему выпадку, выдерживая характер или уступить нахлынувшему на неё чувственному удовольствию.

Я принял решение за нее, разжимая ладони и отступая на шаг:

– Убери машину, куколка. И больше не подсекай меня. Я не люблю провокаций, – попытался предупредить я по-хорошему.

– И что ты мне сделаешь? – упрямо вздёрнула она подбородок, сверкнув тёмными глазами.

– То, что я могу сделать, тебе не понравится.

– Знаешь, ты кто? Ты – самоуверенный кретин! – ожидаемо завелась девчонка. – Ты слишком о себе высокого мнения! Да ты никто! Абсолютное ничтожество!

– Наоралась? Отлично. А теперь, будь хорошей девочкой – убери машину.

– Да пошёл бы ты!!!

– Я сказал: убери машину.

Толпа вокруг собралась уже приличная. Народ жаждал зрелищ. Мой священный долг выполнить желание большинства. Кроме того, крутые парни перед богатыми избалованными девочками ведь не пасуют.

Девчонка демонстративно заблокировала двери авто и, крутанувшись на тонких шпильках, которыми заканчивались её модельные изящные сапожки, вызывающе обтягивающие тонкие щиколотки и голень, двинулась по направлению к школьным дверям.

– Отлично, – прорычал я, поворачиваясь к своему новенькому, ещё пахнущему лаком, авто.

Понты они такие понты. А надо – значит надо.

Когда я хлопнул дверью и машина, с визгом пробуксовывая колёсами на месте, сорвалась с места, испаночка обернулась.

Её подружки, окружавшие её тесным кольцом, тоже.

Металл жалобно и возмущённо скрежетал, когда я таранил её красную, в тон помады на губах и лаку на ногтях, машинку, сдвигая её с места, проволочив по стоянке несколько ярдов.

Парни вокруг улюлюкали, радостно хлопали в ладоши. Наша взяла! Мы сделали сучку! Круче нас только варёные яйца.

Приятно осознавать, что каким бы круглым идиотом ты не был, большинство в этом плане «круглее» тебя.

Не успел я выйти из машины, как Пилар-Кармен-Эстелита с визгом набросилась на меня, лупя кулачками куда попало.

Девчонка классная. Заскучать не даст. Папочкино задание будет выполнять весело.

Её беспорядочные шлепки даже раздражать всерьёз не могли, не говоря о том, чтобы причинить боль.

– Эй, ты, белый пидор! – послышался рокочущий, явно угрожающий, голос, раздавшийся откуда-то слева. – А ну-ка убери свои лапы от девушки! Повернув голову, я опешил.

Откуда в школе чёрные?! Их тут отродясь не водились!

Черномазый оказался внушительных габаритов и нарочито так играл мускулами.

Возможно, по каким-то своим, негритянский, критериям он был красив. Ну, или по меньшей мере, привлекателен. Я не знаю. Плохо разбираюсь в неграх.

– Я сказал, убери свои руки от девушки! – угрожающе двинулся в мою сторону.

В школе сегодня праздник какой-то? Представление за представлением! И всё со мной в главной роли! Люблю быть центром внимания. Люблю вызовы.

Я улыбнулся ему как можно очаровательней, стараясь на все сто процентов попасть в тот образ пидора, который парни его типа рисуют в своём воображении.

– Ты явно что-то напутал, мой сладкий, – тягучим и липким, как густой мёд, голосом, протянул я. – Не я тяну руки к девушке, она сама ко мне тянется.

Чтобы Ньевес (чёрт! Кажется, я, таки, вспомнил её имя?) перестала сучить своими ручками, мне пришлось сгрести её в охапку, прижимая к себе как можно крепче.

Девчонка вопила и отбивалась, как будто я её уже прилюдно насиловал.

Поигрывая мускулами, негр героически вышел вперёд:

– А ну отпусти!

– Да лови!

Я толкнул Ньевес вперёд с тем расчётом, чтобы чёрный мачо успел красотку подхватить, подстраховав от падения. Но тот и не подумал этого делать. Испаночка не слишком изящно приземлилась попой на асфальт.

Дьявольщина! Не в чём и ни на кого, кроме себя, нельзя рассчитывать.

Маленькой детали хватило, чтобы понять – Ньевес для черномазого только повод нарваться на драку. Напряжённо молчание со стороны моих скорпиончиков служило лишним тому подтверждением.

И чего ж это я последнее время избегал посещать школу? Да тут почти так же прикольно, как в отцовских катакомбах: интриги-игры-драки-секс.

Негр был явно родом не отсюда, а откуда-то издалека. В Эллендже все давно знали, что сила Кингов не лежит на виду; что наша показная

хрупкость вкупе с девичьей красотой такая же обманка, как болота, прикидывающиеся зелёными лугами.

Только сунься – поминай, как звали.

Негр видел перед собой лишь хрупкий манекен, досадно упустив из памяти то, что самые смертоносные змеи большими размерами не отличаются.

У негра кулаки были размером с мою голову. Достигни такой молоток цели, любой череп треснет, как яичная скорлупа.

Проблема для него в том, что он меня не достанет.

Уходить от его ударов было одно удовольствие. Тяжелый, массивный, сильный, негр был неповоротлив, как медведь.

Полагаю, чёрненький и сам это понял. Надеюсь, он успел пожалеть об опрометчивом решении ввязаться со мной в драку до того, как я вырвал ему яйца? Несмотря на то, что он, откровенно говоря, нисколько не погрешил против истины громогласно озвучив мою сексуальную ориентацию, я не люблю, когда мне в лицо гаркают вороньим голосом «пидор». Это, в конце концов, вульгарно.

– Энджел, мать твою, Кинг! Ты что творишь!?

О! Господин директор? Точно! Господин директор!

Сам припожаловал. Собственно, персоной.

Повезло негритосу. И мне, может быть, тоже. Изуродуй я его всерьёз, у нас обоих будут крупные неприятности.

– Иди за мной, Кинг! – рявкнул на меня директор.

Он не шёл, а прямо стремительно катился, часто перебирая маленькими ножками спеша нырнуть в свой кабинет.

– Садись! – рыкнул он.

Я сел.

Вообще, когда хомячки пытаются рычать – это забавно. Хомячки и сами это знают, но всё равно, время от времени, почему-то это делают.

Господин директор сел в кресло напротив, промокая испарину на лбу белым платочком.

– Кинг, тебя не было в школе две недели...

– С половиной, – флегматично добавил я, рассматривая туфли.

Они были в грязи.

Терпеть не могу грязные туфли. Меньше, конечно, чем пробки и, кажется, негров, но всё равно, грязь на обуви – это омерзительно.

– За те четверть часа, в которые ты осчастливил нас своим присутствием, Кинг, ты успел разбить машину Ньевес Санчес, едва не убил Родригеса Пуэлло! Ты – ходячая катастрофа! Когда пропускаешь занятия

нам приходится писать кучу документации во все возможные инстанции, а когда приходишь... – он снова промокнул взмокшую лысину. – Приходится вызывать полицию! Вот именно – полицию! – осенило его благой идеей. – Именно так я и сделаю!

– Не стоит, – покачал я головой.

Директор потянулся к телефонной трубке, но я успел первым положить на неё руку.

– Я должен! – с пафосом простонал он.

– Не должны.

– Нет, должен! Я больше не стану тебя терпеть! Моя обязанность положить конец всем творимым тобой безобразиям!

– Настоятельно рекомендую вам об этом забыть. К чему вам неприятности?

– Неприятности? – нервно облизнул он губы.

Я ласково ему улыбнулся в лучшей Кинговской манере:

– Конечно. Вы же не думаете, что, создав неудобства мне, избежите их для себя? Мы же достаточно... – я многозначительно понизил голос, насмешливо глядя ему в глаза, – близко с вами знакомы, чтобы перестать сомневаться в том, что я умею уладить любую проблему, так же легко, как и создать её.

– Твой отец точно не обрадуется очередному инциденту! Может быть это заставит его обратить внимание на твоё поведение?

– Было бы неплохо, – с энтузиазмом согласился я. – Но – вряд ли. Мой отец многое повидал в своей жизни, ничем-то его не проймёшь. В отличие от вашей жены, которую, наверняка не порадует наша с вами маленькая, как мы оба знаем, незначительная, мимолётная, но имевшая место быть, интрижка. Женщины – они такие ранимые существа! У неё, чего доброго, может случиться сердечный приступ, гипертонический криз или нервный срыв.

Наши взгляды встретились. Я видел, что его буквально трясёт от ярости и страха.

– И не только жена, – прямо-таки медовым голосом добавил я, – но и общественность? Как вы думаете, что скажут родители учеников, узнав, что в свободное от работы время вы спите с вашими учениками?

– Я не сплю с моими учениками!

Голос директора сорвался на фальцет.

– А как же я? – развёл я руками. – Разве я не учусь в вашей школе?

– Ты чёртово отродье! – дрожащим голосом прошипел он, как змея, которой наступили на хвост.

– Это вам трахать меня не мешало.

– Это гнусная клевета!

Я рассмеялся:

– Ну, полноте, успокойтесь. Не усердствуйте в своей лжи. Мы же тут одни. Так к чему весь театр? И я, и ты знаем оба – было то, что было.

– У тебя нет доказательств!!!

Выдержав паузу, я медленно и насмешлив выдохнул ему в лицо:

– Ты уверен?

– Да.

– Тогда ты дурак. Конечно, они у меня есть. Ради них я с тобой, лысым ослом, и перепихнулся. Или ты думал, я сделал это, проникнувшись жгучей страстью к твоему отвислому пузу?

– Чёртов ублюдок!

– Ты повторяешься, причём часто. Скучный ты тип, неинтересный. И любовник, честно тебе скажу, из тебя хреновый. Соболезнования твоей жене. Кстати, я слышал, у тебя есть сын? Может быть, парнишка в этом плане окажется поинтересней папаши?

– Ты не посмеешь... – поражённо выдохнул он с ужасом

– Не посмею? Это ж почему?

– Ты дьявол!

– Не надо мне льстить. Никакой я не дьявол. Дело ведь не столько во мне, сколько в том, что ты сам просто престарелый похотливый болван. Но раз уж тебя не хватило на то, чтобы держать своего дружка в штанах, придётся сдержать высокий порыв совести.

– Ты хочешь, чтобы я тебя покрывал?!

– Точно. Именно этого я и хочу. И часа не прошло с начала нашей беседы, как ты, таки, постиг то, что лежало прямо на поверхности и ни от кого не таилось.

– Ты устроил драку, разбил машину, изувечил человека – всё это на виду у доброй сотни людей! И требуешь, чтобы я тебя прикрыл?!

– Я требую, чтобы ты посмотрел на это сквозь пальцы и не впутывал в школьные междусобойчики серьёзных парней из полиции.

– Я не могу...

– Можешь. И делал уже не раз. Я вообще не понимаю, зачем мы теряем время на ненужное обсуждение того, что уже решено? И не переживай. Против пятерых черномазых будет слово около доброй сотни белых парней, причём, из лучших семей в городе. Все они, как один, подтвердят мою версию.

– Но девушка...

– С девушкой я тоже договорюсь. Ты же знаешь, я отлично лажу с девушками?

Директор смотрел на меня с ненавистью.

Он так меня ненавидел, что это прямо-таки грело душу. Ненависть и любовь две самых сильных в мире эмоции.

Хомячок на поводке. Хомячок с удавкой на шее. Хомячок в наморднике – даже кусаться не может. Он боится меня до дрожи. А зря. Он мне слишком противен. Мне стоило не малых трудов наступить себе на горло перед тем, как совратить это мерзкое пухлое слабохарактерное донельзя создание. Но оно того стоило. Теперь, чтобы я не натворил, он вынужден меня прикрывать.

Стоит раз поддаться на шантаж, как этому аду не будет конца.

– Когда-нибудь ты доиграешься, Энджел Кинг.

– С интересом буду ждать того золотого времечка. Всего доброго, сэр директор. Кажется, звонок звенит? Мне пора на занятия.

В отличном расположении духа, чуть ли не насвистывая, я покинул директорский кабинет.

Скорпиончики преданно дожидались моего торжественного выхода.

– Всё обошлось? – выдвинулся вперёд Робин Райс.

– Конечно, – с усмешкой кивнул ему я.

Глава 7. Энджел

В последнее время я стал замечать, что перерос игры в криминального авторитета. Мне стало скучно. Но что там писал Экзюпери про тех, кого ненароком приручил? Ах, да! Мы за них в ответе.

Вот они, мои скорпиончики. Вычурно-черные, кожаные одёжки в заклёпку. Черные банданы на головах и кастеты на руках. А ещё изображение хвостатого паука в боевой стойке, везде, где можно: на груди, запястьях, в ушах.

– У нас проблемы, – затянувшись сигаретой с травкой, сообщил мне Робин.

– Я заметил. Кто додумался пустить на нашу территорию цветных? – пришлось поинтересоваться, раз все именно этого от меня и ждали.

– Да какая-то дурацкая программа. Городскому Совету нужны достижения в спорте, а черномазые отлично гоняют по корту.

– Потому что они куда больше животные, чем люди, – со смешками вставил своё слово кто-то из толпы, кто-то, чьё имя малозначительно и неинтересно. Короче, этого парня из банды я не смог вспомнить.

– Эти животные пытаются строить нас на нашей территории. Мы должны показать им их место, – резюмировал я.

Быть лидером тошно и утомительно. Это ответственность. А я слишком ленив, чтобы с удовольствием взваливать на себя такое «удовольствие». Но ведь не откажешься? Очередная драка, очередная грязь, очередная кровь. А для чего? Даже денег и тех – нет.

– Но мы не полезем на рожон первыми, – сообщил я моей банде воинствующих скорпиончиков.

– Хочешь сказать, дадим слабину? – возмутились парни.

– Хочу сказать, что позволим им уйти с миром.

– После твоего показательного выступления? – расплылся в довольной ухмылке Робин. – Вот уж вряд ли!

– Захотят драки – получают драку, – пообещал я. – Но это в крайнем случае.

– Наверняка захотят. Ты положил мордой в грязь их авторитета. Они нам это на тормозах такое не спустят.

– Тогда пусти клич. Будем готовиться к драке. Это наша школа и наш район. Не хватит мозгов вести себя -тихому, снесём им их курчавую башку к чертям собачим

Моё предложение нашло горячий отклик. Все радостно покричали. Сигарета дотлела. Пошёл дождь.

– Пора на урок. Увидимся, парни.

Естественно, за школьную парту меня влекла не жажда знаний. Я хотел увидеть Ирис.

После вечеринки у Ньевес мы с ней больше не виделись. И норовистая Фиалка даже не позвонила мне ни разу!

Удивляло то, что я это заметил.

Ещё сильнее удивляло желание видеть Ирис. Из всех моих знакомых женщин до сих пор я скучал только по Сандре. Об остальных имел обыкновение забывать тут же, сразу, как только они исчезали из поля зрения.

А тут даже полный загул, со всеми вытекающими, не заставил меня выкинуть Ирис – откуда?

Из головы? Да я о ней не думал. Из сердца? Я по ней не страдал, просто хотел видеть перед собой её красивое личико.

Красивых лиц много. В каждом прелестном женском лице есть своя изюминка, свой неповторимый шарм. Женщины, с одной стороны, как книги – за каждой своя история, чаще всего простенькая, забавная или милая, но отличная от другой, неповторимая, и ни с чем не сравнимая.

С другой, женщины в чём-то похожи на цветы: такие же яркие, ароматные и – недолговечные. Сорвал, вдохнул, насладился, забыл.

Узнать, очаровать, заставить себя любить и, поставив точку; искать следующую героиню для новой истории, старую – в архив.

Женщины прелестные и удобные дурочки. Думают, что раз у вас был классный секс, то это повод задуматься о свадьбе. А это на самом деле ни к чему не повод. Отличный секс – это просто отличный секс. Для девушки событие, для меня эпизод. Всё остальное – эмоции, обида, претензии, откровенно говоря, ни к чему и ни к месту.

Я слышал о том, что существуют книги, которые тянет перечитать. Книги, бывало, и в самом деле встречались, а вот женщины... тут дело-то скорее не в них, а во мне.

Я избегаю эмоциональной привязанности в любом её проявлении. Я делаю всё возможное и невозможное, чтобы к людям не привязываться. Стоит это сделать, как попадаешь в зависимость похуже наркотической.

А ещё, рано или поздно человек уходит. Или остаётся, но перестаёт тебя любить. Или, что ещё хуже, старается тебя использовать.

Когда тебе пофиг все его тараканы, ты просто шлешь гада лесом. Но когда человек тебе дорог, ты терпишь всё, лишь бы его не потерять.

Рэй и Сандра – вот два человека, что живут в моём сердце. И они оба выучили меня нехитрым истинам, изложенным ранее.

Каким-то непостижимым образом в х компанию проникла и Ирис?

Я думаю, всё дело в том, что она красива.

Да, красивых много, но есть тип красоты, который цепляет вас, берёт за душу, заставляет оборачиваться, как подсолнух вслед за солнцем.

Стоило появиться Ирис и мой взгляд устремлялся за ней, как преданный щенок за хозяйкой.

Мне нравилась её внешность. Не менее яркая, чем у Ньевес, но если в испанке было много острых углов, то Ирис была настоящая англичанка. В ней чувствовалось порода. Черты ребёнка, белое лицо, огромные, необычного оттенка глаза и совершенной красоты тело, которое мне всегда хотелось ласкать.

Мне нравилось, как она млела в моих объятиях. Я сам начинал от этого млеть.

Когда Ирис была рядом, мне не приходилось подавлять свои агрессивные, часто грубые порывы. Оставить на её молочном совершенном теле любой след, коснуться его чуть грубее казалось святотатством. А между тем Ирис никогда не разыгрывала из себя томную хрупкую барышню, была вполне себе полнокровной.

Каждая клеточка её округлого, мягкого, как у сытой кошки, тела, источала такую притягательную чувственность, которой у меня не находило сил противиться. Даже на расстояние, мне казалось, я улавливаю тонкий аромат её густых, пушистых, тяжёлых волос.

– Привет, Фиалка, – шепнул я. – Подвинешься?

Ирис медленно повернула голову, взглянув из-под пушистых ресниц.

Моё молчание обидело её не меньше Ньевес, но, в отличие от непосредственной красавицы Санчос, она куда лучше владела эмоциями и не спешила мне их демонстрировать.

Не говоря ни слова, посторонилась, освобождая место рядом с собой, и я развалился рядом.

Удивительно, но рядом с Ирис мои нервы искрят, будто оголённые. Дело даже не в том, что я переживаю из-за её чувств – я их просто чувствую. Чувствую даже тогда, когда не хочу.

Так, даже не стараясь, я всей кожей, всем нутром ощущаю её недовольство. Оно как первый слой из всего того коктейля чувств, что бурлит сейчас в её сердце. За недовольством, как аккомпанемент, холодная злость, а подо всем этим ядро – боль, вокруг которой накручено всё остальное: сомнение, неуверенность, мучительная надежда и неверие.

Ирис сидела с таким серьёзным видом, что сразу и не подступишься. Она словно всем своим видом говорила: «Не смей приближаться». Будь на её месте кто-то другой, я бы охотно подёргал кошку за хвост, но ссориться с Ирис мне не хотелось. Поэтому я пододвинул к себе тетрадь и, прикрывая написанное рукой, написал:

«Даже когда ты злишься, ты очень красивая. Тебе идёт гнев. Но я всё же предпочитаю видеть твою улыбку».

Ирис скользнула взглядом по написанным буквам. Губы её подобрались в гневную тонкую ниточку.

– Ты считаешь, что я куплюсь на детские комплименты? – зло шепнула она.

– Я на это надеюсь, – шепнул я в ответ. – Мы давно не виделись, я соскучился, а у тебя же такой вид, будто ты по мне – нет.

– Соскучился? – гневно блеснула она глазами, и я увидел в них своё перевёрнутое отражение.

В объятиях Артура. В объятиях других девушек. Среди доброго десятка различных развлечений.

– Что-то я сильно в этом сомневаюсь, – фыркнула она.

– Ты злишься?

– Да! – отрезала она, не давая никаких уточнений. – Любой

нормальный человек на моём месте злился бы.

– Из-за чего?

– Считаешь, не из-за чего?

Фиалковые глаза потемнели, как небо перед штормом.

– Наоборот, столько всего, из-за чего можно разозлиться. Просто уточняю.

– А заодно и издеваешься?

– Если только совсем немного, по привычке.

– Мне неинтересны твои привычки. Отсядь.

– Мне и тут вполне удобно.

Прежде, чем Ирис успела подняться, я схватил её за руку, легко удерживая. Её пульс частил, жилка под моими пальцами билась, как пойманная, испуганная птичка. Но она меня не боялась. Потому что плохо знала. Потому что верила – я не причиню ей вреда.

И я не хотел навредить ей, расстроить или ранить. Но даже нехотя – мог.

– Давай не будем ссориться?

– Успел сегодня уже устать от ссор? – сузила она глаза. – Какого чёрта ты устроил это представление? Бить чужие машины, по-твоему, это круто?

– Да.

– А по-моему – глупо! Нелепо, понимаешь? Бессмысленно! Я всю голову сломала, пытаюсь понять мотив этой дикой выходки, но его нет! Произвести на девушку впечатление на манер «Укрощения строптивой»? Странная тактика. А уж эта сцена с тем...

– Что такое? – усмехнулся я, когда она сделала паузу, заколебавшись при выборе слов. – Ну скажи это слово – негр. Это нормально называть что-то своим именем. Тот парень – наглый негр. Он встал у меня на пути и получил по заслугам.

– Чем он заступил тебе дорогу? Тем, что вступился за девушку?

– Ты была там? Я тебя не видел. А за Ньевес не переживай. Битую машину я ей компенсирую. Негр же нарывался и получил по заслугам. Кстати, цветным мало. Они хотят добавки.

Ирис разозлилась ещё сильнее:

– Ты хоть понимаешь, как отвратительно выглядел со стороны? Посмотри на себя! Послушай себя: «цветные», «нарываються»! Это звучит как в каком-то дешёвом криминальном кино, честное слово!

– А чего ты от меня хотела, детка? – подался я вперёд.

Зря, кстати. Меня тут обдало лёгким ароматом её духов и влекущим теплом тела. Захотелось сжать Ирис в объятиях, сомкнув руки вокруг

гибкого стана, ощутить влажность губ, их сладкий вкус. Запустить руки в тёмное облако волос, на ощупь гладких, как шёлк.

От желания мой голос зазвучал ниже:

– Ты знаешь, кто я такой. И что я такое. Моё пальто белое только с виду.

– И тебя, кажется, это безумно радует? Тебе это нравится?

– Да, нравится! Но в случае с негром я не внимание к себе привлекал. За мной стоят мои парни и, хочу я того, или нет, я должен отстаивать *наши* интересы. Цветные быстро наглеют, если не дать им по носу. Это – наша школа, наш район. И им придётся усвоить это. Не делай такого лица, дорогуша. Лицемерие тебе не к лицу!

– Когда это и в чём я лицемерила?

– Ну, поправь меня если я ошибаюсь, но мне показалось, что дальнейшая твоя риторика станет развиваться в сторону переговоров и толерантности. Только со всей этой мутью не ко мне, ладно? Я не из тех, кто считает, что если дошло до драки, то ты уже проиграл. Я не стану никому подставлять щеки.

– О, да, не станешь! Если тебе только тебе за это заранее не заплатить!

Я, признаться, даже не сразу понял, что она имела ввиду, но Ирис, похоже, решила, что я сейчас совсем рассвирепею. Или очень расстроюсь. Что сердце моё разбито её репликой. Словом – всё очень-очень плохо, потому что рука её взлетела, прижимаясь к губам, словно силилась вернуть выскользнувшие слова обратно.

Но, слово, известно, не воробей. Она сказала – я услышал.

– Прости! – произнесла она уже скороговоркой, как только её ладошка отлипла от губ, хватаясь за мою руку, как утопающий за соломинку, а в глазах стыло раскаяние, которого я, честно говоря, не заслуживал. – Прости, я не это хотела сказать!

– Ты сказала, что сказала. Не стоит извинений.

– Нет, правда я...

– Веришь в дружбу, равенство, братство и– корректность? Это очень хорошо, потому что очень удобно. Нет ничего приятнее, чем вести дело с корректными людьми.

Я не пытался высвободить руку. По одной просто причине – мне было приятно, что она ко мне прикасается. Но Ирис, видимо, сочла мою неподвижность за обиду.

Может и правда разыграть оскорблённую невинность? Она ведь купится, святая простота.

– Да успокойся ты, – фыркнул я. – Не умру я от твоих слов. Уж как-

нибудь переживу, снеся обиду. Я ведь, в принципе, в курсе, что продаю себя за деньги.

В широко распахнутых глаза читалось желание понять, что стоит за моими словами.

А за ними стояло ровно то, что я говорил – и ни словом больше. Никакого двойного смысла, двойного дна, второго плана.

– Ирис, тебе не стоит учить меня жизни. Я знаю, что делаю и зачем, – подытожил я наш разговор.

– Но ведь это же не честно!

– О какой честности речь? – не понял я.

– Ты легко ввязываешься в драку, потому что знаешь: настоящей опасности для тебя нет. Боль ты чувствуешь, но не так, как нормальный человек! Ты ничем не рискуешь!

– Полагаешь, я не чувствую боли? – рассмеялся я.

Она смутилась:

– Ну, не так, как я или, скажем, этот парень, попавшийся к тебе под горячую руку. Жизнью ты в любом случае ведь не рискуешь?

– Вы закончите когда-нибудь разговаривать или нет?! – рявнул над нашей партией учитель, который, похоже, уже не первый раз обращался к нам, но, слишком увлечённые нашей беседой мы его попросту не замечали.

– Или немедленно прекратите! Или покиньте класс.

Я бы охотно его покинул. Просто с превеликим удовольствием. Прихватив с собою Ирис. Или послал бы этого ботаника куда подальше, пощекотав ему нервы. Но Ирис такого представления явно не оценит.

Повезло сегодня сморчку.

Скрестив руки на груди, я молчал. Преподу хватило и моего взгляда, чтобы поспешно ретироваться.

Ирис всем своим видом демонстрировала нежелание продолжать разговор. Как обычно, и моё настроение резко переменялось.

С какой стати эта девица думает, что я стану за ней бегать? Пф-ф! В мире таких много и, если одна желает продемонстрировать синдром ПМС, всегда найдётся другая, без гормональных сбоев.

Не дожидаясь звонка с урока, я просто поднялся и вышел из класса и решил пойти покурить, чтобы успокоиться.

Зайдя в одну из туалетных кабинок и, чиркнув зажигалкой, я глубоко затянулся. Но не успел досмолить сигарету и до половины, как дверь в мужскую туалетную комнату распахнулась, со стуком ударившись в стену.

По кафелю затопали ноги. Судя по звуку, несколько человек.

Топ-топ-топ. Бух! – кого-то пихнули на пол, и он повалился, словно

брошенный наземь мешок с картошкой. Потом раздались явственные звуки ударов. Целая серия. Судя по всему, жертву пинали ногами.

– Сволочь! Ты меня заложил! Ты сказал, что я списывал?! Я никогда не списываю! – рычал один голос.

– Ну, давай! Надери ему задницу! – подначивал другой.

– Я ничего не рассказывал! Я никому ничего не говорил! Клянусь вам! Не бейте меня! – испуганно звучал третий.

Я поморщился.

Когда сам кого-то третируешь, не видишь, как это смотрится со стороны. А смотрится паршиво.

Сколько их там собралось против одного ноющего слизняка?

Словно в ответ на мою мысль в голове зазвучал сердитый голос Ирис: «Ты легко ввязываешься в драку только потому, что знаешь – настоящей опасности для тебя нет».

Может она права, мать её?!

Опустив взгляд вниз, в просвете между полом и дверцей туалетной кабинки я насчитал три пары ног.

– Не бейте, только не бейте! – скулил с пола парнишка.

Нервный маменькин сынок, из тех, что никогда не могут постоять за себя сами и чаще всего становятся жертвами различных отмороzków.

Я его не помню. Кто-то из вечно безликих ботаников, до которых обычно никому нет дела. Таким их мамыши вечно запрещают дружить с плохими мальчиками, потому что плохие мальчишки могут научить их ненаглядное детище очень нехорошим вещам. И всем этим глупым мамашам, пестующим своего сыночка, невдомёк, что однажды их усечка-пусечка попадёт в жестокий мужской мир, весь из себя такой нежный, ранимый и правильный. И будет там валяться на полу, облизывая подошвы чужих ботинок, потому что дорогая мамочка сделала всё возможное и невозможное, чтобы кастрировать своё ненаглядное чадо ещё в младенчестве.

Без тестостерона остаётся только на радужный парад идти.

Я услышал, как один из парней, фыркнул:

– Ладно, хватит.

Он протянул руку лежащему:

– Вставай, давай! Не бойся. Я ничего тебе не сделаю.

И когда жертва, осмелев, ухватила за руку экзекутора, последний со всего маха заехал ему ногой в пах, выбивая сдавленный стон.

Ногой в живот это обычно больно. По опыту знаю.

А бить лежащего, сначала протянув ему руку?..

Щёлкнув задвижкой, я вышел из кабинки и, не вынимая сигареты изо рта, двинулся на парней.

Что б его! Это были негры!

Нет, ну я же честно не хотел развивать расовый конфликт? Да тот, что намечался теперь, был и не на расовой почве. Будь передо мной белые парни, они получили бы совершенно так же.

– Тебе чего? – развернулся ко мне черномазый.

Я, не сбавляя шага, медленно приближался к нему

Негр и не думал отступать. Мой рафинированный вид до определённого момента никому не внушает опасений.

– Тебе тоже хочется получить, урод! – толкнул он меня в грудь. – Что? Жить надоело?

Затянувшись поглубже, я медленно, со вкусом, выдохнул сигаретный дым, заполненный сладостью марихуаны, ему прямо в лицо.

– Белый пидор! – выплюнул он, стараясь не сбавлять гонора, но по глазам было видно, он бравирует, пряча страх.

Второе белое облако медленно окутало его чёрную, как моя душа, физиономию.

Я намеренно его провоцировал. Потому что Ирис в чём-то была права. Мы не на равных. И никогда не будем на равных.

Но в этом нет моей вины.

Мне, правда, непонятно, зачем руководство школы решило обострить и без того глубокие противоречия, накапливающиеся последние годы, готовые в любой момент рвануть, как вулкан Кракатау, взяв в школу афроамериканцев?

Чего они хотели этим добиться?

Искусственно прививаемая толерантность как навязанная религия – от обоих рвёт радугой.

– Тебе повезло, белая мразь, что мне пора на урок. Я приду позже. И не один, а со стволом!

– А зачем тебе ствол? – усмехнулся я. – Своего собственного не хватает? – фыркнул я, уронив взгляд вниз. – Проваливай-ка лучше отсюда, пока я не заставил тебя вместо банана сожрать твой собственный член.

– Что ты сказал?!

– Сказал: пошёл вон. Ещё раз увижу, что ты посмел тронуть кого-то в моей школе, вырву кишки через твою задницу и намотаю на кулак. Понял?

– Ты кому посмел это сказать, урод?!

– Не хватает соображалки сообразить, что тебе? Предупреждаю, я больше не буду с тобой церемониться. Убирайся. И не смей вставать у меня

на пути – со стволом или без, я тебя уделаю. Я предупредил.

Оборачиваясь и бурча себе под нос ругательства, негры ушли.

Я повернулся к всё ещё лежащему на полу, всхлипывающему парню.

– Поднимайся.

Он покорно встал.

– Спасибо, – шмыгнув носом, пробубнил, не глядя мне в глаза.

В отличие от его обидчиков он, похоже, отлично знал, с кем имеет дело. Он боялся меня больше, чем их.

– Нужно уметь постоять за себя, – холодно процедил я, в глубине души понимая, что домашнему ребёнку почти невозможно противостоять ребятам из банд.

Где-то и мои парни травят кого-то другого, так же грязно и мерзко притирая их спинами полы сортира. До сих пор я не имел ничего против. И вряд ли стану против в дальнейшем.

– Если они посмеют к тебе приставать, можешь обратиться ко мне, – бросил я ему, подмигнув, решив быть в кои-то веки добрым до конца.

Глава 8. Артур

С уходом Энджела мир, как обычно, потускнел, сделавшись предсказуемым, банально-скучным – неинтересным. В воздухе шлейфом продолжал витать запах одеколona.

Артур обвёл взглядом помещение: просто комната, в которой просто ночуют. Ни на одном предмете Энджел не оставил отпечатка своей личности.

Вот и с Артуром также – он просто ночует.

В их связи со стороны Энджала не присутствует ни сердце, ни его душа – лишь то, что ниже пояса: Артур не обманывался на этот счёт. После №-ного количества алкоголя и наркоты страсть Энджела была фонтаном во все стороны, без всякой конкретики, на его месте мог оказаться кто угодно, повернувшийся в тот момент под руку.

Обидно не было. Немного горько? Быть может.

Ливиан считал причиной депрессии Артура его нездоровую страсть к Энджелу, что, в принципе, было в корне неверно. Всё как раз с точностью было до наоборот: сначала длинная, затянувшаяся на неопределённый срок депрессия, а уже потом всевозможные способны выбраться из тёмной полосы на свет.

Энджел стал просто ещё одной, надломившейся, ступенькой.

Артур посчитал младшего Кинга таким же обречённым, каким был

сам. Вместе тонуть, вроде, веселей? А может, после смерти Брэдли, Артуру необходимо было найти хоть какой-нибудь костыль?

Но легкомысленный непоседа Энджел явно был не под то заточен. Почти всегда нуждаясь в сексе, он никогда не нуждался в близких отношениях. В отличие от Артура, он не искал ни понимания, ни тепла – это равно касалось как женщин, так и мужчин. Горячий ночами, утром Энджел обращался в айсберг. Но Артур дошёл до того, что был согласен и на такие отношения лишь бы видеть любовника, пусть и изредка.

Ради редких встреч, подобно сегодняшней, он готов был терпеть презрение Ливиана, насмешки Сандры, и даже присутствие Рэя.

Однако каприз последнего отсылал его из города на неопределённый срок. Теперь с уверенностью сказать, когда они с Энджелом увидятся, невозможно.

Имя Мередит Филт для Артура не значило ничего. Девушка вызывала смутное раздражение лишь потому, что вставала между ним и Энджелом, являлась причиной их разлуки. Ни угрызений совести, ни жалости, ни ненависти по отношению к ней Артур не испытывал. Досадная помеха этого и не заслуживала.

Он помнил Мередит очень смутно. Отчего-то старшую свою дочку Тед Филт никогда к ним домой с собой не притаскивал. Его любимицей была младшая, назойливая, словно мартышка.

Впрочем, самому Артуру Мередит никогда не докучала, предпочитая таскаться хвостом за Ливианом, чего тот, к слову, терпеть не мог.

Ливиан плохо ладил с детьми, даже когда сам был совсем дитём.

Ливиан со всеми плохо ладил, но это уже другая история.

День выдался вполне типичным для марта – ветреный. Грязь успела подсохнуть, луж под ногами не было, что к лучшему.

Заняв место под широким платаном, Артур наблюдал за дорогой. Студенты то и дело сновали по ней туда и сюда, дожидаясь появления «клиента».

Летом на этом месте, наверное, уютно? Тень, шелест листьев, лавка и всё такое прочее? Но летом тут вряд ли так уединённо. Наверняка тысяч какие-нибудь влюблённые парочки.

Подняв взгляд, Артур скользнул глазами по надписи на латыни: «Optimum medicamentum quies est»: «Покой – наилучшее лекарство».

Спорный, по мнению Артура, постулат.

Наконец, Мередит появилась.

Одета девушка была незатейливо, как и большинство студентов.

Джинсы и прямого фасона драповое пальто выглядели на её невысокой, изящной, по мальчишески стройной фигурке, элегантно и в тоже время изысканно. Стрижка «боб» и яркие серьги придавали задорному личику французскую пикантность.

Благодаря примеси корейской крови лица сестёр Филт отличались фарфоровой кукольностью, но ни у одной не было даже намёка на эпикантус.

Двигалась Мередит легко, пружинистым, танцующим шагом.

Отчего-то Артур ожидал увидеть перед собой круглолицую толстушку со скобками на зубах, какой Мэри запомнилась ему в детстве. Появление улыбчивой, словно светящейся от внутреннего света, очень хорошенькой девушки, заставило его растеряться. Всего на миг, но этого мига хватило, чтобы Мередит успела пересечь стоянку и скрыться внутри своего автомобиля.

Как привлечь внимание девушки? Будь на месте Артура Энджел, он бы не упустил случая покрасоваться, смущая девушку демонстрацией семейных талантов. Артур тоже решил пойти именно по этому пути. В конце концов, его суицидальности нашли применение и здесь.

С обычным для себя пренебрежением к опасности, боли и жизни, дождавшись, пока, развернувшись, Мередит не газанула, он шагнул на проезжую часть прямо под колёса.

Шагнул с тем расчётом, чтобы его нельзя было ни вовремя увидеть, ни затормозить.

Мередит не успела – никто бы не успел.

Даже самый опытный и внимательный водитель мира не может застраховаться от внезапно шагнувшего на его бампер сумасшедшего пешехода.

Скользкий удар автомобиля задел Артура передней частью кузова, запрокидывая его тело на капот. При резком торможении он слетел с ветрового стекла, упав прямо под колёса движущегося автомобиля.

Дикая, разрывающая боль извне слилась с той, что уже давно терзала его изнутри, вырвав из груди полурык-полувсхлип.

Боль заметалась внутри него диким мячиком, ищущим выхода. Не найдя, сконцентрировалась где-то в районе желудка, пульсируя огненно-жгучими, жёлто-оранжевыми языками такой силы, что на мгновение все мысли из головы улетучились.

Никаких призраков ни Энджела, ни Рэя, ни Ливиана. Какое блаженство! Почти рай.

Если бы не сама боль, конечно.

Перекошенное от ужаса девчачье лицо нависло сверху перевёрнутой проекцией. На белом, как полотно, лице, глаза казались двумя чёрными, затягивающими омутами.

Ну, может быть, дело вовсе и не в глазах, просто голова кружилась так, будто Артур лежал на карусели.

Странно, когда боль становилась такой выраженной интенсивности, что он вот-вот готов был потерять контроль, на душу снисходили покой, тишина и умиротворение. Хотелось взглянуть вверх и перестать что-либо чувствовать, что-либо думать. Раствориться в небе и в боли навсегда, утонуть в них и не выныривать.

Артур дёрнулся, как от удара тока, когда узкая девичья ладошка легла ему на шею. Это было непроизвольная реакция.

А-а! Это она пульс проверяет?

Руки у девушки тряслись, но действовала она с чёткой уверенностью, ощупывая его тело на наличие повреждений.

Дико, но Артуру в это самое мгновение захотелось схватить её за шею, притянуть к себе и грубо, через силу, поцеловать, прижимая её тело к себе до хруста. Совсем не в его духе. Скорее уж в духе Энджела.

– Не двигайтесь, – строго приказала девушка. – Я сейчас вызову скорую, вам помогут! Всё будет хорошо!

Артур резко перехватил тонкое девичье запястье, мешая ей нажать кнопку вызова на мобильнике, после чего Мередит перестала суетиться и задержала на его лице растерянный, изумлённый взгляд.

– Не нужно... вызывать... скорую... – тихо, с придыханием проговорил он.

Каждое слово причиняло боль, будто было лезвием. И вот что странно, слова-то произносили губы, а наливались огнём внутренности.

– И без скорой... всё... будет хорошо... Всё уже... нормально, – соврал он.

Слова гасли на ветру, как отлетающие от костра искры.

Почувствовав, как шевельнулась её рука, Артур крепче сжал ладонь. Налившиеся, будто свинцом, веки норовили совсем опуститься, закрыв глаза. Приходилось делать усилие, чтобы не сдаваться.

– Поможешь мне встать?

– Нет, конечно, – обескураженно покачала головой Мередит. – У тебя может быть внутреннее кровотечение. Встанешь – умрёшь.

– Со мной всё будет хорошо, – заверил её Артур.

– Ты просто в шоке. Ты не осознаёшь, что делаешь.

– Да нет, Мередит. Я просто брат Ливиана. Артур Брэдли. Помнишь

меня? Мы с тобой уже встречались... – боль судорогой прошлась по телу, заставляя Артура на мгновение сжать зубы чуть ли не до хруста, чтобы не заорать.

Втянув в себя со свистом воздух, он упрямо закончил начатую фразу:

–... встречались раньше.

– Артур? Господи, мне так жаль!!! Как я могла тебя не увидеть?! Впрочем, на самом деле неважно, кто ты. Тебе, в любом случае, нужен врач, медикаменты, обезболивающее...

– На меня не действуют обезболивающие. Пожалуйста, Мередит, обойдёмся без заломанных рук и душа из пепла.

– Я наехала на тебя! Я...

Артуру захотелось резко встряхнуть её, чтобы она замолчала.

– Ты не наезжала на меня. Я сам кинулся под колёса.

Мередит замолчала, глядя на него широко распахнутыми, испуганными глазами.

Смотрела так, словно пыталась в этот момент понять, кто из них более сумасшедший?

– Ты... что ты сделал?

Представив себе винегрет, что творится у неё сейчас в голове, Артур закрыл глаза.

Он думал, она в курсе их фамильных тараканов, но, похоже, ошибся. И как-то не хотелось сейчас ничего объяснять.

– Ты сам?.. Но зачем?

– Хотел, чтобы наша встреча оставила у тебя неизгладимое впечатление, – с иронией отозвался он.

– Я не понимаю...

– И не надо, – поморщился Артур, стараясь приподняться.

Тело не слушалось.

Оно было как из пластилина, словно совсем без стержня. Будто вместо позвоночника внутри лезвие и внутренности режутся об него при малейшем движении.

– Просто... помоги мне встать, пока вокруг не собралась толпа.

– Ты точно уверен? – всё ещё сомневалась Мередит.

– Точно. Дай мне руку?

Цепляясь за неё, кое-как Артуру всё же удалось подняться.

Ноги дрожали, голова кружилось, перед глазами висела алая пелена. Но он в очередной раз не сдох. Жаль, конечно, но на этот раз ничего больше не поделать. Придётся выполнять задание Рэя.

Артур заставил себя опереться на плечо Мередит. Внутренности по-

прежнему ломило и выкручивало, но, к его огромному сожалению, даже такой боли было недостаточно – недостаточно для того, чтобы заглушить неприятный гадостный осадок, поднимающийся со дна души.

Похоже, сам не отдавая себя в том отчёта, он надеялся, что после того, как его собьют, он уже не сможет ничего сделать. Смешно! Похоже, они действительно все прокляты бессмертием. Что не делай, поднимаешь, как Ванька-Встанька.

Лично для него не было ничего хуже, чем, образно говоря, вонзать клинок в доверчиво подставленную спину. Тем более – девушкам. Тем более – таким хорошеньким.

– Подвезёшь меня до дома?

Он старался не смотреть на Мередит, не видеть её доверчивых, испуганно распахнутых глаз.

– Конечно, – кивнула она. – Только мне кажется, всё равно лучше поехать в больницу.

– Зачем мне в больницу, если рядом будущий врач? Возьмёшься попрактиковаться? Я весьма интересный, во всех случаях, экземпляр.

Артур старался не слишком сильно наваливаться на девушку. Невысокая и худенькая, Мередит казалась неподходящим объектом на роль костыля даже для такой иссохшей нежити, как он.

Распахнув дверцу автомобиля, она помогла ему устроиться на переднем сиденье, рядом с водительским креслом.

Пока обходила машину, чтобы устроиться рядом, Артура одолевали сомнения. Плюнуть, развернуться и уйти? До сих пор он успешно избегал попаданий в грязные интриги Рэя. Но было одно большое «но». Уйдёт он, придёт кто-нибудь другой, совсем не такой мирный и добрый. От задуманного Рэй не откажется, а для Мередит Артур пока лучший вариант.

«Я ничем её не обижу. Рядом со мной Мередит нечего опасаться. Для неё же самой так будет лучше».

Артур закрыл глаза, изо всех сил стараясь поверить самому себе.

Машина, завибрировав, ожила. Время раздумий и колебаний осталось в прошлом. Нужно действовать, как не неприятно это было склонной к созерцанию, раздумьям и колебаниям, натуре Артура.

– Прости меня, – вздохнул он.

– За что? – удивлённо приподняла брови Мередит.

– Вот за это.

Прежде, чем она успела понять, что происходит, Артур поднял руку и нажал на точку на её шее, перекрывающей движение тока крови в сонной артерии.

Нескольких секунд оказалось достаточным, чтобы девушка обмякла в его руках, потеряв сознание.

Осторожно пересадив её с водительского сидения на пассажирское, пристегнув для надёжности ремнём безопасности, Артур мягко и плавно вырулил со стоянки.

В отличие от Энджела или Ливиана, Артуру никогда не нравилось гонять по городу, изображая из себя Шумахера. Настолько же, насколько мало он ценил собственную жизнь, настолько же уважал чужую. Энджел пренебрежительно называл его за этой занудой и неженкой, но дорога – это дорога. На ней невозможно контролировать всё. Всегда есть фактор неожиданности, за которую кому-то придётся заплатить слишком высокую цену.

Превышение скорости, резкие торможения, «шашечки» Артура не привлекали никогда. А уж сейчас, когда он выступал в роли похитителя, будучи сам в полубессознательном состоянии, и подавно.

Перед глазами то и дело вспыхивал розовый туман, превращая предметы в расплывающееся облако. Приходилось собирать в кулак всю силу воли, чтобы концентрироваться на дороге и не терять сознания.

Город тянулся бесконечно.

Вскоре голые остовы деревьев обрастут зелёной плотью листвы, зашевелит зелёными ветвями и мир вокруг преобразится. Пока же пейзаж до скучного однообразен: серая лента дорог разрезала серые улицы, длинными серыми перстами домов протыкая серое полотно небес.

И только зловещие разноцветные циклопы-светофоры светились сквозь всеобщую хмурь.

Глава 9. Артур

Мерedit пришла в себя только тогда, когда они уже выехали за черту города. Артур понял, что девушка очнулась от беспамятства, уловив перемену в её дыхании. Она пошевелилась и села, в недоумении глядя в лобовое стекло.

Потом зачем-то зарылась ладонью в пушистые волосы, откидывая их со лба, словно это простое действие могло ей помочь понять происходящее.

– Что происходит? – невзрачным голосом спросила она. – Куда ты меня везёшь?

– В один маленький охотничий домик. До него уже недалеко. По крайней мере, определёнno ближе, чем в начале пути.

– Останови машину!

– Нет.

Мередит рванулась вперёд, хватаясь за руль.

В результате её глупого маневра их занесло, выбрасывая на встречную полосу. Артур едва успел вывернуть руль, уводя машину от лобового столкновения, каким-то чудом вписавшись в просвет между огромным грузовиком и следующей за ними Вольво.

Со всех сторон понеслись пронзительные гудки. Растерянная, дезориентированная, Мередит сжалась на своём сиденье.

– Не делай так больше, – предупредил Артур, сохраняя хладнокровное спокойствие. – Это глупо. Ни к чему хорошему не приведёт.

Мередит всхлипнула, отворачиваясь.

Кажется, на ближайшее время девушка собиралась хранить оскорблённое молчание?

Отлично. Ничего лучше и не придумаешь. Однако долго она так не просидела, вновь повернувшись к нему:

– Могу я узнать, что происходит?

– Похищение.

– Похищение? Серьёзно?! – тихо засмеялась она. – Это какой-то бред! Абсурд! Кому может прийти в голову меня похищать? Я же ничем не примечательная, среднестатистическая студентка?

– Увы! Не такой уж это бред и абсурд, как может показаться. Иначе ты бы здесь не сидела.

– Ты маньяк? Планируешь меня сначала мучить, а потом убить и съесть?

Мередит нарочно говорила всё это легкомысленным, даже весёлым тоном. Так она, видимо, справлялась со стрессом.

– Нет, я тебя не съем, – пообещал Артур. – Жаренные женские пятки меня ни капли не возбуждают.

Здесь он не погрешил против истины.

– Ну и зачем же ты меня похитил?

– По приказу Рэя Кинга.

На хорошеньком, лукавом личике девушки, в этот момент напомнившим Артуру загнанную в западную лисичку, эмоции и чувства сменялись со скоростью рисунков в калейдоскопе.

– Рэй Кинг?..

– Слышала о таком?

Притормозив, они съехали в этот момент с основной дороги на грунтовую, уходящую в лес.

– А ему это зачем?

– Зачем да почему, – вздохнул Артур. – Потому! – передразнил он. – Ему потребовались услуги Линды, а ты со мной для того, чтобы она стала сговорчивей. Ну что? Довольна?

Глаза Мередит потемнели от испуга, улыбка сошла с румяных, словно спелая вишни, губ.

– Чем тут быть довольной? И почему ты мне всё вот так, прямо, без утайки, выкладываешь?

– Не вижу смысла скрывать информацию. Ты просто заложник. От тебя ничего не требуется и ничего не зависит, но пытаться и мучить, как я уже сказал, тебя тоже не будут. Просто проживём какое-то время в лесной глуши. И всё.

– Просто проживём? – хмурясь, спросила Мередит. – Но как долго?

– Честно говоря, сам не знаю. Пока Рэй не велит возвращаться обратно в город.

– А вдруг он так и не договорится с Линдой? Что тогда? Прикажет меня убить и закопать где-нибудь, по-тихому?

Артур метнул в неё раздражённый взгляд:

– Уверен, до этого не дойдёт. Твоя сестра не станет рисковать твоей жизнью.

– Ты её плохо знаешь! Линда принципиальная и честная. Она не предаст тех, на кого работает.

– Она настолько принципиальна, что поставит финансовые игры Элленджайтов выше жизни единственной сестры? Да ладно тебе? Быть этого не может. К тому же, думаю, если бы Альберт был в курсе авантюры, он и сам бы посоветовал ей быть с Кингом сговорчивей. Не парься. Говорю же, кроме скуки тебе ничего не угрожает.

– А я должна доверять твоему слову? – в голосе Мередит зазвучал сарказм.

– У тебя всё равно нет выхода.

Дорога запетляла. Машина тяжело, словно беременная черепаха, перебиралась с одного ухаба на другой, ревя мотором и скрипя колёсами.

«Свесть царевну в глушь лесную

С связать её живую,

И одну оставить там

На съедение волкам», – процитировала Меридит. – А если я от тебя сейчас убегу?

– Можешь попытаться. Но, во-первых, рискуешь заблудиться, а во-вторых, мне после такого придётся посадить тебя под замок. Сотрудничество облегчит сосуществование.

Повернув вслед за вильнувшей тропинкой, они остановились у срубленного здания. Невысокое и приземистое, оно за много лет словно успело врасти в землю.

– Наше временное пристанище, – представил Артур.

– Выглядит как готовая декорация к фильму ужасов, – хмыкнула Мередит. – Всё в наличии: почерневшие доски, чёрное мутное озеро, просевшая веранда и годами немые мутные окна. Даже проржавевшие качели есть.

– Ты помнишь это место?

Мередит подозрительно сощурилась:

– А должна?

– Мы были здесь вместе, когда были детьми. Отцы рыбачили, а ты пекла куличики из песка. Твоя мать тогда готовила для всех рыбный пирог. Получился он, кстати, ужасно.

Тонкая морщинка залегла между бровей Мередит, словно она прислушивалась к собственным ощущениям или воспоминаниям.

– Я этого не помню, – со вздохом покачала она головой.

– Ну и ладно. Не помнишь, так и не надо. Оно и к лучшему. Давай-ка лучше выбираться из машины. Впрочем, нет, подожди!..

– Чего ещё?

– Мобильник отдай.

– Нет! Это личное! – заупрямилась она. – И дорогое личное, между прочим.

– Мередит! Ты же не хочешь, чтобы я копался в твоих вещах? Или, думаешь, будет лучше, если вынудишь меня обыскать тебя?

Артур надеялся, что Мередит не воспользуется случаем, чтобы сблизившись, сократить дистанцию. С тем, что девушки его не привлекали в сексуальном плане, Артур смирился давно, но не старался этого демонстрировать. Каждый раз, отвергая женские авансы, он чувствовал себя паршиво, потому что понимал – девушек отказ ранит.

Но на счёт Мередит беспокоился он напрасно.

– Держи! – бросила она сотовый, насупившись. – Подавись!

Артур, ловко поймав мобильник, извлёк из него симку, затем вернул телефон.

– Извини. Верну, как только все это безобразие закончится.

Он уже почти дошёл до ступенек, когда до него дошло, что его пленница за ним не следует.

– Эй! – окликнул он. – Ты чего?

– Уверен, что здесь можно жить? – с сомнением протянула Мередит. –

Что всё не рассыплется в труху сразу, как только мы войдём внутрь, погребая нас под собой?

– Уверен. Снаружи, кстати, всё выглядит куда неприглядней, чем изнутри. Пошли.

Больше всего на свете Артуру хотелось просто лечь и закрыть глаза. Боль не отпускала не на минуту. За последний час стало только хуже – хуже настолько, что стало очевидно: приступа не избежать.

– Ты что, пьян? – возмущённо воскликнула Мередит, заметив, что Артура штормит.

– Ты что, издеваешься? – воскликнул он. – Или последние часы полностью выветрились у тебя из головы? Конечно же, я не пьян.

– Но тогда почему тебя качает как корабль в шторм? Может, всё-таки хлебнул лишнего?

– А может просто потому, что ты меня сбила?

Мередит на мгновение испуганно примолкла, но потом с самым что ни на есть бунтарским видом тряхнула головой, отчего волнистые кудряшки вокруг её шаловливого личика пришли в движение:

– Я тебя не сбивала. Ты сказал, что сам кинулся мне по колёса!

Артур с трудом подавил желание закатить глаза:

– Давай уже просто войдём в этот проклятый дом, а? – устало выдохнул он.

– Ладно. Но ты первый.

Перехватив взгляд Артура, Мередит пожала плечами и пояснила:

– Вдруг в погребе затаились зловещие мертвецы?

«Зловещий мертвец не в подвале, он стоит рядом с тобой», – так и вертелось у Артура на языке.

Но он промолчал. Хватит уже болтовни ни о чём.

– Тут как в холодильнике! – Мередит подула на озябшие ладошки. – Хотя нет! В моём холодильнике гораздо теплее, чем тут. Света нет? Я не вижу проводов электричества.

– Здесь генератор и тепловые радиаторы. Включим их и всё придёт в норму, – пообещал ей Артур.

Ему хотелось поскорее закончить с благоустройством нового жилища и запереться где-нибудь в уединении.

– Умеешь включать генераторы?

– Я?! – возмутилась Мередит на такое предположение. – Не имею представления, как они выглядят и где находятся.

– Отлично. Ладно, сам всё сделаю. А ты пока осмотришься. В доме несколько комнат. Эта – нечто вроде зала, коридора и одновременно

гостиной. Дверь справа ведёт в твою комната, а слева – санузел.

– Здорово! А то я уж начала верить, что все удобства ждут меня прямо на дворе: ванна – в озере; а туалет – под кустиком.

– Это тоже можно устроить при условии, что ты горячей воде предпочитаешь моржевание. Но рекомендую, всё же, на двор не выходить.

– А твоя комната где? – заволновалась Мередит. – Ты ведь не запрёшь меня тут на ночь одну?

Она выглядела испуганной.

– Моя комната напротив твоей – вон там.

– А-а, – с облегчением выдохнула она.

– В комнате найдёшь всё необходимой: вещи, предметы личной гигиены, полотенца.

– Вещи? – удивилась Мередит.

– Да. Они новые. Их купили специально для тебя, так что пользуйся и ни о чём не беспокойся.

– Как мило!

Дождавшись, пока девушка, войдя в комнату, прикрыла за собою дверь, Артур направился в подвал.

Наконец-то он один и можно хоть немного, расслабиться!

Согнувшись, он оперся на перила, уронив на скрещенные руки голову, позволив глухому стону сорваться с губ.

Когда же всё это кончится? Надоело!

Надоело терпеть, болеть, страдать. Он уже основательно успел позабыть, какая она – жизнь без боли? Какого это, когда дикий зверь изнутри не рвёт тебя на части ежеминутно, ежесекундно выгрызая клочок за клочком?

Ладно, хоть ползком, но нужно включить генератор, пока ещё он может худо-бедно двигаться. Здесь и без того глухие места, а без света вовсе жуть.

Собравшись с силами, медленно скользя рукой по шершавым деревянным перилам, Артур преодолел лестницу, ступенька за ступенькой. Вниз – не вверх, по любому ж легче.

Опустить рычаг вниз дело одной секунды.

Щелчок!

Послышался тихий ровный гул и дом ожил, словно просыпаясь. Под потолком вспыхнула лампочка, рассеивая мглу.

Артур присел на ступеньку, упираясь затылком в стену, а вытянутой ногой – в поручень лестницы.

Свет освещал только середину огромной комнаты, углы продолжали

утопать в темноте. Легко представить, как там кто-то прятался – кто-то, похожий на упомянутых Мередит зловещих мертвецов или разлагающихся зомби. Да и запах тут соответствующий: пыль, прогорклое машинное масло, какое-то сгнившие тряпьё.

Если существуют в мире злые духи, соседствующие с человеком, они непременно должны жить здесь.

Когда Артур был ребёнком, он ужасно боялся этого места. Сейчас самому смешно! Тогда же его страх ужасно веселил Ливиана, в связи с чем старший брат никогда не пропускал случая поиздеваться над младшим.

Сам-то Ливиан с детства был бесстрашным сукиным сыном, свято уверенным в собственной правоте, силе и исключительности. Всегда бесчувственный, как полено или камень, считающийся только со своими собственными желаниями. Лишённый воображения напрочь.

Ливиану был неведом страх перед ночью, тёмными углами, неизвестностью. Артур с детства одновременно восхищался им за это и мучительно ему завидовал, желая во всём на Ливиана походить и не находя для этого сил.

Они были слишком разными, как вода и огонь, небо и земля. И с годами пропасть между братьями лишь ширилась. Сегодня ни один из них уже не силится понять другого.

Сверху раздался звук шагов. Затем звук, свидетельствующий о падении какого-то предмета.

Артур поднял голову, со злостью подумав, что сейчас придётся подниматься и опять что-то улаживать.

Там, где присутствуют женщины, никогда не бывает покоя. Ну неужели так трудно сообразить самой, что дверь заперта, машина – заперта, и связи – нет? Ну, не сумасшедший же он, в самом деле, притащить её сюда, чтобы дать возможность легко удрать?

Интуиция Артура не подвела. Мередит действительно пыталась открыть замок, и была так увлечена этим действием, что не заметила, как он уже битых десять минут наблюдает за ней.

– Взломщик из тебя неважный, – поделился Артур результатом своих наблюдений.

Он сел на стул, забросил ноги на второй, вытягивая их и позволил векам, наконец, опуститься.

Если бы только можно было уснуть или потерять сознание? Прибегать к наркотикам, как к крайнему средству, ему пока не хотелось. Боль-то они заглушат, но заставят потерять контроль над разумом. А этого допустить нельзя.

Наверное, работающие на полную мощь тепловые радиаторы уже давали о себе знать? Артур почувствовал, как начали гореть скулы.

– С тобой всё в порядке?

Мерedit, отойдя от двери, с тревогой теперь разглядывала его самого.

– Из сочувствия спрашиваешь? Или из расчёта?

– Пока сама не решила.

Интересно, если она всё-таки сбежит, что с ним сделает Рэй? До чего доведёт его богатая фантазия? Чем Артура можно испугать? Близких нет, пытки сильнее боли, с которой он живёт ежечасно, не придумать. Судя по всему, всё движется к тому, что Рэй с ним обломается.

– Слушай, Артур, ты очень паршиво выглядишь. Я от природы сердобольная. Может, чем помочь смогу? – суетилась Мерedit.

– Ты крови боишься? – поинтересовался он.

– Твоей или своей? – уточнила Мерedit.

– Моей, – прозвучало на полном серьёзе.

Мерedit заколебалась:

– Ну, вообще-то я, как будущий хирург, к ней отношусь спокойно.

– Ты? – недоверчиво улыбнулся он. – Хирург?

– Не похожа?

– Нет. Всегда считал, что хирурги – циничные волевые люди, а ты...

– А я?

– На невызревший майский одуванчик похожа.

Мерedit рассмеялась. У неё был тихий, журчащий, лёгкий смех. Он не раздражал взвинченные нервы, скорее успокаивал.

Артуру не хотелось говорить о неприятном, но её следовало подготовить к тому, что ждало впереди.

– Послушай... у меня давняя хроническая болезнь с периодическими обострениями... и в такие минуты крови бывает много. Очень много.

– Я не из пугливых.

Мерedit скинула пальто, осторожно складывая его, чтобы оно не помялось, пристраивая на высокую спинку стула.

Перехватив взгляд Артура, она невольно передёрнула плечами:

– Здесь жарко.

– Скоро станет ещё жарче.

– Может тогда тебе помочь раздеться?

Она что? Поддразнивает его?

– Не стоит, – холодно отрезал Артур.

Улыбку сразу как ветром задуло.

– Прости. Я не подумала. Я не то имела в виду. Правда»

Артур почти сразу же пожалел о своей резкости. Он постарался смягчить своим слова объяснением:

– Не извиняйся. Не за что. Я просто не люблю, когда ко мне прикасаются... чужие люди.

Мередит подошла ближе, присаживаясь рядом на корточки и поглядела ему в лицо, внимательно и ласково, словно старшая сестра.

Это было забавно, потому что самому Артуру она виделась маленькой и нуждающейся в его помощи.

– Мы не чужие, – сказала она. – У нас общие детские воспоминания. Наши отцы были лучшими друзьями. И, скажу ещё... только это будет тайна, ладно?

– Не люблю тайны.

– Я всё равно скажу! Я хочу, чтобы мы с тобой были в хороших отношениях. Несмотря на всё, хочу, чтобы мы стали друзьями. Для меня это важно.

– Почему?

Щёки Мередит очень мило зарделись:

– Потому что мне нравится твой брат. Очень нравится. И мне кажется, я ему тоже не безразлична. Надеюсь, что когда-нибудь мы с ним будем встречаться, а ты будешь этому рад.

– Это – твоя тайна? Ох, Мередит! Да ничего глупее этой идее в твою голову прийти не могло?

Личико её словно угасло.

– Зачем ты так говоришь?

– «Зачем» да «почему»! Да потому! – Артур прикусил язык, осознав, что говорит уже даже не резко, а скорее – грубо.

– Ты не понимаешь, что собой представляет Ливиан. Если бы понимала, Мередит, бежала бы от него без оглядки.

Она выпрямилась, отступая:

– В детстве, помнится, ты был добрее.

– Не был.

– Я тебя разозлила? Чем, спрашивается?

– Уж точно не тем, что предпочла мне Ливиана! Так, на всякий случай, раз уж у нас пошёл обмен тайнами – девушки меня не интересуют. Я говорю всё это не из ревности.

Глаза Мередит распахнулись удивлённо, как у наивного ребёнка.

– Я и не думала, что ты ревнуешь. Я никогда не считала, что могу тебе понравиться. Ну, как-то иначе, чем просто друг. А ты правда гей?

Румяные губы сложились в усмешку, скорее весёлую, чем злую или

саркастичную.

– Ух ты! Надо же! Как экзотично. Ты первый гей, которого в жизни вижу не через экран, а вживую.

– Ну и как? Интересно?

– Почему ты опять злишься?

– Господи, Мередит... просто чудесно! – буркнул Артур, отводя взгляд.

Ему почему-то отчаянно хотелось взять свои слова обратно. И душу жгло, как кислотой, от её странных, совсем ему не нужных, признаний. И он хорош? Ну какого чёрта взял и брякнул?..

– Ты не думай, я ничего против геев не имею. Это даже хорошо, что ты такой.

Артуру захотелось её придушить.

– Ты так думаешь? – глянул он ей в глаза. – И что в этом хорошего?

– Ну, я не знаю... Теперь мы точно можем быть просто друзьями, и я могу не задумываться, о том, что ты можешь...

Она смутилась и отвела глаза, встав к нему в полуоборот, словно заинтересовавшись тем, что было за окном.

– Что я могу – что? Начать к тебе приставать? Начну тебя грязно домогаться? – голосом холодным, как вода в замерзающей реке, протянул Артур. – Знаешь? А я бы на твоём месте не был так в этом уверен.

– Как это понимать?

– Вдруг я решу резко перевоспитаться?

– Исправиться – это всегда хорошая затея, – усмехнулась она в ответ. –

Но сейчас давай всё останется, как есть?

Артур отвернулся, сжав кулаки.

Какого чёрта ему так явственно представляется, какие у Мередит прохладные ладони и гладкие, чуткие пальцы.

Прикосновения у них осторожные, нежные. От одной мысли об этих прикосновениях на лбу выступает горячая испарина.

– Пожалуй, ты всё-таки права насчёт пальто. Его лучше будет снять. Поможешь?

Под его взглядом Мередит испуганно сжалась и попятилась:

– А сам что, маленький? Не справишься? – оцетинилась она своими маленькими колючками

– Маленький – не маленький... да не бойся ты. Не трону я тебя. Про девушек я сказал тебе правду.

Она действительно была осторожна. И действительно прикасалась к нему так бережно, словно он был из стекла.

– Я кажусь тебе странным? – вдруг спросил он, глядя ей в глаза.

– Немного, – не стала отпираться она. – Мы оба не слишком сильно изменились с тех пор, как перестали быть детьми, да?

– Только не ты, – лёгкая улыбка заиграла на губах у Артура. – Ты точно изменилась. Если честно, я удивился, когда увидел тебя и едва узнал. Я ж представлял тебя жизнерадостной пышкой.

Мередит покачала головой:

– Наверное, так бы и было, останься родители живы. Но всё сложилось иначе. Эй, ты чего? – испуганно отшатнулась она, когда Артур вдруг резко поднял руку к губам, прижимая к ним пальцы, в мгновение окрасившиеся кровью.

– Помоги мне... дойти до комнаты.

Деревянным, словно бы и не ему принадлежащим голосом, проговорил Артур.

– Дойти? Ты уверен?

– Нет. Возможно будет лучше, если ты сама выйдешь отсюда?

– Я не уйду. Я тебя одного не оставлю.

– И тебе придётся на всё это смотреть? – пожал плечами Артур. – Учти, дальше будет только хуже.

– Тем больше оснований не бросать тебя одного. Так ты хотя бы будешь уверен, что я не сбежала, а я стану знать, что ты ещё жив.

Артур закрыл глаза, понимая, что в чём-то она права.

– Крови будет много, – повторил Артур.

– Почему?

Вот глупее вопрос в данной ситуации можно придумать?

– Никогда не вдавался в подробности и не интересовался причинами. Просто по опыту знаю: много – и всё.

На сей раз волна боли, поднявшаяся из глубины тела, напоминала вскипевшую, готовую, наконец, вылиться из недр вулкана, лаву.

Артур не сдержался. Глухой стон сорвался с его губ. Чудовище, вечно голодное, вечно беспощадное, продолжало пожирать его изнутри.

– Уходи, – проговорил он слабым, бесцветным голосом, сам понимая, что она его не послушается и никуда не уйдёт.

– Я не понимаю, что происходит? Чем помочь?

Конечно, она не понимала. Но некоторые вещи и не требуют понимания.

– Ты ничем мне не поможешь.

Артур, чувствуя приближения приступа, спустился из кресла на пол.

Было ощущение, что в висках, ключицах, груди, животе – во всём теле одновременно вскрылись все раны и мучительным, вязким потоком по

венам и артериям струилась не кровь, а огонь, всё убыстряя своё течение и становясь горячей с каждым кругом.

Мучительные полустоны-полувсхлипы, срывающиеся время от времени с его губ, могли заставить потеряться не только хрупкую девушку, но и кого покрепче. Даже в том полубредовом состоянии, в котором он сейчас находился, он не мог заставить себя отрешиться от широко распахнутых, испуганных глаз.

Чтобы не упасть, иногда лучше предусмотрительно лечь. В сердце, желудке и животе крутились, сходя с ума острые стрелы-лезвия, заставляя мелкую дрожь сотрясать всё его тело.

Боль давала странный эффект. От неё кружилась голова и всё вокруг казалось совершенно незначительным и странным.

Обычно мягкие, смеющиеся, словно подсвеченные изнутри глаза Мередит сейчас выглядели чёрными, словно разом лишились привычного блеска.

Можно было только догадываться, насколько страшной этой девочке показалась последующая пара часов?

Иногда, когда выдержка изменяла Артуру, с его губ всё-таки срывался хриплый вскрик, а по губам кровь сначала сочилась, потом текла. И всё закончилось тем, что она хлынула щедрым потоком, заливая пол, пальто, руки.

Собственное тело сделалось чужим. Артуру всё время казалось ещё вот-вот, ещё чуть-чуть, и ослепительная мука, заставляющая его корчиться на полу, выламывающая рёбра, вырывающая сердце из груди, наконец, лишит его сознание.

Но, как обычно во время приступов, боль мешала ускользнуть в бархатную анестезию небытия.

Казалось ещё капельку и лезвия-стрелки внутри него что-то безвозвратно отрежут, отсекут и душа, освободившись, упорхнёт прочь, ликуя.

Время тянулось как патока, как резина.

Время тянулось бесконечно долго.

И когда Артуру начало казаться, что в его теле больше не осталось ни крови, ни нервов, способных ещё что-то чувствовать, не сгоревших, как пробки в электроците, от перенапряжения, боль опала, словно языки пламени на прогоревшей древесине или угасающих углях.

Сил больше не осталось.

Артур лежал на полу, в луже собственной крови, как поваленное дерево, боясь пошевелиться.

Почувствовав движение ряжом он с трудом разлепил веки и увидел, что Мередит по-прежнему сидит рядом.

Так и не ушла.

Уже стемнело. Было темно и тихо.

– Артур? – шёпотом позвала она его.

Он ощутил прикосновение её горячих пальчиков к своей, словно покрывшейся инеем от внутреннего озноба, ладони. – Ты... ты жив?

– Жив, – ответил он бесцветным шёпотом. – Не бойся. Всё уже закончилось.

А сам в глубине души с удивлением понял, что больше не хочет, чтобы она уходила. Словно пережитый вместе приступ сблизил их как совместно выигранное сражение.

Это было глупо. Ничего они не выигрывали.

– А ты стойкий оловянный солдатик, – слова давались Артуру тяжело.

Он говорил медленно, через паузу.

– Тебя ни разу не стошнило от всего этого милого зрелища?

Он видел, как в темноте смутным пятном белели её руки и лицо.

– Мне так жаль... – выдохнула она.

– Жаль?

– Жаль, что ничем не могу помочь.

Он почувствовал, как её маленькая ладонь сжимается на его пальцах.

– Оставь... – выдохнул он и удивлённо смолк, когда вдруг понял, что она прижимается к его руке мокрой от слёз щекой.

– Оставить?

– Не надо плакать. Оставь меня. Иди спать.

Она не ответила, но молчание заполнилось горькой обидой и удивлением.

– Пойдём, помогу тебе добраться до кровати, – всхлипнула она.

– Лучше уж тогда помоги добраться до ванной, – вздохнул он. – Бодрящий душ нам обоим не помешает.

Глава 10. Линда

Линда никогда не была сильна в ведении домашнего хозяйства. Всё связанное с домоводством вызывало в её душе отторжение и глубокий протест.

Нет, она бесконечно уважала всех женщин, что умели творить волшебство на кухне, являя чудеса кулинарного искусства; тех, кто удачно химичил в прачечной, комбинируя чудо-порошки таким образом, чтобы

любое пятно сходило в считанные секунды, оставляя ткань блистать первозданными красками; убрать квартиру так, чтобы даже побелка с потолка отблёскивала алмазной крошкой.

Она их уважала, но – сама так не могла.

Вот оформить любой контракт, выгодно просчитать все ходы и выходы, предугадать риски, получить сверхприбыли – это пожалуйста. Здесь в ней просыпались и страсть, и азарт, и ночь можно было не спать, и почти не есть, на одном вдохновении обрабатывая очередной проект.

Но кастрюля, но суп? Но картошка и омлет? Нет!

Проще заработать на домработницу, чем стать ею.

В той социальной прослойке, из которой вышла Линда, двадцать семь – возраст старой девы. Это показатель, что ты не смог взять нужную планку. Если до сих пор маломальский заваливающий мужчинка не поселился в твоей квартире, не посещает твоей спальни – значит, всё с тобой очень и очень плохо.

Нужен кто-то и уже неважно – кто. Даже если в кровати он способен только храпеть, даже если радости от него никакой – неважно! Главное, чтобы было.

Вернее – был.

Такова вековая традиция: у женщины должен быть мужчина.

Линда отдавала себе отчёт, что, если она хочет быть уважаемой и успешной, нужно замуж. Нужно.

Мы же живём в обществе? А в любом обществе есть свои налоги и устои, отравляющие жизнь.

Обязательное наличие мужа у успешной женщины – это оно и есть.

Но стоит стать замужней – всё! Жизнь кончена! Твоя жизнь. Ты продолжаешь её дальше, но уже не полноценной личностью, а в качестве мужского придатка.

Отдашь мужчине всё: тело, время, способности, желания, карьеру, деньги, нервы, здоровье. В обмен получишь право на стирку его немытых носок и тарелок и, как вишенку на торте, бесконечную мужскую неверность. И попробуй только заикнуться что чем-то недоволен!

Или ты не женщина? А женщина должна терпеть. Мужчину. Во имя традиций.

Линда была в самом отвратительном расположении духа. Она только что порвала с Калхауном по той простой и нелепой причине, что парень осмелился сделать ей предложение. В самом факте, что он решился сделать это, не было ничего странного. Их отношения можно было квалифицировать как серьёзные, Линда никак не походила на женщину,

которую устроят лёгкие интрижки.

Вот он и решил...

Линду интрижки и не устраивали. Она находила в них удовольствия не больше, чем в мыслях о замужестве. Брезгливая, педантичная, скрупулёзная, она в «просто сексе» ничего не понимала. Но «выходи за меня замуж» звучало для Линды как контрольный выстрел в голову. После этого все чувства, что теплились в её груди в отношении Калхауна, резко скончались.

Нужно отдать должное – они изначально были несколько искусственные и натянутые. Линда решила, что они оба молодые, умные, привлекательные люди составят отличную пару. И они ею были. Целых полгода. До этих чёртовых: «Ты не думаешь? Может быть нам пора пожениться?».

Ага! Стоит сказать «да», как Калхаун переедет из своей съёмной квартиры в её дом, свою зарплату она вынуждена будет делить с ним поровну. А ещё готовить ему завтраки-ужину, стирать носки, слушать дурацкие анекдоты, от которых ну ни фига не смешно. И заниматься сексом в три раза чаще, чем теперь, потому что для этого уже не придётся выкраивать время, и из удовольствия секс превратится в «супружескую обязанность».

Что может быть хуже замужества? Даже в тюрьме срок имеет границы, но замужество, по идее, может стать бессрочным и пожизненным.

Нет!

Она ответила: «нет!».

А он устроил скандал, обвинив Линду в том, что она набивает себе цену и кокетничает.

Почему мужчина не хочет понять, что женское «нет» это просто – нет? Иногда даже не столько конкретно ему, сколько определённому образу жизни?

Мужчины так часто рыдают, что женщины их используют. Но те женщины, которые могут жить, не используя мужчин, чаще всего предпочитают завести в дом кота или собаку. Последних на коротком поводке удержать гораздо легче.

Калхаун был в ярости. Он сбросил все свои маски.

Послевкусием их, в начале, таких многообещающих отношений осталось горькое разочарование и скука.

Калхаун стал прочитанной книгой, оформленным документом, вчерашним днём, но он отказывался это понимать. Он стал ещё одной проблемой, которую пришлось решать.

«Больше никаких служебных романов. Никогда», – пообещала Линда себе, наконец припарковавшись и вытащив ключ из замка зажигания.

С трудом выволовив из багажника дюжину бумажных пакетов с продуктами, опасно балансируя на тонких каблуках по обледеневшим белым ступеням, ведущим на веранду, Линда вошла в дом, звеня ключами.

Ей показалось, что дом в ответ на её возвращение, вздохнул. В нём ощущалось присутствие чего-то живого.

– Мередит? Ты уже вернулась? Ты дома?

День выдался пасмурным. Комнаты, расположенные с теневой стороны, утопали в сумерках.

– Почему ты сидишь в темноте? Включила бы свет...

– Наверное потому, что я не Мередит.

При звуке этого голоса у Линды в буквальном смысле этого слова отнялся язык, опустились руки, приросли к полу ноги.

Пакеты упали на пол и яблоки раскатились, подмигивая пузатым ярким бочком.

Щёлкнула кнопка пульта. Люстра сверху озарила всё вокруг мягким голубоватым свечением.

– Ты?! – прошипела Линда, интуитивно подаваясь назад.

Будь они в мелодраме, их встречу режиссёр наверняка обыграл бы ярче и красочнее, с криками, кулаками, пощёчинами. Но в реальности у Линды не было желания раздавать пощёчины или кричать. Могла бы – убила эту мразь молча и сделала бы это не задумываясь.

– Добрый вечер, мисс Филт. Какая досада, что мой визит столь неприятно вас поразил.

За одну эту ухмылку Рэя Кинга следовало бы придушить. Медленно. Неспеша.

– Глупо было ожидать от вас другой реакции. Я, признаться, и не ожидал.

– Что вы делаете в моём доме? – отчеканила Линда ледяным голосом, острым, как её шпильки.

– Дожидаюсь вашего прихода в надежде побеседовать.

– Вы знаете, что ваши действия квалифицируются как проникновение со взломом?

Рэй засмеялся:

– Не надо этих юридических штучек, мисс Филт. Я плевать хотел на все эти витиеватые постулаты.

– Вы...

Улыбка исчезла с тонкого ненавистного лица, как из голоса испарились

последние обманчивые нотки мягкости. Он звучал повелительно:

– Сядьте, мисс Филт. Колбасу и яблоки подберёте позже.

– Я не намерена подчиняться вашим капризам. Я собиралась приготовить ужин к приходу сестры...

– Ужин вашей сестре сегодня не понадобится, – со спокойной уверенностью возразил Кинг. – По-крайней, займётся она им явно не здесь.

– Что?.. – похолодевшими губами переспросила Линда.

– Вам дурно, сударыня? Так и предполагал, что новость вас расстроит. Поэтому и пытался убедить вас присесть...

– Подонок! Что ты сделал с моей сестрой?! – прорычала Линда, сжимая кулаки.

Она понимала, что находится на грани эмоционального срыва.

Видела, что Рэй Кинг тоже прекрасно отдаёт себе в этом отчёт и явно наслаждается происходящем.

Чёртов садист! Проклятый маньяк!

– Пока? Совершенно ничего. На самом деле я же не мясник какой-нибудь необразованный, чтобы резать симпатичных девчонок, словно куриц? Нет! Если меня не вынуждать к жестоким действиям, я – милейшее существо. Клянусь вам, леди.

– Прекратите паясничать, – простонала Линда, опускаясь в кресло.

Заметив, как взгляд Кинга скользнул по её обнаженной коленке, она с трудом удержалась, чтобы не сорвать с дивана плед и не завернуться в него, как гусеница в кокон. А ещё бы лучше, как в паранджу – с головой. И можно даже глаза закрыть.

– Просто скажите, чего вы от меня хотите и покончим с этим.

– Вы, как я погляжу, очень конкретная девушка? Вот так всегда всё строго по существу, как по линейке? Вам так не скучно жить?

– Мне прекрасно. Позволяет не тратить времени даром.

– Время – деньги, – продекламировал Кинг с усмешкой, потянувшись за сигаретой.

– Если вы вздумаете использовать в качестве пепельницы мой цветок, я надену горшок вам на голову, – предупредила Линда.

– Вы действительно потратите себя на столь не конкретный, бессмысленный, а главное, пустой поступок? Сомневаюсь.

– Только попробуйте нагадить в мой цветок, и я разнесу ваши сомнения к чёртям собачим.

Кинг усмехнулся, покосившись на кактус:

– Показательный выбор. Очень вам подходит. Но если вы настаиваете?..

Он стряхнул пепел прямо на стол перед собой. Свинья! Чтоб ему живьём сгореть.

– Что вы сделали с Мередит? – повторила Линда.

– Да, флиртовать с вами сложно. Вы напрочь лишены женственности.

– Совершенно, – не стала спорить с ним Линда.

Усмешка Кинга сделалась ещё шире, ещё наглее, хотя и казалось, что дальше-то уж некуда.

– Ничего страшного. Совращать мужчин мы приходилось не реже.

– Мне плевать на вашу личную жизнь! Меня интересует моя сестра.

– Я велел Артуру похитить её. Знаете Артура? Нет? Ну, ничего страшного. Уверен в будущем у вас будет возможность познакомиться. Признаться, я колебался с выбором. Кому доверить столь нежный цветок, чтобы его лепестки остались в первозданной свежести? С Ливианом вы имели честь познакомиться и что-то мне подсказало, доверь я нашу славную малышку Мередит моего старшему мальчику, вы бы не одобрили мой выбор.

Линда чувствовала, как от злости и отвратительных, кошмарных воспоминаний взмокли ладони, но она смолчала, прекрасно понимая, что её провоцируют.

Синие глаза Рэя Кинга, словно у волка в засаде, безотрывно следили за меняющимся выражением на её лице, подмечая малейшие изменения в нём.

– Можно было поручить это дело Энджелу, но Энджел тот ещё плэйбой: клеит всё, что движется. Иногда жёстче, чем требуется. А вот Артур? Артур совершенно девушками не интересуется. Так что с ним чести вашей сестры ничто не будет угрожать. Он просто присмотрит за ней.

– К чему вы всё это мне говорите?

– К тому, что, если ты будешь хорошей, благоразумной, сговорчивой девочкой, никто из твоей семьи больше не пострадает. Это я могу тебе гарантировать. И, напротив, если не договоримся... – Рэй многозначительно умолк.

– Ты, сукин сын! – прорычала Линда, вцепившись руками в подлокотники кресла. – Тебе мало убить моих родителей и растоптать меня. Ты ещё и до моей младшей сестры докопался!

– Я докапываюсь не до Мередит, и не до тебя. Вы обе лишь средство. Станешь меня слушаться – всё будет хорошо. Если заупрямишься...

Кинг затушил окурок и закончил с улыбкой:

– Твоей сестричке придётся сойтись поближе с кем-то из моих людей. А она такая нежная, хрупкая, милая. Мы ведь не можем такого допустить,

да?

Несколько секунд стояла мертвящая, тяжёлая тишина. Потом Линда сломалась:

– Что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Вот это разговор! Вот это – правильное решение, – с довольной улыбкой откинулся в кресле Кинг, скрещивая перед собой длинные ноги. – Поговорим о деле.

Линда с такой силой сжала кулаки, что ногти впились в кожу ладоней, слушая его медовый, медлительный, глубокий голос.

– В компании Альберта Элленджайта ты станешь моими глазами и ушами. Я должен быть в курсе всего, что происходит. Какие операции проводятся. С какими людьми встречается. Меня интересуют даже его случайные женщины, впрочем, как и мужчины – абсолютно любая информация.

– Зачем?

– Что – зачем?..

– Зачем вас знать, с кем он спит?

– Ты не поверишь, насколько полезной иногда может быть подобного рода информация, – невозмутимо пожал плечами Кинг. – Так, на случай, если у тебя вдруг начнутся приступы совести: я не собираюсь сживать красавчика Альберта Элленджайта со свету. Совсем нет! Он мне даже нравится. Да и как такая прелесть может оставить кого-то равнодушным? Это всего лишь страховка, пойми. Я должен как-то выживать, а для этого нужно устранять угрозу.

Линда уставилась на него в упор и, если бы взгляды убивали, Кинг бы точно упал замертво:

– Мой отец не был для вас угрозой. Он считал себя вашим другом. И всё же вы, не колеблясь, его устранили тоже.

На мгновение Линде показалось, что чеканные черты Рэя Кинга словно затуманились, но то ли ей померещилось, то ли он подхватил соскользнувшую, было, маску, так быстро, что наметившаяся трещина в броне словно пригрезилась ей.

– Это не правда. В случае с Тедом я колебался. Ещё как. Колебался чуть ли не единственный раз в жизни.

– Вы отличный игрок, Рэй Кинг, – с отвращением произнесла Линда. – Из тех, кто всегда выигрывает. Но чтобы вы о себе не думали, вы всего лишь человек. Рано или поздно возмездие настигнет и вас тоже.

– Ты ошибаешься...

– Не ошибаюсь! Все платят по счетам и отвечают за грехи. И вы

ответите! Не сомневайтесь в этом! Никто не может безнаказанно причинять зло, сеять хаос и боль.

– Ох, Линда, Линда! – с показным сочувствием покачал головой Рэй. – Маленькая воинственная амазонка! Что заставляет тебя думать, что я уже не плачу? Каждый час, каждую минуту своей жизни? Что ты вообще можешь знать о боли?

– Благодаря вам более, чем достаточно, – отрезала она. – Расскажите, какого это убивать того, кто тебя любит? Того, кто тебе верит?

Рэй в задумчивости смотрел на молодую женщину, поглаживая указательным пальцем раздвоенный подбородок с ямочкой.

– Твой отец был действительно хорошим человеком. Настолько, насколько это возможно для таких, как мы – для людей дна. Мы выросли вместе, и я верил ему, как никому другому.

Линде ужасно хотелось вцепиться в это холёное, не по-человечески красивое лицо. Смять его, словно бумагу! Стереть. Искрошить в порошок!

Вместе с тем она жадно ловила каждое слово.

– Но однажды?.. – с сарказмом протянула она.

– Никаких однажды. Всё было не так. Я вовсе не собираюсь рассказывать тебе о нашем противостоянии, потому что его никогда не было. Хотя нет, вру! Всё-таки было.

Кинг нервно передёрнул плечами:

– Ладно, пусть будет «однажды» – однажды твой отец встретил твою мать, глупую дуру-корейку. Со времени нашего знакомства с этой дамой всё никак не могу понять, что белый человек может найти в цветной?

– Вы ещё и расист, – с отвращением процедила Линда,

– Ну да! У меня много недостатков, – хмыкнул он. – Признаюсь, не люблю цветных, хрупких, нежных дамочек, что так по душе многим мужчинам. Насквозь лжива вся эта нежность, беспомощность и хрупкость. Твоя мать с первого дня знакомства напоминала мне маленьких песчаных змеек. С виду куда нежнее? На деле ядовитей нет. Да твой отец был бы жив и поныне, если бы не эта сука – твоя мать.

В мыслях Линды творился совершеннейший хаос. Рэй Кинг не делал тайны из своих пристрастий к мальчикам. Да о чём вообще говорить? Он не таясь лапал родного сына! Не потому ли он убил её отца, что приревновал его к матери.

Но значило ли это?.. Нет, не может быть! Только не её мужественный, сильный, честный отец!

– Мой отец и вы?..

– Мы никогда не были любовниками, – снял Кинг груз с души Линды

одной фразой. – Только друзьями. И я любил его, по-настоящему ценил и уважал.

– У вас поворачивается язык говорить такое после того, что вы сделали с ним? Со всей нашей семьёй?

– Я говорю это потому, что это правда. Я любил твоего отца и ненавидел твою мать. Любовь к ней сделала его слабым. Из-за неё мне пришлось его... – Кинг сделал паузу, после которой голос его зазвучал тише и словно бы монотонней. – ...устранить. А ведь я предупреждал эту курицу держаться от Элленджайтов подальше! Говорил, что это игра со смертью. Но она как помешалась – ничего не хотела слушать. Забросила собственных детей и носилась с этой тайной, как с писаной торбой. Интересно, что она хотела обрести? Какую Шамбалу? Твоя мать хотела чудес? Но на земле их являет лишь сатана.

– Всё это слова! Лишь слова!

– Если бы это были просто слова, – поиграл бровями Кинг. – Не знаю, зачем я скажу то, что скажу? Может быть для успокоения того, что некогда было совестью? Не то, чтобы выбора у меня тогда не было – он был. Но стоял весьма сурово. Твой отец – или моя сестра и наши с нею дети. Я выбрал семью, принеся в жертву друга. Мне правда жаль, что так случилось. Если бы твой отец не был тряпкой и вовремя поставил в определённые рамки твою мать, всё могло быть иначе.

– Не смейте!!! Не смейте так говорить о них!

– Ладно, не стану оскорблять дочерние чувства. Кстати (или не кстати?) тебя ведь наверняка интересует вопрос, почему, хотя бы из уважения к памяти моего друга, я не был с тобою мягок, а повёл себя как последний жестокий подонок? Ну, во-первых, я такой и есть. А во-вторых, Линда Филт, ты не похожа на своего отца. Вернее, ты состоишь из странной комбинации черт обоих родителей, но они сошлись в тебе не лучшим образом: храбрость и прямота Теда в сочетании с тупым, ослиным упрямством Лин. Прояви ты чуть больше гибкости, чуть больше мягкости...

– Пошёл вон!

Линда произнесла это до того, как осознала, что делает.

Лицо Кинга окаменело – просто маска Сфинкса. Но под холодной маской просвечивала пугающая, всепожирающая ярость голодного зверя, готового в любой момент с наслаждением растерзать жертву.

Это не пугало. И ни фигу не возбуждало.

Линда просто хотела, чтобы Кинг убрался из её дома, чтобы не видеть его демонически-красивого и при этом, до тошноты омерзительного, лица!

Не слышать его голоса!

– Я сделаю то, что ты хочешь, раз иного выбора ты мне не оставляешь. Я буду на тебя работать, буду шпионить, как последняя крыса, раз жизнь моей сестры напрямую зависит от этого. Но, сделай милость, избавь меня от созерцания того, как ты тут сидишь и пыжишься, пытаешься изобразить из себя козырного туза! Мы оба знаем, что это не так.

Рэй Кинг поднялся и не спеша подошёл к ней, зависая, подобно тёмной башне.

– Изобразить из себя козырного туза? А кто же я, по-твоему, если не он?

Линда и не подумала опускать перед ним ресницы, прямо глядя в красивые ненавистные глаза.

– Ты и без меня прекрасно знаешь – кто! Потому и пыжишься. Ты всего лишь шестёрка, Рэй Кинг, марионетка Фабиана.

Линда выплеснула фразу чуть ли не в одно слово, на одном дыхании

Кинг на несколько секунд застыл в неподвижности, будто изображал из себя статую Командора. Глаза его оставались невероятно-синими и ясными, на губах играла лёгкая улыбка.

– Как неразумно с твоей стороны вспоминать старые имена, о которых тебе знать не полагается.

Он обошёл кресло, в котором сидела Линда, встав за ним, облокотившись на спинку.

– Скажите честно, мисс Филт, бросая мне в лицо эту фразу, что вы чувствуете? Что творится в вашей, с виду умненькой, для взгляда, вполне приятной, головке? Не так уж трудно уловить ход ваших мыслей. Как любят писать многие современные авторши, характеризую своих главных героинь: «Она была прекрасной, дерзкой и независимой»? Ну, так что, бросая мне в лицо оскорбления, вы видите себя такой – прекрасной, дерзкой и независимой? У меня для вас новость, милейшая. Со стороны вы не смотрите прекрасной – вы смотрите глупой.

Его голос утратил насмешливую мягкость, зазвучал с монотонностью автомата:

– Мы с вами не в романе. Я не прекрасный рыцарь, что станет благородно терпеть, пока дама загоняет ему под ногти шпильки своего остроумия. Или того, что кажется ей таковым.

Пальцы Кинга сжались на волосах Линды. Зажав её волосы в горсти, он рывком заставил её запрокинуть голову.

От боли у молодой женщины слёзы навернулись на глаза.

– Я могу, не напрягаясь, сломать тебе шею, – прошепел Рэй. – Могу

разбить в мелкое крошево из костей хорошенькое личико, затем вправить лицевые кости на место, зарастить без следа с тем, чтобы ещё раз повторить экзекуцию.

Кинг склонился так низко, что его ненавистное для Линды лицо оказалось совсем рядом. Она чувствовала его дыхание. Самодовольная улыбка скривила надменные, чётко очерченные губы:

– А могу вместо боли доставить тебе наслаждение, которое, в итоге, будет не чуть не меньшим насилием.

Он потянул её за волосы, принуждая встать иначе просто вырвал бы их с корнем.

Когда вторая его рука сжалась на горле Линды, впечатывая её в стену так, что боль в затылке расцвела острым цветком, она замерла, боясь пошевелиться – каждое движение сокращало дистанцию между ними.

Они стояли в той же позе, какую так часто любят показывать в любовных мелодрамах. Она, распластанная по стене, он мужественно над ней нависающих, агрессивный и сексуальный. Правда в коктейле чувств, испытываемых Линдой, было, казалось, всё, кроме сексуального возбуждения.

– Подумай, мы ведь могли бы уже закончить наш славный разговор, милая моя рыбка, если бы тебе не пришла охота плевать ядом.

– Я вас ненавижу! – прохрипела Линда с чувством.

– Вот и ненавидела бы молча во избежание конфликтов. Или в прошлый раз я недостаточно хорошо объяснил, что со мною лучше вести себя уважительно? Не проявляя характер?

– Пошёл ты!

Он ударил её наотмашь, вскользь, тыльной стороной ладони, при этом заботливо поддерживая, так чтобы ненароком на пол не упала.

Видимо, не хотел наклоняться и поднимать?

Щека загорелась, будто по ней кипятком плеснули.

– Ты явно не понимаешь доброго обхождения, киска. Ты не исключение из правил – скорее его подтверждение. Большинство женщин его не понимают, что роднит их с собаками. И тех, и других к месту приучать нужно как можно раньше. И с теми, и с другими кнут лучше пряника.

Кинг прижался к ней всем телом, так, что Линда почувствовала его эрегированный член, упёршийся ей в бедро.

– Я поняла вашу мысль, – хриплым голосом проговорила она. – Можете не развивать её дальше.

– А что ты предлагаешь мне сделать? – рассмеялся Кинг, опуская руку

ей на ягодицу и грубо прижимаясь к ней всем пахом.

Линду мутило от отвращения.

Она не была подвержена стокгольмскому синдрому, насильник не вызывал в ней иных эмоций, кроме желания пришлѣпнуть его, словно муху. Жаль, что желание неосуществимо. В этом противостоянии у неё ни шанса на победу.

Какая фатальная несправедливость, что у этого демона красивые глаза.

Нет, они Линду нисколько не пленяли, не затягивали ни в какой омут, не будили в её груди фонтан противоречивых чувств. Глядя в них, она ни в чём не растворялась, не забывала о своей жгучей, как кислота, ненависти.

Просто это было правдой: у Рэя Кинга были красивые глаза. И красивое лицо. И отличная фигура. И он был отъявленной, первостатейной, опасной мразью. Двуногий хищник.

– Отпустите меня, – потребовала Линда.

– Отпустить? С чего бы?..

– Ваши чувства, мягко говоря, не взаимны.

– Мой сын пришѣлся тебе больше по вкусу?

Чѣртовы рефлексы! И – чѣртов темперамент!

Прежде, чем Линда осознала, что делает, (и во что ей это может вылиться) она отвесила Рэй пощёчину. Да так, что руку обожгло.

То, что произошло тогда в том проклятом бункере, то унижение, стыд, страх, боль – они никуда не ушли из её души. Но хуже всего было то, что...

Линда даже наедине с собой не хотела признавать того факта, что в подобных обстоятельствах она могла испытывать удовольствие. Она вытесняла это из памяти. Да она скорее добровольно прыгнула бы в кипяток, чем согласилась ещё раз увидеться с Ливианом Брэдли.

В её понимании полный кошмар выглядел именно таким, каким Рэй Кинг оставил в её памяти тот проклятый незабвенный вечер. И чѣртов ублюдок знал об этом, будь он неладен.

– Чудовище! – она всё-таки сорвалась на крик.

Линда не была близка к истерике – истерика с ней уже случилась.

– Чего ещё ты хочешь от меня!? Ты отнял у меня всё! Всё!!! Отца, мать, сестру! Заставляешь меня предать единственного друга и выгодного работодателя, которому я, как профессионал высокого уровня, должна служить верно и честно. Ты осквернил мою душу, испоганил тело! Ты лишаешь меня покоя из-за страха за жизнь сестры! Но тебе мало и этого, да?! Кайфуешь от своей силы? Оттого, с каким расчѣтливym коварством каждый кирпичик моей жизни обращаешь в прах! Зачем?! Зачем тебе это? С какой целью ты выворачиваешь струны в моей душе, играя на нервах?

Чего ради безжалостно бьёшь по всем больным точкам? Чего ты от меня хочешь?!

По каменному лицу её мучителя прочесть было ничего нельзя, лишь в глазах ходили какие-то тени. Глубоко-глубоко. Их видно, но что они означают – не понять.

Он одёрнул пиджак, стряхнув с него невидимые пылинки.

– Хочу полезной информации. И очень надеюсь, что дождусь

– Сволочь! – простонала Линда.

Рэй засмеялся и легкой, чуть ли не пританцовывающей походкой направился к двери.

– Всего доброго, маленькая адвокатесса. До встречи. Не скучай.

Когда дверь за ним тихо притворилась Линда съехала по стенке, сжимая виски руками.

Она была полностью опустошена, как будто её только что насухо выпил вампир.

Ужасно хотелось плакать. Только вот из сухих глаз не удалось выжать ни слезинки.

Глава 11. Сандра

Красота бывает разной. У неё тысячи оттенков выразительности. Прекрасен цветок и самоцветный камень; прекрасна берёзовая роща и надвигающийся грозовой фронт; прекрасен восход солнца и закат дня, вскипающая лава в жерле вулкана и мягко кружащийся золотой лист. Красота – это то, что придаёт нашей жизни краски, интерес и азарт. То, без чего жизнь теряет всякий смысл.

Кристалл-Холл красив и потому исполнен для меня особенного, тайного смысла. Он хорошо во всех отношениях. Я бы не хотела прислушиваться к тайному голосу, который, увы, не ошибается никогда, но этот голос упрямо твердил, что под этой красотой таится жирный-жирный червь; что он рано или поздно даст о себе знать.

За всё придётся платить. За любовь, дружбу, мимолётную улыбку, каплю дождя, стекающую по стеклу, ощущения мягкого меха под щекой. Мы живём в кредит до тридцати лет – так говорит отец, а потом платим. За всё, чем успели насладиться.

На отца иногда находило такое настроение: пофилософствовать, поговорить о смысле жизни. Он считал, что жизнь бессмысленна, и что на самом деле после смерти ада не будет. Что Земля и наша жизнь – это Ад им есть. И что нет никакого бога, потому что какой Творец обречёт своё создание на смерть?

Что может быть хуже, чем существование с мыслью, что в любой момент ты можешь потерять всё? Что мир сотрётся с твоих глаз и ничего не останется – даже сознания? В любой момент ты можешь потерять того, кого любишь, и ты не в силах это предотвратить?

Мой отец бессовестная, но умная мразь. Я с ним согласна на все сто: если существует во Вселенной ад, то мы живём в нём.

Не потому ли младенцы так истошно орут, появляясь в грязи, крови и боли? Их души помнят и знают правду: земля – это ад; место, куда все мы пришли искупать свои грехи. А если не искупим, то снова вернёмся и снова будем жить, гоняясь за мишурой, как кошка за хвостом – со всех сил и без всякого прока.

Единственное, что в мире имеет цену, единственное, что мы сможем унести отсюда – это наши чувства к другим людям, наши мысли и воспоминания. Но, по непонятной иронии, мы всю жизнь делаем всё возможное, чтобы как можно меньше привязываться, как можно меньше думать и так мало помнить.

Мы не сможем принести Богу ни доллара, ни яхт, ни машин, ни замков. Наши руки будут пустыми, если, конечно, у нас вообще останутся руки. Встав в Судный день на Весы Добра и Зла, мы назовём лишь имена тех, кого любили и имена тех, кто любил нас.

Бог есть любовь. Только любовь по-настоящему и имеет значение во всей этой бессмыслице.

Но любимых мы предаём первыми. Нам, зачастую, так и не удаётся постичь ничего, кроме еды да хлама. Мы называем реальностью существование, состоящее из длинной потребительской цепочки да глупой, пустой, как скорлупа, лишившаяся ореха, похоти.

Верю ли я во весь этот бред, который надумала, сидя на скамейке у грустного ангела, молитвенно сложившего руки под приторно-скорбным и в тоже время совершенно лишённым одухотворённости, каменным лицом?

Нет.

Как не верю я и в загробную жизнь. Хочу верить, что после смерти нас что-то ждёт и – не могу.

Для меня смерть страшна своей безысходностью. И её не миновать никому. Смерти не дашь взятки, с ней не договоришься, её не запугаешь. Она по-своему восхитительна, эта жуткая дама с белом.

Если так подумать, смерть куда честнее жизни. Если бы они были персонифицированы, и можно было бы выбирать, кому из двоих служить – я бы выбрала Смерть. За её жестокую честность. Она равно забирает богатых и бедных, глупых и умных, жестоких и добрых, лицемеров и

праведников.

Смерть ни для кого не делает исключений.

Но смерть не персонифицирована. И не честна. Она просто есть и её не избежать. И нет никакой высшей справедливости, нет бессмертия души.

Очень страшно знать, что, когда умирает близкий человек, его больше нет нигде и ни в какой форме.

Ни дождём, ни голосом, ни голубем белым, ни чёрным вороном никто никуда не вернётся. Мы станем кучей копошащихся червей, когда покончим с этим Адом.

Не будет Горнего Призыва – ничего не будет. И это страшнее любого Дантовского Ада с его девятью кругами.

– По кому скорбим? – раздался над ухом знакомый ехидный голос.

Энджел? Ну что ж! Это было дело времени. Конечно, он должен был появиться.

Я подвинулась, уступая ему место на мраморной белой скамейке, на которой сидела. Тепло у правого плеча означало, что он сел. Меня обдало облачком дорогого парфюма. Не знаю, что за запах, но приятный, с лёгкой горечью.

– Решила от нас сбежать? – похлопывал он по коленям перчаткой, зажатой в руке.

– Я заслужила отдых.

– По-твоему, сидеть у заброшенного склепа весело?

– По-моему это спокойно.

– Никогда не понимал твоих странных развлечений.

– Да уж. Мой способ развлекаться самый странный, если сравнить его со всеми остальными в нашей милой семейке.

Какое-то время мы молча сидели рядом.

Я столько злилась на Энджела в последние месяцы. Я так надеялась, что его увлечение Ирис поставит точку в их нездоровых отношениях с Артуром. Мне было так больно оттого, что этого не произошло, что я восприняла это как предательство. Теперь понимаю, что дело не в Энджеле – дело во мне. Я не хочу принимать правду. Для себя я выстроила образ, с которым привыкла жить, образ, которому брат когда-то соответствовал. Да, Энджел не сам ступил на путь порока: его продавали, заставляя подчиняться то угрозами, то шантажом. Я привыкла считать, что он жертвует собой. Но это давно перестало быть правдой. Порок стал для него образом жизни, приносящим радость. Ему нравилось спать с нашей матерью, нравилось спать с нашим отцом, нравилось спать с Артуром. А то, что это не нравилось мне, ничего не меняло.

У меня два пути. Первый: смириться и принять Энджела таким, каков он есть, пытаюсь бороться за остатки того, что ещё оставалось в нём хорошего. Второе – отступить, уйти, предоставив его собственной судьбе.

Когда пытаешься спасти утопающего, куда больше шансов утонуть, чем спасти. Это я к тому, что, оставаясь рядом с Энджелом у меня есть все шансы увидеть его похожим на нашего отца, а я не знаю, как я это вынесу.

Не хочу дожить до этого времени. Не хочу на этой смотреть.

– Зачем отец послал тебя сюда? – слегка хрипловатым от волнения голосом поинтересовался брат.

– Ты его бы спросил.

– Я тебя спрашиваю.

– Официальная версия – следить за Элленджайтами, но, возможно, он понимает, что жить с вами я больше не могу.

– Ты о чём? – нахмурился брат.

– Как поживает Артур? – ответила я вопросом на вопрос.

– Артура, как и тебя, тоже послали.

– Какой ужас!

– Не начинай, – поморщился Энджел.

– Зачем ты пришёл? – разозлилась я.

– Соскучился. Хотел убедиться, что у тебя всё нормально.

– У меня всегда всё нормально.

– Я знаю, когда ты мне врешь.

– Это работает в обоих случаях.

Мы снова замолчали. Нам часто не требовались слова, чтобы понять друг друга. Иногда в молчании существовать легче.

Мы – близнецы. Связь близнецов сложно описать словами. Это ни на что непохоже. У меня не было любовников, но думаю, что ни одна любовная связь не даёт такой близости. И даже родственная связь или просто – братски/сестринская. Когда между двумя разумами и сердцами будто идёт постоянный ток в обоих направлениях. Когда ты постоянно больше, чем ты есть и где бы ни был твой близнец, ты чувствуешь его, словно тихий гул в проводах.

Мой близнец – Энджел.

С ним сложно. Очень сложно. Это как постоянной оголённый нерв.

Разойтись со своим близнецом? Возможно, без руки или ноги мне было бы жить легче, чем без Энджела.

Но когда начинается гангрена, руки-ноги режут. А что делать, когда гниёт душа?

– Думаю, тебе лучше уйти.
Энджел в ответ пожал плечами:
– Я, конечно, уйду, но – позже.
– Хочешь что-то выяснить? – посмотрела я ему в лицо. – Что?
– Зачем ты здесь? Чего они оба от тебя хотят? Что потребовалось от тебя самой известной сучке в Эллендже?

– Если я скажу тебе правду, ты неверишь мне.
– А ты попробуй.
– Чем больше живу на свете, тем больше убеждаюсь, что мир безумен. Наш отец не считается ни с кем, и мне казалось загадкой, отчего он делает исключения для местной леди...

– Сандра, – досадливо поморщился Энджел. – Да какая тут, к чёрту, загадка? Ты сюда случаем романтическую линию не приплела? О! Она была прекрасна и умна настолько, что даже бессердечный, циничный Рэй Кинг снимал перед нею шляпу и носил в зубах тапочки? Это было бы слишком для тебя по-женски! – тряхнул брат головой. – В плохом смысле этого слова. У всей этой загадки на доллар отгадки: деньги, сестрёнка! Как всегда, всё решают деньги. Эта самовлюблённая курица нужна отцу потому, что через её счета он отмывает полученные от торговли героином и контрабандным оружием, доллары. И пока с Синтией Элленджайт ему проще ладить, чем враждовать – отец будет с нею ладить. Он позволит ей думать о себе всё, что ей нравится о себе думать – что она умнее, быстрее, сильнее, хитрее. Блин, да женщины просты, Сандра! Там, где дело касается чувств, провести вас совсем нетрудно. Даже напрягаться не стоит – вы же сами всё придумаете и сами во всё поверите, нужно лишь постоять рядом и сострять приличествующую случаю физиономию. Отец считается не с Синтией. Он ценит лишь собственный шкурный интерес.

– Как всегда, собственно.
– Как всегда, – смеясь, подтвердил брат.
Он невероятно бесил меня в этот момент.
– Скучно, правда? Никаких загадок, никакой волшебной борьбы характеров. Просто как в таблице умножения – только числа подставляй. Синтия Элленджайт просто ещё одна палочка в ряду использованных отцом дам. Использованных и выброшенных. Вы оба отвратительны!
– Это что? Природная женская солидарность?
– А тебя так и распирает от природной мужской павлиньей самонадеянности!

Энджел накрыл ладонью мою руку, перестав смеяться:
– Единственная женщина, которая для нас с отцом значит что-то

всерьёз – это ты.

– Ну конечно! Это такая же святая правда, как то, что по-настоящему светит луна, а солнце – это так, лунное отражение.

– Неужели ты настолько глупа, что сама не понимаешь этого?

– Что сказать? При всех его недостатках, у Рэя нельзя отнять трёх вещей: ума, лисьей хитрости и прямо-таки дьявольской прозорливости. Мне нравится здесь, Энжи. И я не хочу возвращаться в катакомбы, к вечно пьяной матери, садюге-папаше и брату, трахающему без разбора всё, движется. И что не движется – к слову, тоже.

– Почему, в то время как я изо всех сил пытаюсь избежать ссоры, ты всё время на неё нарываешься?! – зарычал Эндж. – Чего ты добиваешься? Чего от меня хочешь?

– От тебя? Ничего. Я хочу для тебя. Хочу, чтобы ты был счастлив. Но быть счастливым, живя так, как живёшь ты, невозможно.

– Солнышко, прости, но... многое ли ты знаешь о счастье?

– Немного, но всё же достаточно, чтобы различать его с удовольствием. Мне кажется, это разные категории.

Между бровей Энджела залегла глубокая морщинка:

– Даже для тебя, сестрёнка, я не смогу переделать себя полностью.

– Так много не требуется, братец. Всего-то и надо попытаться чуть-чуть измениться. И не для меня – для себя самого.

– Кто бы только знал, какой ужасающей занудой ты бываешь, дорогая моя сестрица? – улыбнулся он.

– И кого, кроме меня, это касается? – улыбнулась я ответ.

Я изо всех сил старалась принимать действительность такой, какая она есть. Во всём этом есть ведь и положительная динамика? Энджел, по крайней мере, сейчас трезв, как стекло, не под кайфом. И Артура отец угнал куда подальше. Так насладимся относительным спокойным затишьем, покуда можно.

– Тебе не интересно узнать, какова знаменитая госпожа Элленджайт при близком общении? – поинтересовалась я у брата, решив сменить тему разговора.

– Было бы интересно, давно узнал бы. Но если тебе не терпится рассказать, я охотно послушаю.

– Она, кажется, не в себе.

– И что навело тебя на эту глубокую мысль?

– Она хочет сделать меня ведьмой.

Я редко видела удивление на лице Энджела. И правда, чему нас, выросшим подле Рэя Кинга, можно удивить?

Но на этот раз его проняло!

– Я всё правильно расслышал? У вас намечается Ковен? Или, того хуже – шабаш?

Его взгляд метнулся от меня к дому, обежав его многочисленные углы, башенки, купола и окна.

– Тебя хотят принести в жертву, заставив убираться?

– Я говорю серьёзно.

– Про то, что станешь ведьмой? Куда серьёзней! Если ты, конечно, у нашей мамыши наркотой не затарилась?

– Я же не говорю, что верю во весь этот бред. Но моя гостеприимная хозяйка, похоже, вполне. Она на полном серьёзе говорит о воскрешении мертвых.

– Ты меня разыгрываешь?

– Да нет, Энджел! Выключай своего внутреннего барана и просто послушай...

Я сама не знала, зачем мы об этом говорим. Правда – не знала. Просто так получилось.

– Я говорю, Эндж, она не в себе. Наверное, всё дело в доме. Он, несмотря на весь наведённый внешний лоск, очень старый. Ночами, когда уходят слуги, тут словно ходят призраки и тогда... можешь смеяться, если хочешь, но я готова поверить во всё, что угодно. И что на портрете, датированным почти двести лет назад, изображены Синтия и Альберт, и что мы скоро будем воскрешать третьего... каждый раз забываю его имя.

Энджел насмешливо сощурился.

– Что? – фыркнула я раздраженно.

– Забывать имена – это, похоже, у нас наследственное. Но я когда не видел тебя испуганной.

– Я не испуганна. Я озабочена и сбита с толку.

– Нет. Тебя реально пугает этот шикарный дом? И его заносчивая, самовлюбленная, недалёкая хозяйка? Хм-м! Может, мне тоже остаться тут с ночёвкой? Всё это чертовски интригует. А если станет совсем страшно, может, позвоним Альберту? Ты не обидишься, если я буду жадиной и не поделюсь с тобой его драгоценным обществом?

– Боюсь, Альберт не явится тебя развлекать. Он готовится к свадьбе.

– Да. У него ответственный мероприятие! А ведь скоро весна? Даже не знаю, что хуже – умереть весной или жениться?

Засмеявшись, я пихнула его локтем под рёбра, заставив болезненно сморщиться. Надеюсь, притворно?

– Не говори ерунды, – велела я ему. – К тому же, даже если тебе и

удастся его вызвать, Синтия вряд ли согласится делить с тобой его внимание.

– Отец же говорил, что они брат и сестра.

– Отец с матерью тоже брат и сестра, но это не помешало нам с тобой появиться на свет?

Энджел после недолгой паузой обнял меня за плечи:

– Хочешь вернуться домой? Я поговорю с отцом. Он согласится. Без тебя катакомбы словно стали ещё темнее...

– Ты заботаешься обо мне? Или о себе?

– О нас обоих. Когда тебя нет рядом я чувствую себя ужасно. Всё время боюсь, что с тобой что-то случится.

На этот раз Энджел говорил серьёзно.

– По-твоему, в отцовских бандах мне безопасней?

– Не знаю. Там есть он. И есть я. Мы не позволим, чтобы с тобой что-то случилось.

– Да что может случиться?

– Ну, не знаю... вдруг ты в самом деле превратишься в ведьму? И ладно ещё, если станешь творить всякие каверзы, а то сядешь на метлу и, чего доброго, улетишь от меня?

– Это произойдёт непременно, рано или поздно. Если ты не изменишься к лучшему.

– Я изменюсь, непременно, – со смехом пообещал Энджел.

А потом его лицо вдруг сделалось серьёзным и сосредоточенным.

Эта его особенность, мгновенные перемены настроения, всегда выводили меня из себя, сбивая с толку.

– Только не улетай, – с тоской проговорил брат.

– Хватит! – резко поднялась я со скамьи. – Ты меня пугаешь, своими дурными разговорами. Лучше убирайся отсюда. Тебя не приглашали.

– Ладно, уйду. Только пообещай звонить каждый день. Ну, или хотя бы отвечать на мои звонки?

– Обещаю. А ты, в свой черёд, пообещай найти себе хорошую девушку и встать на стезю добродетели.

Мы оба рассмеялись, пытаюсь развеять тягостную атмосферу, похожую на приближающийся грозовой фронт.

– Уже нашёл девушку. Но не знаю, удержусь ли на тернистом добродетельном пути.

– Тернии – это самое то. Ты же любишь боль?

– От пороков, но не от добродетели, – подмигнул он мне на прощание, поцеловав в щёку. – Береги себя.

– Всегда, – пообещала я.

Глава 12. Сандра

Расставаться всегда грустно поэтому я редко смотрю кому-то вслед. Почти никогда. Ненавижу расставаться даже больше, чем привязываться.

Привязанностей и любви я избегаю всеми возможными способами, но Энджел – он внутри круга, который я старательно очертила вокруг себя.

Энджел всегда со мной, где бы не был он и где бы ни была я.

– С братьями сложнее всего, да?

И когда только змея-Синтия успела ко мне подобраться? Я не заметила.

– Не понимаю, о чём вы.

– Прекрасно понимаешь.

У всякого яблока свой червячок. У Кристалл-Холла это Синтия. Если бы не она это место стало бы райским.

– Думаю, история моих отношений с братом сильно отличается от вашей.

– Склонна с тобой согласиться. Не холодно здесь сидеть?

– Нет.

Я солгала. На самом деле я замёрзла.

Поэтому на её предложение: «Пройдёмся?», – возражать не стала

Весна в это время года довольно капризная, я бы даже сказала, мерзкая. Промозгло, холодно, переменчиво, сыро. Никакой романтики.

Когда я читаю о «предчувствиях» и «обещаниях» этого короткого поздне-мартовского и ране-апрельского периода, я, откровенно говоря, лишь недоумённо пожимаю плечами. Никакого предчувствия. Лишь тяготишься затянувшейся непогодой.

Синтия шагала впереди по бетонной дорожке, убегавшей вглубь загроможденного парка.

Дом уже полностью привели в порядок, а вот окружающая его территория требовала человеческих рук. И они были – то одна, то другая бригада работали постоянно. Но эту часть парка не трогали, видимо, получив особые указания.

– Не хочешь поинтересоваться, куда мы идём?

– И так сейчас узнаю. Зачем попусту тратить слова?

– Я и забыла, какой это дефицит! – насмешливо фыркнула Синтия.

Мне совсем не понравилось направление, в котором мы двигались. В белом строении я подозревала усыпальницу.

– Хотите провести экскурсию в склеп? – недоверчиво протянула я.

- Ты возражаешь?
- Трупы никогда меня не интересовали ни в каком качестве.
- Тебе стоит кое-что увидеть.
- Ну, если вы настаиваете, – тяжело вздохнула я.

Внутри усыпальницы оказалось удивительно чисто. Видимо, была отличная вытяжка – ни запаха тлена, ни пыли. Воздух свежий. Надгробия в идеальном порядке.

И всё вокруг так странно, словно мы вошли не в гробницу, а в какую-то лабораторию. Обстановочка та ещё. Будто кто-то, совсем спятив, решил скрестить науку, магию и религию.

Наверх склеп выглядел небольшим, но внизу строение будто выросло в размерах, как минимум, вдвое, превращаясь в мрачный и запутанный лабиринт, по которому Синтия двигалась с уверенностью, свидетельствующей о том, что она частенько здесь бывала.

У одной из белых плит, над которой стояли две огромные вазы с гранитными розами, она притормозила. Вдоль всей плиты шла надпись буквами с вычурными вензелями: «Альберт Элленджайт». Годы жизни были сколоты.

– Ты ведь не веришь мне, правда? – спросила Синтия, не оборачиваясь, словно бы в задумчивости разглядывая надпись.

– Правда.

– И всё же моя реальность скоро станет твоей. Интересно, что ты тогда скажешь?

– Посмотрим, когда доживём.

– Сомневаешься в своей способности пережить инициацию? – она наконец обернулась, и глаза её сверкали, словно у кошки, выходящей из тёмной комнаты. – Об этом не беспокойся. Переживёшь. Ведь ты нужна мне – живой!

Она медленно перешла от одной надгробной плиты к другой и вновь застыла над ней.

«Ральф Элленджайт».

«Facta sunt potentiora verbis».

– Что это означает? – спросила я, проводя ладонью по рельефным буквам.

– «Поступки сильнее слов».

– Почему она здесь, эта надпись?

– Потому что мне казалось, что эта фраза могла бы ему понравиться. Сейчас сильно сомневаюсь в этом. Порой мне кажется, что, чтобы я не сделала, Ральфу ничто не будет по душе лишь потому, что это сделала я!

– Не стану спрашивать, верите ли вы в реальность того, что намерены сделать – итак понятно, что верите. Но – зачем?

– Что – зачем?

– Зачем сначала убивать человека, а потом пытаться его воскресить?

– Я тогда не думала, что смогу это сделать, а теперь хочу всё исправить.

– Думаю, где бы ни была сейчас его душа – ему это не нужно...

– Конечно, ему не нужно, глупая ты гусыня! Это нужно мне! Разве не понятно?! Я хочу, чтобы дорогие мне существа были рядом! В этом нет ничего сложного для понимания!

– Вам видней, – кивнула я, глубже запуская руки в карманы моих джинсов.

Рубчатая ткань раздражала подушечки больших пальцев, в карманы не помещающиеся. Это странным образом успокаивало, доказывая, что материальный мир ещё не растворился в безумии, окружающем это место.

– Я-то никогда не понимала радости держать около себя того, кто хочет уйти. Да и невозможно это. Но вы по-своему гениальны. С таким упорством идти к нереальной цели?

– Это помогает коротать Вечность, – фыркнула Синтия.

– Каким он был? Этот ваш Ральф?

– Отвратительным.

– И что в этом хорошего?

– Ничего.

– Наверное, мне стоит послать вас к чёрту и вернуться к отцу? В городе и без восставших мертвецов таких, как мы, стало слишком много.

– На самом деле я оказываю городу услугу. Чем больше нас, тем сильнее мы заняты друг другом, а чем больше мы заняты друг другом, тем меньше способны нанести вред окружающим.

– Действительно.

– Будь готова сегодня вечером. Я больше не намерена тянуть.

– Приготовить метлу и захватить с собой жабу?

– Жаба тебе не понадобится.

– А что понадобится?

– Ничего, кроме силы воли и тебя самой.

Ожидание в Кристалл-холле дело несложное. В таком огромном красивом доме всегда можно найти занятие по душе: поплавать в бассейне, поухаживать за цветами в оранжерее, почитать книгу в библиотеке, рассмотреть картины в галерее, поиграть в бильярд – далеко не полный

список того, что сразу приходит в голову.

Биллиард меня не интересовал, книги я предпочитаю электронного формата, хотя, нужно отдать должное, фолианты, некоторые датированные ещё аж 1100-ым годом, не могли не вызвать интерес.

Видимо, за ними очень тщательно ухаживали, потому что они неплохо сохранились.

Никогда в жизни не видела таких библиотек. Огромные стеллажи, поднимающиеся чуть ли не в два этажа, стремянки, камин и отопительная система, выстроенная особым образом, в совокупности с оросительной, призванной поддерживать необходимые для хранения книг температуру и влажность.

Дом – как дорогой музей. Я не уставала изучать его.

Слуги тут были, но каким-то образом Синтия успела вышколить их так, что они становились видимыми только тогда, когда ты сам этого пожелаешь. Почти как домашние эльфы – полезные, исполнительные, незаменимые и незаметные. Иногда настолько, что хотелось бы даже чуть меньшей незаметности. Всё-таки дом такой огромный, что невольно начинаешь чувствовать себя пылинкой, затерявшейся в пространстве.

Указаний насчёт одежды не было, поэтому вечером я рискнула одеться так, как сама пожелала. Чтобы было удобно и тепло.

Прежде, чем войти ко мне в комнату, Синтия проявила вежливость – постучала. Она всегда и во всех случаях была прекрасно воспитана. Старая аристократическая школа!

Мы, народ, взращенный на ниве демократии и свободы, тонкостью манер не отличаемся, а жаль. Полная свобода часто напоминает абсолютное, ничем не прикрашенное свинство. Наверное, в душе я не американка? Мне плевать на все американские ценности. Свобода – глупость, демократия – лицемерие, толерантность – вершина того и другого, вместе взятого, а ЛГБТ-сообщество вообще сумасшедший дом, вышедший на прогулку без санитаров.

– Сандра, ты меня слушаешь? – раздраженный голос Синтии заставил меня очнуться. – О чём ты думаешь?!

– Не поверишь – о правах и свободах.

– Я предлагаю тебе заглянуть за грань, а ты витаешь в облаках и абстракциях?

– Всегда считала, что если за гранью что-то и есть, то это как раз облака и абстракция.

Уже стемнело и Кристалл-Холл погрузился в своё привычное ночное бдение. Удивительное дело, (не в первый раз замечала, кстати), что по

ночам в нём оживало эхо, которого не было днём.

Хрустальный дом походил на огромное яйцо, где вызревало нечто очень нехорошее, быть может, даже страшное. Дракон? Левиафан? Демон из страшных глубин?

Оставив за спиной шелестящую влажными листьями оранжерею, красивую, как сказочный сидхен, словно здесь и в самом деле жили крохотные феи...

Нет, ночная оранжерея заслуживает пары слов, уж больно восхитительна она была, подсвеченная множеством маленьких огоньков и фонариков, парящих на различной высоте.

Одну из стен занимали огромный аквариум, светящийся голубым и нежным сиянием. В нём плескались яркие, различной формы и цвета, рыбки, то резвясь стайками, то плавно покачивая вуалевым пушистым хвостом в полном одиночестве. Слышалось мягкое журчание воды – то в нескольких местах были установлены маленькие чаши фонтанов, расцветающие водными лепестками-струями, разноцветными от подсветки.

Синтия притормозила:

– Ты что? Как будто раньше сюда не заходила?

– Только днём. Но при свете тут всё иначе.

– Похоже на сказку, верно? И, в отличие от многих других в этом доме, эта сказка добрая. Зимой тут ещё лучше. Представь, кругом снег и стужа, а тут тепло, зелень, сказочные фонарики? Но ладно, пошли. Сейчас не до местных красот.

– Мы идём в склеп?

– Нет. В складские помещения. Там раньше были конюшни.

Ночь выдалась лунная. Не полнолуние – растущая луна. В прохладном воздухе ярко светились звёзды, похожие на тысячи глаз, любопытно разглядывающие нас с высоты.

Вокруг дома ещё было освещение, но стоило сделать несколько шагов в сторону, как свет слабел, в то время как небо сделалось ярче и выше.

Страшно не было. Всё это напоминало интересную, завораживающую, таинственную игру. Для полного попадания в образ нам не хватало двух плащей с капюшонами и по масляному фонарю в руки.

Ну, и крадущейся походки в придачу.

Но красться и таиться было не от кого. Синтия здесь полновластная хозяйка, никто не посмел бы нам помешать.

Если бы раньше мне не сказали, что в помещении находились конюшни, я бы не догадалась. Оно было длинным, просторным – пустынным.

Синтия уверенно прошла вглубь. Я следовала за ней, соблюдая дистанцию. Понимала, что опасности никакой нет, но испытывала смутное беспокойство, заставляющее сожалеть о том, что у меня с собой нет оружия. Перочинный ножик не считался.

– Закрой дверь на замок, – деловито распорядился мой гид в царство магии. – Свидетели нам не нужны.

Прикусив язык, чтобы не дать сорваться какой-нибудь ненужной, способной испортить момент, реплике, я выполнила её желание. Пусть я и не золотая рыбка, но кое-что мне всё же по плечу.

Синтия, тем временем, деловито подошла к возвышению, наскоро сооружённому посредине огромного помещения.

Приблизившись, я тоже получила возможность разглядеть огромный, серый монолитный камень, похожий на алтарь и выбитые на нём странные знаки – целая вязь. По краям этой столешницы стояли две свечи, толстые, толщиной шире, чем моя рука и смолянисто-чёрные.

– Подойди, – потребовала Синтия. – Положи ладони на камень. Вот так.

Это было несложно, никаких усилий с моей стороны не требовало, поэтому я так и поступила – послушно подошла и положила руки на камень.

И сразу почувствовало что-то... неправильное?

Камень был горячим, будто внутри него горел огонь. И этот огонь заставлял материал под моими ладонями тихонько вибрировать, совсем чуть-чуть, но не ощутить этого тока было невозможно.

Свечи вспыхнули, – клянусь! – сами собой. Язычок пламени затанцевал на тонком фитильке.

Синтия стояла по другую сторону камня-алтаря. Тихо, вполголоса, она начала нашептывать что-то на незнакомом мне языке. Почти уверена, что это была латынь.

А на каком ещё чёртовом языке можно обращаться к тёмным силам? Может быть, на древне-арамейском, но что-то сомневаюсь, чтобы она его знала.

Склонна думать, что меня чем-то опоили. Это совсем несложно сделать, будучи полновластной хозяйкой в доме, и имея доступ ко всему – к кухне, еде и питью в том числе. Я, правда, по обыкновению, не ужинала, но совсем немного нужно порой, чтобы вызвать галлюцинации. Щепоть наркотического порока хватит.

Синтия могла это сделать. Вопрос только: зачем ей это нужно?

Меня потянуло в сон почти сразу, как только Синтия завела свои

мантры тихим, монотонным голосом. Причём тянуло так неслабо, веки словно бы свинцом налились – не поднять. Потом возникло такое чувство, будто земля передо мной расступилась. Это ощущалось так, как будто происходило не на самом деле, а во сне, когда разум раздваивается, присутствуя в двух местах одновременно.

Я осознавала, что стою в бывшей конюшне Элленджайтов и в то же время попала в место, которого на самом деле нет и быть не может.

Стены раздвинулись, потолок поднялся, обрастая готическими арочными перекрытиями, переплетающиеся между собой на такой высоте, что разглядеть их в клубящемся тумане не представлялось возможным. Камень-алтарь, на который я опиралась руками, вырос вперёд длинным языком, словно мост через невидимую реку.

Покрываясь трещинами и вновь срастаясь, он всё рос и рос. А я одновременно и слышала, и не слышала яростный грохот камнепада и раскаты грома.

По обе стороны от каменного моста, выстрелившего вперёд, клубились туманные тени. Чем ближе, тем более серыми становились они и двигались, как расходящиеся в воде течения разной температуры. Дальше тьма густела до такой степени, что становилась монолитной стеной.

Сам мост был освещён.

Подняв голову (или взгляд?) я увидела причудливый каменный трон. На нём сидело огромное существо. Источник света находился за его плечами, но откуда он распространялся, непонятно. Может быть, сияние шло от самой фигуры? На ярком огненном фоне очертания её очертания были необычайно чёткими и чёрными, как штрихи на белом листе бумаги.

То, что вначале я приняла за высокую корону, к моему изумлению оказалось самыми настоящими рогами. Да ещё какими! Острыми на концах, широкими, причудливо изогнутыми.

Глаза то холодили беспроглядной тьмой, то сжигали вспыхивающим в глазницах адским пламенем.

Высокого, даже огромного роста, неведомое существо было необыкновенно пропорционально сложено, словно скроено из перевитых мышц.

К моему ужасу, вокруг ног обвивался длинный хвост, увенчанный шипами. Руки, спокойно лежавшие на подлокотниках, венчали острые чёрные когти, каждым из которых, при желании, можно было прошить меня насквозь, как кинжалом.

Но вся эта жуткая форма ничто перед той мощью, воистину первозданной, что исходила от фигуры на каменном троне. Мощь эта

ощущалась вполне физически, она придавливала меня к полу, не давая возможности подняться или даже пошевелиться.

И это при том, что сам дьявол, сидящий на троне, вовсе не источал агрессии или недоброжелательства. Я ощущала с его стороны лишь холодное равнодушие с лёгким проблеском любопытства.

В какой момент он сменил форму ускользнуло от моего взгляда. Только что на другом конце длинного моста восседало огромное устрашающее чудовище и вот уже передо мной стоит прекраснейшее творение, какое только можно себе вообразить.

Вернее, настолько прекрасное, что даже вообразить нельзя.

На него можно было смотреть бесконечно, как мы смотрели бы на солнце, не выжигай оно глаза – красота в её первозданном виде. Исполинские размеры зверя уступили место стройному изяществу, столь свойственному всем представителям рода Элленджайтов. Высокий лоб, острые скулы, чуть удлинённый, прямой нос.

Он походил на всех нас. Он был всеми нами. Всем тем, что я ненавидела в братьях, отце, самой себе.

И ему не было ни до одного из нас никакого дела. Единственное, что мешало ему раздавить меня, как надоедливую личинку, было его собственное отражение, частичка его бесконечного «я», отражённая во мне, как в одном из зеркал, куда заглядываешь проходя по утрам.

Всё это я читала в его светлых, прищуренных глазах, в тонких, сжатых, чуть изогнутых в намёке на усмешку, губах.

«Как твоё имя?»

Фраза раздалась в моей голове, но голос, интонации, с которым это прозвучало, были не мои.

Вы верите в дьявола? Вы вообще о нём думаете? А теперь представьте, что он стоит перед вами и задаёт вам вопрос.

Я Писание никогда не читала, но там, кажется, есть фраза, что лже-чудес будет много, но, когда перед вами встанет Истина, вы узнаете её без труда. Вот и я сейчас совершенно точно знала, что это не один из бесов, ни некто из безымянных демонов – передо мной Люцифер.

Тот самый, кто осмелился перечить самому Богу, в существовании которого я не верила.

Я и в Люцифера не верила, но ему было на это плевать.

Он стоял напротив и усмехался такой похожей на отцовскую, ухмылкой, что у меня мурашки бежали повсюду, где можно.

Было страшно.

Можно сколько угодно играть в дерзость с людьми, но стоять перед

существом, которое одним щелчком пальцев способно развеять саму твою суть по ветру или засунуть в такие дали Космоса, что ты будешь оттуда выбираться Вечность и не выберешься...

– Я не собираюсь поступать так с тобой. Зачем? Чтобы знать кто ты, мне не нужно жалкое человеческое имя. Я вижу твою суть. Как и суть многих других, собственно. И читая в твоём сердце, Сандра Кинг. Но я не совсем понимаю, зачем ты здесь, предо мной?

– Откровенно говоря, я тоже... я даже не уверена, что я действительно здесь, а не в сумасшедшем доме.

Острые черты лица засветились холодной, как лёд, улыбкой, режущей, словно лезвия.

– Значит, ты не станешь напоминать мне о нашем родстве и просить оказать родственную услугу?

– Нет. Если вы не плод моего воображения, а настоящий дьявол, я не рискну вас просить ни о чём.

– Почему же? – скрестил он руки на груди. – Ведь на земле я не менее всемогущ, чем Бог. Иногда даже более, ведь ваша жалкая планета моя прямая вотчина. Чего ты хочешь?

– От тебя – ничего. Да и не в силах ты дать ничего для меня желанного. У тебя этого попросту нет.

– Уверена? А если ошибаешься?

– Все ошибаются. Не хочу выказать неуважения к вашим годам и возможностям, вероятный предок, но сделки с дьяволом мне не нужны.

Он рассмеялся, тихо и насмешливо.

Я его забавляла. И одновременно раздражала. Он вообще не любил людей. Здесь древние книги не лгут. Блистательный, сильный, великолепный, Люцифер считает нас жалкими и ничтожными (прости, Господи, тут я с ним согласна!), способными лишь предавать и искать собственную выгоду во всём, но лицемерно прикрываться словами о благих делах.

Он не понимал Бога, соглашающегося всё это терпеть век за веком, вместо того, чтобы раз и навсегда решительно поставить крест на неудачном эксперименте.

Это были не мои мысли. Люцифер говорил со мной без слов, насмешливо, жёстко, не собираясь «нянчиться». И всё же, по-своему, он был со мной добр. Настолько, насколько такие, как он, могут быть добрыми к таким, как я.

– Ты умнее своей предшественницы. Это радует. Но ты всё-таки стоишь здесь, предо мной? Значит, всё же глупее, чем кажешься.

– Я считала госпожу Элленджайт спятившей от осознания собственной исключительности психопаткой. Прости, к встрече с тобой я совершенно не готова. Если позволишь просто уйти, будет считать, что все мои желания исполнены.

– Нет, Сандра. Так не пойдёт. Ты получишь то, зачем тебя прислали. И даже немного больше – подарочный бонус от меня. Видишь ли, среди грешников и у демонов имеются свои любимчики. Я считаю, что один из них заслужил второй шанс. И ты когда-то хорошо его знала. Как насчёт сыграть в одну и ту же игру дважды?

– Не понимаю?

– Ты всё забыла, но не твоя душа. Души ничего и никогда не забывают. Я подарю тебе то, о чём ты не просишь, но что непременно изменит твою жизнь к лучшему.

– Может, лучше не надо? – искренне заволновалась я.

Он рассмеялся, а потом...

Потом я поняла, откуда свет. Яркий, ослепительный и невыносимый.

Он развернул огромные крылья, в которых каждое перо испускало столь же яркий свет, как солнышко на небе.

Этот свет ранил, словно разящие стрелы.

Меня опрокинуло на спину и поволокло с неистовой силою сквозь летящие тени с невыносимой скоростью.

Почувствовав, что падаю, я интуитивно попыталась ухватиться за что-то, чтобы удержаться и, открыв глаза, обнаружила, что лежу лицом вниз на каменной плите.

Рядом стояла Синтия, с нетерпеливым, жадным любопытством взирая на меня.

Чёрные свечи почти догорели.

– Ну что?.. – склонилась она ко мне ниже. – Видела что-нибудь?

Я выпрямилась, поднимаясь с алтаря.

– Да... кажется.

– Он встретил тебя? – глядела она на меня какими-то безумными, весёлыми глазами.

– Кто – он?

– Люцифер? Дьявол?

Прежде чем ответить, я смерила её долгим взглядом.

А потом пришлось признать очевидное:

– Кажется, да.

Глава 13. Альберт

День тянулся бесконечно. Когда работаешь он всегда так делает.

Я в очередной раз имел несчастье убедиться, что даже самый развитый мозг (а, я скромно продолжаю считать, что не только процессы метаболизма в организме Элленджайтов идут быстрее) должен получать специальное образование перед тем, как заняться чем-то серьёзным.

Терпеть не могу быть в чём-либо некомпетентным. Я всегда должен опережать своих оппонентов, своих работников, но, когда я посещаю офис, у меня формируется стойкое впечатление, что Калхаун и другие подчинённые знают в раз больше моего. Да, понятно, полуторавековой сон многое оправдывает, но с этим явно нужно что-то делать. Срочно.

Тратить время на колледжи и университеты возможности нет, покупать дипломы не вариант – мне нужны не сертификаты, а знания. Хорошо ещё, в новом времени есть интернет, позволяющий получать информацию быстро и сразу. Но и этого, как выяснилось, мало.

День тянулся бесконечно и в тоже время как-то слишком быстро закончился. Я не успел сделать и четверти того, что надумал, а Калхаун уже нервно поглядывал на часы, явно давая мне понять, что ему пора. Наверное, торопился к Линде?

За целый день Катрин не позвонила ни разу. Это нормально. Она почти никогда не звонила. Чаще всего так даже удобней, но иногда, когда сумерки сгущаются, а помещения пустеют, в голову лезут тоскливые мысли.

Глупо притворяться, что у нас с ней всё хорошо. Это не так. Совсем не так. При взаимном уважении и желании понять друг друга, мы так же идеально подходим друг другу, как квадратный пазл и круглая луза: в смысле, вообще из разных миров.

Я не хороший человек и знаю это. Не горжусь, даже по возможности пытаюсь с этим бороться, но мои пороки так часто берут надо мной вверх, что единственный честный поступок, что я могу свершить для хорошей женщины вроде Кэтти, так это держаться от неё подальше. К счастью или к несчастью для нас обоих, позволить себе этого я не могу. Мы спаяны тесно и не можем разбежаться. Иногда меня это ужасает, иногда я думаю об этом с облегчением – отсутствие выбора облегчает жизнь.

Я боюсь того, что люблю Катрин недостаточно сильно. Недостаточно, чтобы назвать её женой.

Я хочу, чтобы Кэтти была счастлива. Очень хочу! Но знаю, что со мной ей это не светит. Одного её присутствия достаточно, чтобы заставить меня потерять покой. Но дело, я знаю, не в ней – лишь во мне самом.

Правда в том, что архангелу Михаилу не нужно было пытаться

Люцифера чтобы причинить ему мучения – достаточно появиться и просто быть рядом, ежечасно напоминая падшему ангелу о совершенстве истинного. Ведь тому не стать тем, кем он должен быть никогда. В рай бы рад, да грехи превращают крылья в гири, с такими не взлететь – тянут камнем вниз. За это чувство ущербности, неправильности, искаженности собственной сути Люцифер ненавидит Михаила. Его ненависть не что иное как извращённая формы любви – единственное чувство, что тёмные способны испытывать по отношению к светлым.

Люди, не понимая, что чувствуют демоны, верят, что можно спасти душу любовью? Нельзя! Любовь – это свет, который испепеляет тьму изнутри, как солнце топит снег и никогда Тьме и Свету не подружиться, не стать союзниками – это танец на уничтожение.

Я, конечно, не Люцифер, а бедной Кэтти далеко до Михаила, но...

Кстати, с небес вовсе ведь не Михаил сбросил херувима Самуэля? Это был ангел Габриэль. Подозреваю, что тот был женского рода.

Ладно, пора завязывать с философией и возвращаться домой. К Катрин – ангелу во плоти.

Но стоило только об этом подумать, как дверь отворилась и на пороге возникла та, о ком я не думал вовсе – Линда Филт.

Вид у адвоката Кэтти был растрёпанный и отчаянный, как у человека, попавшего в беду.

– Альберт? – протянула она, словно удивлённая тем, что застала меня в моём же собственном кабинете.

– Да. Ты ожидала увидеть кого-то другого? – с иронией отозвался я.

– Можно мне войти? – спросила она сдавленным голосом.

– Конечно, – кивнул я, обескураженный.

– Я не задержу тебя долго.

– Не проблема, даже если задержишь. Если потребуется, я готов ради тебя поработать чуть дольше, моя дорогая.

– Перестань! Перестань называть меня «дорогой»! – рявкнула она, ударив ладонью по столу.

Вот чёрт! Да у неё, кажется, истерика?

– Хорошо, – осторожно проговорил я. – Как скажешь. Линда, ты сядь. На вот, выпей воды, – протянул я ей стакан с H₂O, – и рассказывай, что случилось?

– Случилось то, что Кинг похитил мою сестру! – выплеснула она в одно слово. – Он угрожает мне, шантажирует! Требуется, чтобы я шпионила за тобой, иначе... – голос её сорвался на шёпот. – Иначе он отдаст её своим головорезам.

Я молча смотрел на бледное лицо Линды с обсыпавшейся тушью под ресницами, на распахнутой ворот её блузки и меня вдруг охватило дикое желание сжать её в своих объятиях, поцеловать припухшие губы.

Хоть как-то сорвать на ней ту дикую ярость, что охватила меня при её словах.

Хрупкое тёплое женское тело, в которое так приятно входить и выходить...

У неё красивая шея, изящные щиколотки и запястья...

А Кинг полный мудака, чтоб его!

– Ты молчишь?! – прохрипела она сдавленно.

– А что ты хочешь, чтобы я сказал? – огрызнулся я, изо всех сил стараясь подавить то тёмное облако, что всколыхнулось в душе.

Линда не виновата в том, что её затягивает в наши семейные разборки. Она и так изрядно пострадала.

– Да хоть что-нибудь! – продолжала бушевать она. – Да ты хоть понимаешь, чем я рискую, придя сюда, к тебе? Я рискую единственным дорогим, что у меня осталось – жизнью сестры!

– Так зачем же тогда ты всё-таки пришла?

Я не успел договорить, как сочная оплеуха поставила хлёткую точку в моей умной фразе.

– Потому что ты мой работодатель! Я не могу продать тебя, выродок!

Я коснулся разбитой нижней губы, слизнув с пальца капельку выступившей крови, горько-солонатовой на вкус. Потом поднял на неё взгляд. Получилось смотреть снизу-вверх, ведь она возвышалась надо мной на весь свой невысокий рост.

– Не можешь меня продать? Получается, ты ценишь обязательства передо мной выше жизни сестры? – присвистнул я. – Ой, вот вряд ли? Ты пришла ко мне потому, что я единственный, кто может тебе помочь.

Она съежилась, с мольбой глядя на меня.

Это заводит – чувство всевластия. Оно часто превращает людей в монстров.

Приятно чувствовать власть, почти так же, как принимающую тебя податливую плоть. И так тяжело загнать этого чёрного злого змея обратно в его берлогу, когда он вскидывает свою чёрную голову, скаля мерзкие ядовитый клыки.

– Не смей меня больше бить, Линда. Какой в этом смысл. Я же не Кинг.

– Ты pomoжешь мне или нет?!

– Конечно, помогу. Как же иначе?

- Что ты сделаешь?
 - Отправлюсь к Рэю и потребую у него вернуть Мередит.
 - Нет! Ты... ты не можешь так поступить... он же поймёт, что...
 - Что ты сдала его? Он наверняка и так это знает. Не могу точно сказать, в какие игры он играет, Линда, но, в любом случае, не думаю, что его цель – навредить Мередит.
 - Пожалуйста, Альберт! Не нужно! Вдруг это всё испортит?
 - Доверься мне. Мередит дорога Кэтти и я никому не позволю ей навредить. Клянусь в этом. К тому же и перед тобой у меня должок. Так что иди домой и, по возможности, ни о чём не волнуйся. Даю тебе слово, что с Мередит будет хорошо.
 - Вдруг ты ошибаешься?
 - Я не ошибаюсь. И я решу этот вопрос, а ты постарайся успокоиться, ладно? Я позвоню Калхауну...
 - Не нужно!
 - Нужно. В таком состоянии садиться за руль нельзя. Да и одной тебе сейчас лучше тоже не оставаться.
- Сбагрив моего милого адвоката моему другому адвокату, я решительно направился к машине, намереваясь нанести визит моему Рэю Кингу. Повод был более чем подходящий, а то с нашей последней встречи я успел порядком соскучиться.
- А по дороге к Рэю я позвонил сестрице Синтии.
- Дорогой, сладкий братец, чему обязана чести услышать твой голос?
 - Синтия, перестань кривляться. Сандра у тебя?
 - Да. А что? Хочешь развлечься втроём? Боюсь, она не согласится. Девочка куда более невинна, чем можно ожидать, зная о её окружении и тех, кто её воспитал.
 - Глаз с неё не своди. Очень может быть, что Сандру придётся использовать, как заложника.
 - Что? – голос её изменился, словно кто-то дёрнул невидимый рубильник. – Ты о чём, Берт?
- Она редко звала меня этим дурацким именем. И слава Богу! Я терпеть его не могу.
- У Кинга мой человек. Я постараюсь действовать по-хорошему, но, если всё пойдёт не по плану, Сандра мой план «В». Могу на тебя рассчитывать?
 - Конечно, родной. На кого же рассчитывать, как не на родную сестру?
 - Верно. Близкие люди всегда поймут друг друга. До встречи, лапуля.
 - Это обещание? – промурлыкала Синтия.

– Жизнь покажет, – хмыкнул я, обрывая связь и до упора надавливая на педаль газа.

Автомобиль, ревя, как дикий зверь, нёс меня в знакомом направлении.

Шестёрки Рэя, видимо, уже научились распознавать мой автомобиль или, что маловероятно, но возможно, у них был прямой приказ и они заранее дожидались моего появления. Так или иначе, но меня пропустили на территорию беспрепятственно, не задавая лишних вопросов.

– Рэй у себя? – коротко осведомился я у громилы, исполняющего роль охранника.

– Кинг на месте, – ответили мне басовито, подтверждая веское слово не менее весомым кивком.

В прежние времена лакею полагалась отдать визитку и дожидаться разрешения войти, но в этом веке обходятся без тонкостей. И отлично.

Не сбавляя шага, я направился уже почти привычным путём в унылое кинговское подземелье.

Рэй был настоящей змеей подколодный и место отыскал себе подходящее.

С пинка отворив дверь я предстал пред его светлые очи.

Кинг, уютно расположившись в кресле, намеревался надраться, судя по ряду бутылок, стоявших перед ним. И изменить его планы вряд ли был способен даже авианалёт.

– Вот и кавалерия подскакала! – весело приветствовал он меня. – Даже раньше, чем я ожидал.

– Какого чёрта?! – начал я.

Мне ужасно хотелось разбушеваться, но душу сковывало оцепенение усталости. Отчего-то стоя рядом с Линдой я злился в разы больше, чем теперь, стоя перед её обидчиком.

– Какого чёрта я – что? Да ты не стой в дверях, Альберт! Проходи, присаживайся. Я, признаться, рад твоему появлению. Будем с кем скоротать время. Ну так что ты там ставишь мне в вину?

Я не стал разыгрывать скромность и гордость, а воспользовавшись сделанным мне предложением бухнулся в кресло, расстёгивая молнию на куртке.

В помещении было душно. Сонно гудели кондиционеры, нагревая и гоняя по комнате воздух.

– Какого чёрта, Рэй, ты привязался к девчонкам Филт? Мало того, что ты учудил в прошлый раз?

Рэй коротко хмыкнул, вновь потянувшись к бутылке, чтобы наполнить

фужеры.

– Вот как, значит? Первое, что приходит в голову, исходя из поступка Линды, что-либо у девчонки есть яйца, либо нет мозгов. Мне представляется вероятным и то, и другое.

– А что? Одно другому не противоречит, – согласился я, принимая протянутый бокал. – Но с твоим утверждением я не согласен. Линда вовсе не совершила глупость, обратившись ко мне за помощью. По большей части, это единственный разумный поступок, который она могла совершить в данной ситуации.

– Считай так, коль хочешь. Твоё здоровье, Альберт! – отсалютовав бокалом, Рэй в один глоток осушил его более, чем наполовину.

– Ты не отрицаешь, что Мередит у тебя?

– Ну, не совсем у меня, но – да, её похитили по моему приказу, – не стал отпираться он.

– Что ты за неё хочешь?

Рэй сощурился, насмешливо созерцая меня из-под почти сомкнувшихся между собой длинных ресниц.

– А что ты готов предложить?

Вот скользкий тип.

– Я готов выслушать твои условия, Рэй. Поверь, с учётом тех эмоций, что во мне сейчас клокочут, это немало. Ты второй раз осмеливаешься в открытую угрожать моим людям. Чего ты добиваешься? Войны?

– Мне расценивать вопрос как угрозу?

– Пока расценивай вопрос как вопрос, а там поживём – увидим.

– Так, чтобы такое пожелать, чтобы не продешевить? – Кинг неприкрыто, цинично паясничал, явно получая от процесса удовольствие. – Пожалуй, я соглашусь вернуть сестру Линды за пламенную ночь любви?

– Не думаю, что она согласится.

– Да кто говорит о ней? – рассмеялся Кинг. – Я тебя имею в виду, сладкий. В прошлый раз ты порадовал меня и вовсе без всяких сделок. Как насчёт повторить?

– В прошлый раз обстоятельства были иными.

– Да? – деланно удивился он. – А в чём, собственно, разница?

– Во-первых, у меня есть невеста...

– Как зелен ещё виноград! Невеста? Да я вообще человек женатый!

– Ага. На моей сестре, кстати.

– Я помню, – поморщился Кинг. – Ладно, с «во-первых», разобрались. Что там во-вторых?

– А во-вторых, ты мне больше не нравишься.

– Мои моральные качества тебя не устраивают? Да плюнь! Получать от жизни удовольствие это не мешает, но решать, конечно, тебе. Я свою цену назвал – это ты.

Он, похоже, не шутил, как мне показалось в первый момент. Нет, вернее, это была игра, но снижать ставки тут никто не собирался.

– Ну, так что? – насмешливо глянул Кинг на меня. – Ты принимаешь моё развратное предложение о ночи, полной страстных содомитских ласк или, сберегая свою давно утраченную честь и порванную в клочья невинность, оставишь беззащитную деву в моих жестоких, острых когтях?

– А может быть ты бросишь ломать никому ненужную комедию, вернёшь Мередит домой, и мы забудем обо всём, будто ничего и не было?

– Нет.

– Вот так вот просто – нет? И всё? Но в чём смысл? Теперь шантажировать никого уже не удастся, ведь я в курсе твоих планов и...

Рэй красноречиво закатил глаза с таким выражением, что я смолк на полуслове:

– Ты в курсе моих планов? – хохотнул он. – Сомневаюсь. Потому что, если хочешь знать, их у меня вообще нет, по крайней мере, на твой счёт. Но бесплатный совет на будущее: если собираешься делать дело, никогда не впутывай в него женщин; из-за них всё наверняка пойдёт коту под хвост. На самом деле я не думал, что из шпионажа маленькой праведницы Филт может выйти что-то путное. От таких, как она вообще пользы ноль, если только тебе не нужно подписать открытку каллиграфически-ровным подчерком. Беспольные и надоедливые эти что всегда действуют строго по инструкции.

– Что-то слишком много пренебрежения, – пожал я плечами. – Мне кажется, ты лукавишь. Чем-то она тебя зацепила.

– Конечно, зацепила! Праведники такая редкость, что изучить их в естественной среде практически невозможно. Только начинаешь ставить опыты, расставляя искусные сети соблазна, как оглянуться не успеешь – они в них уже угодили и праведника уже нет как нет. Я не верю в честность, смелость и ум в людях вообще и в женщинах – в частности. Женщины слабые, изворотливые твари и ничего более.

– Ты действительно ожидал, что она расскажет мне о том, как ты пытаешься её шантажировать жизнью сестры? – мой бокал опустел, пришлось потянуться к бутылке и наполнить его заново. – Или всё-таки хотел насладиться игрой по полной, вода её как осла на верёвочке вокруг наживки-морковки?

– Ты меня раскусил. Но она меня... разочаровала. Или напротив?

Очаровал? С одной стороны, можно подумать, что молодой женщиной движут благородные чувства, что она не желает предавать тех, кому служит? Но я склонен видеть в её поступке лишь трусость и желание перевалить решение своих проблем на другого. В данном случае – на тебя. Салют! – опрокинул он очередную порцию алкоголя в свою бездонную глотку.

– Знаешь, в этом нет ничего дурного. Придумай она эту историю, чтобы получить какую-то выгоду – история смотрелась бы по-другому. А пока? Пока мяч на её поле, Рэй.

– Это твоё мнение.

– Это просто кто-то не умеет честно проигрывать и шельмует?

Рэй рассмеялся, кивком подтверждая верность своей догадки.

– Ладно. Признаю, Линда красиво держала удар: один-один.

– Ноль-два в её пользу. В прошлый раунд она тебя тоже обыграла, проявив мужество и характер, до которого тебе, Король Подворотен, далеко.

Улыбка сошла с его лица. Рэй, наклонив голову, смерил меня внимательным взглядом.

Потом, рассмеявшись, тряхнул головой.

– Ладно, чёрт с тобой, будь, по-твоему. Девчонка действительно с характером. И да, у меня перед ней должок.

– Значит ли это, что с моим предложением вернуть Мередит ты согласен?

– Сразу же, как только ты согласишься с моим, – мгновенно отозвался он.

– Кинг! Это же ребячество!

– Иногда можно позволить себе немного детский шалостей.

– Детских?..

– У всех детство разное, – пожал он плечами. – И развлечения – тоже.

– У меня нет настроения развлекать тебя!

– Это всё усложняет. Хотя тут как посмотреть? Вино забористое, не находишь?

– Что-то не заметил.

– Конечно, забористое! – настаивал Кинг. – Иначе с чего бы меня тянуло с тобой откровенничать?

– Ты откровенничаешь? – усомнился я.

– Пока нет, но сейчас начну. Итак, откровение первое: с Линдой играть интересно, но в этой партии цель вовсе не она.

– Даже так?

– Ага! – усмехнулся Рэй.

Оставив с очередной раз опустевший бокал, он притянул к себе уже целую бутылку, отпивая прямо из горла:

– Я человек очень широких взглядов, но есть вещи, которые даже у меня не вызывают одобрения. Понимаю, когда мои сыновья спят с друг другом – удовольствие стоит того, чтобы получать его везде, где можно. Но влюблённость между братьями – это лишнее. Вообще, странная у нас семейка, правда? Инцест правит бал. Вряд ли это не полезно для психики? Согласен?

Его глаза, нацеленные мне в лицо, искрились злым весельем. Кинг вполне осознанно топтался на моих любимых мозолях, развлекаясь всеми доступными ему средствами.

– Конечно, – процедил я сквозь зубы.

– Мне думается, всё дело в том, что Артуру требуется толчок. Он вернёт парня на правильную стезю. А малышка Мередит, такая неискушённая, такая чистая, такая нежная и трепетная, по воле злого монстра попавшая в беду и нуждающаяся в защите – чем не повод почувствовать себя если не мачо, так, хотя бы, просто мужчиной? Вот я тут и подумал на досуге, что малышам не помешает побыть вдали от цивилизации, в замкнутом пространстве, в обществе друг друга какое-то время. Она лишился части своего целомудренного нимба; он, прикоснётся к средоточию истинной женственности. Может, и отвлечётся от интрижки с Энджелом, представляющей богатому воображению блаженного Артура любовью всей его жизни. Ну, разве я не молодец? Разве мной не руководят самые благие намерения? – ухмыльнулось это великолепное чудовище.

Всё это было произнесено свойственным ему иронично-откровенным тоном. словно бы говоря это, Рэй иронизировал над всеми, кто мог бы поверить в произнесённую им чушь. Которая вовсе не была такой уж чушью, откровенно-то говоря.

– Наиковарнейший план, – холодно подвёл я черту под его монологом. – У меня вопрос.

– Валяй, – разрешил Кинг.

– Ты сознательно не учёл одну маленькую переменную в уравнении? Или это перчинка для придания игре большей пикантности?

– Ты о чём?

– Как – о чём? С твоей проницательностью как ты мог не заметить, что Ливиан увлечён младшей сестрёнкой железной Линды? Воистину, гениальная идея, сравить двух братьев, и без того не ладящих между собой. Пусть сцепятся. Наблюдать за этим чистое же удовольствие, да?

Лицо Рэя словно закаменело. Будто опустились невидимые задвижки, отсекая способность лицевых мышц отображать чувства. Маска из идеальных черт, а не лицо.

– Ливиан и – Мередит?.. – хмурясь, протянул он. – Неужели? Вот чёрт!

– Не переживай, ничего серьёзного между ними не было – Ливиан не хотел совращать бедную девочку. Особенно после того, как ты заставил его изнасиловать её старшую сестрицу. Конечно, есть шанс, что твой план не сработает, что образ Энджела останется незамутнённым в сердце Артура и он избежит искушения. Что память о Ливиане, в свой черёд, не даст искушиться Мередит. Но, если всё пойдёт, как задумано, всё обернётся весьма забавно – в твоём лучшем стиле! Аплодирую стоя. Кинг, ты король интриги!

– Пошёл ты!.. – раздражённо прорычал он, не зная, как сорвать досаду.

– Скажи, где Мередит и я не задержусь около тебя ни на секунду.

– Ты слышал моё условие. И плата вперёд... сладкий.

Он намеренно провоцировал меня. Нельзя сказать, что безрезультатно. Во мне закипала злость, а хуже злости я контролирую только похоть.

– Ты, видимо, запамятовал, Рэй, ещё о одной маленькой детали? Если у тебя в заложниках сестра Линды, то у меня в руках – твоя дочь. Прижмёшь меня к стенке, я отвечу ударом на удар.

Несколько коротких мгновений мы молча, в упор, с вызовом смотрели друг на друга, словно пытались померяться силой воли.

Хотя почему – пытались? Именно это мы сейчас и делали

– Ты смеешь угрожать жизни моей дочери? – Кинг побледнел в одно мгновение так резко, что выражение «бел как снег» в его случае перестало быть метафорой.

На моей памяти маска постоянной иронии впервые слетали с лица Рэя и оно стало видно без прикрас: лик беспощадного, яростного зверя, попавшегося в ловушку, которую расставлял другому.

– Всё будет зависеть только от тебя, Рэй. В отличие от тебя, я не получаю удовольствия, избивая людей или измываясь над ними каким-либо другим способом. Всё, что мне нужно, это получить Мередит назад живой и невредимой, как физически, так, по возможности, и психически. Но если этого не случится... – я сделал небольшую паузу. – Мне неприятно об этом говорить, ещё неприятнее представлять, что придётся это сделать, но твоя дочь пройдёт тем же путём и через ту же дорожку, какой ты заставишь пройти другую девушку.

– А кишка не тонка? – зло сощурился Рэй.

В этот момент у меня по спине потёк холодный пот. Чего доброго,

чтобы потешить свою воистину дьявольскую гордыню, он и родную дочь не пощадит. Тем более, что свидетельств его горячих родительских чувств у меня точно не имелось.

– У меня? – хмыкнул я. – Тонка, однозначна. Лично грязную работу я точно выполнять не буду. Но за определённую плату всегда можно найти людей, что не гнушаются ничем. К тому же, девочки в нашем роду далеко не так живучи, как мальчики.

– Ты бросаешь мне вызов, Альберт Элленджайт, – это прозвучало не как вопрос. – Напрасно ты так делаешь.

– Я не бросаю вызов, а отвечаю на него. Если хочешь услышать мои просьбы, мольбы и уговоры – я прошу, молю, даже умоляю вернуть мне девушку на любых твоих условиях. Угрозы – это крайняя мера. Я всей душой хотел бы их избежать.

Заострившиеся черты разгладились и Рэй расслабился. В его позе появилась прежняя вальяжность. Но я бы не стал с уверенностью утверждать, что он готов к сделке. Оставалась вероятность, что он либо задумал, либо даже успел придумать очередную виртуозную пакость. Надо отдать ему должное, они у него получались преотлично.

– Тебе бы в дипломатическую миссию, Элленджайт. Уверен, дипломат из тебя бы вышел отменный. Сладко говорить гадости, внушая при этом доверие, удаётся далеко не каждому. Но я услышал всё, что ты хотел сказать.

Он снова потянулся к бутылке.

– Так? – напряжённо выдохнул я. – Что ты предпочитаешь? Войну? Или мир?

Он выдержал паузу. А потом ответил:

– Война интересней.

Прищурившись, Кинг посмотрел на просвет через алую жидкость, кажущуюся из-за тёмного стекла, в которой плескалась, почти чёрной. Потом перевёл взгляд на меня и рассмеялся ядовитым, тихим, шелестящим смехом:

– Ты полный психопат, – с отвращением дёрнулся я.

– Да, это так. Упрямый, чокнутый психопат, обожающий сложные партии. Но, вопреки сложившемуся мнению (а я приложил немало усилий для того, чтобы оно сложилось таким, каким сложилось), я люблю мою дочь.

Рэй поставил опустевшую на две трети бутылку на пол и, поднявшись, приблизился ко мне, встав рядом, плечом к плечу так, что мы почти соприкасались.

В его синих глазах плескались бесшабашно-весёлые, злые огни.

– Я люблю мою дочь. Но ещё больше я люблю выигрывать, получая то, что хочу. Пусть это даже всего лишь мимолётный каприз.

Он поднял руку и его пальцы, словно лапки зловещего паучка заскользили по моей шее, в то время, как он сам обошёл меня по кругу, встав у меня за спиной. Я всей кожей ощущал его горячее дыхание.

– Я не останавливаясь ни перед чем в достижении моих желаний, потому что я действительно тот, кем меня принято считать: эгоистичная скотина, безжалостная тварь, ведомая лишь низменными желаниями. Можно даже сказать – инстинктами.

Об обнял меня, прижимая к себе с такой силой, что я не мог не почувствовать его сильно эрегированный, почти каменный член, упирающиеся мне в ягодицы.

– Но ты же ведь не такой, да, Альберт, да? – насмешливо выдыхал он слова и они, горячие и влажные, вливались мне в ухо. – Тебе, в отличие от меня, свойственны альтруистические порывы? На весах две чаши.

Его руки скользнули под мою рубашку. Прохладные гладкие пальцы, легко пробежавшись по коже живота, умело и расчетливо возбуждая, принялись пощипывать мои соски.

– На одной из них жизни двух милых девушек, – его подбородок остро упёрся мне в плечо, а дыхание согревало ухо. – На другой – удовольствие, пусть и с неприятным осадком измены. Измена – это нехорошо, но смерть ведь ещё хуже?

– Если спросить того, кто изменяет – несомненно. А вот другая сторона часто считает иначе.

– Если бы у тебя был выбор узнать о выборе своей невесты (уж прости за невольный каламбур), что бы ты предпочёл: её верность или смерть?

– Глупый вопрос.

– Разве?

– Что за глупая игра, Кинг?!

– Ты не ответил.

– Я бы предпочёл её жизнь! Если для Катрин оно в другом человеке, я бы принял это известие в разы легче, чем известие о её неприятностях. Что уж говорить о смерти? Да, я бы предпочёл измену смерти. Доволен?

– Но ты почти уверен, что Катрин думает иначе? – голос Рэя так и сочился ядом.

В нём неподражаемо смешивалось вождение, насмешка и азарт сумасшедшего игрока.

– Тут дело в другом.

– В чём же?

Его рука опустилась ниже, коварно-чуткие пальцы заставили напрячься не только меня, но и мой член, а в мои планы это категорически не входило!

Однако особенности мужской анатомии таковы, что наших страстей (а иногда и отсутствие таковых), увы, но не скроешь.

Я повернулся к нему лицом так, что нас разделяли всего какие-то жалкие дюймы.

– Дело в доверии, Кинг. У меня есть все основания верить в порядочность Катрин, а у неё, рискну предположить, поводов верить в меня куда меньше.

– Так что же, в таком случае, ты теряешь, если веры тебе всё равно нет?

– Боюсь, ты прав, – развёл я руками. – Что дальше?

– Дальше?..

Ладони Кинга вновь сомкнулись у меня за спиной, спускаясь вниз, к талии.

Задержавшись на ягодицах, он провёл по ним большими пальцами, лаская с нарочитой медлительностью:

– То, что ты ещё не послал меня к чёрту значит – «да». Вот, что дальше, мой сладкий.

Я серьёзно задавался тем же самым вопросом, что светился в насмешливых глазах Рэя – почему я молчу? Почему не отстранюсь? Потому ли, что не хочу рисковать жизнью девушек? Или потому, что в глубине души вовсе не прочь воспользоваться подвернувшимся случаем, развлечься на всю катушку?

Наклонившись вперёд, Рэй провёл языком по моим губам и прежде, чем я успел ему ответить или оттолкнуть, с такой силой прижался к моему рту, что тонкая кожица на нижней губе, треснув, засадила. Словно хищник, почуявший кровь, он пришёл в неистовство. Мощный удар в живот едва не вышиб из меня сознание, заставив тело обмякнуть от боли, а рот – наполниться густой, вязкой кровью.

Кровь и боль действовали как афродозиаки, были словно наркотик.

По венам и артериям растекался жидкий огонь, переплавляя все эмоции в желание того, чтобы боль усиливалась до бесконечности, заставляя расплачиваться за наслаждение, которое шло с ней рука об руку.

Я не удержался от вскрика, дёрнувшись, как раненное животное, когда Рэй вошёл в меня.

Не в обычаях Кинга было щадить, да и, откровенно говоря, я не хотел

пощады.

Входя на всю длину, преодолевая сопротивление сжимающихся мышц, он наслаждался теми редкими сдавленными стонами, что удавалось у меня вырвать. Безжалостное, яростное давление внутри вызывало спазмы острой боли – жестокой настолько, что даже сознание уже не потерять.

Дышать можно было лишь урывками.

Он жадно глотал мою кровь. Он снова и снова продолжал мучительную пытку, трахая меня так неистово, что мне казалось, ещё чуть-чуть и я просто сломаюсь пополам.

Короткий полу-вскрик, полу-всхлип... судорога.

И всё закончилось.

Кинг отпустил меня, тяжело дыша.

– Ты не кончил, – засмеялся он.

– А должен был? Это условием договора не стояло.

Превозмогая острую боль, я выпрямился, поправляя смятую одежду.

Рэй продолжал смотреть на меня таким взглядом, что я на мгновение пожалел, что у меня нет плаща-невидимки.

Шапка-невидимка тоже бы сгодилась.

– Ну, что ж? Можешь считать, что я тебя изнасиловал. Тогда ты, вроде как, своей красавице-невесте и не изменял, да? – издевательски засмеялся он, подхватывая с пола недопитую бутылку и опустошая её в один глоток.

Всё тело обнимала пульсирующая боль.

Болел желудок, рядом с которым существовал единственный орган, которого нет ни в одном другом человеческом теле, кроме наших – орган, вырабатывающий те самые непонятные антитела-гормоны, что отвечали за ускоренную регенерацию тканей в нашем организме. Разламывались почки, будто начались жёсткие почечные колики. Голова тоже жутко болела.

Но больше ломила душа. НУ какого чёрта я допустил, чтобы это вообще случилось?!

– Ты получишь свою Мередит в ближайшие дни, – пообещал Кинг.

– Часы, – поправил его я.

– Дни, Элленджайт. Мне ведь ещё нужно добраться туда, а им – обратно. Но не переживай сильно. С девчонкой всё будет в порядке... хотя, – сощурился он, – ты ведь не из-за этого переживаешь, да?

– До встречи, Рэй.

– Увидимся... сладкий, – заржал он мне в лицо.

Чёртов Рэй!

Хотя по-своему он бесподобен. Расчётливый гад, умеющий взять всё и не дать в ответ ничего, вывернуть наизнанку и тело, и душу. Он меня

поимел во всех смыслах этого слова. А я, словно последняя тряпка, даже злиться на него не могу. Не получается.

Зато на себя – сколько угодно.

Меня тошнило от себя, воротило до такой степени, что хотелось сбросить с себя кожу, перестать быть самим собой. Хотелось, чтобы боль усилилась.

Но нет такой боли, что могла бы искупить моё слабование и сластолюбие.

Напрасно я верил, что смогу измениться. Могила горбатого не меняет, она лишь скрывает его горб.

Глава 14. Альберт

Я проиграл.

Нет Кингу. Тому, что в нём олицетворялась – квинтэссенция зла.

Завтра будет ещё один день и ещё одна ночь. Сколько их успеет пройти, прежде чем я вернусь к себе, прошлому, окончательно?

Мир, который я тщательно пытался для себя выстроить, мир, в котором я пытался исправиться, стать чем-то другим – иллюзорен, а Кинг реальный бес. Он дал мне возможность солгать самому себе, и смеялся мне в лицо, потому что знал, что это не так.

И знал, что я это знаю тоже.

Он, как зеркало, показал мне моё же собственное лицо. Правду, от которой я пытался прятаться. Дело не в Синтии, не в Рэе, не в Ральфе – дело во мне самом.

В прошлом Ральф во время наших совместных попок часто говорил, что моя проблема в том, что я не хочу примериться со своей тёмной стороной и потому, в итоге, причиняю людям куда больше зла, чем он сам или Синтия.

Примириться со своей тёмной стороной – что это значит? Дать свободу затаённым тёмным инстинктам и не чувствовать угрызения совести? Кому от этого станет легче?

Да что бы он там не говорил, в итоге он и сам не смог примириться с тем, кто он такой. Иначе после самоубийства нашей кухни не съехал бы с катушек. Ральф ненавидел себя куда больше, чем я.

Причина нашей с ним трагедии в том, что мы не могли обуздать свою жестокую похоть и не могли при этом не чувствовать неправильность происходящего.

Что мне сделать с Катрин? Отпустить её? Или затянуть в свой ад,

поломав, искалечив душу, разбив сердце?

Она не сможет принять меня таким, какой я есть! А если сможет, тогда (вот парадокс!) её не смогу принять я. Она нужна мне жестокой и чистой, не принимающей мою тёмную половину. Нужна ангелом, борющимся против дьявола, живущего в моей душе.

Последний приступ боли стал таким острым, что я вынужден был резко затормозить.

Я едва успев распахнуть дверь, чтобы кровь, фонтаном брызнувшая из горла, как шампанское, из которого неумело вытащили пробку, не загадила весь салон.

Земля плыла под ногами. Я словно летел над ней на воздушном шаре.

Вкус у крови был горький, с металлическим привкусом. Обычно, когда приступ подходил к завершающему кульминационному аккорду, боль медленно отпускала, но в этот раз чувство было такое, что поселившийся в теле зверь решил сожрать меня живьём и всё никак не мог насытиться, заставляя горлом выплёвывать собственные внутренности, чёрно-алыми комками, падающими на серый асфальт.

Чувство реальности стало расплывчатым. Я не связывал возмущённые сигналы, льющиеся со всех сторон, с собственной остановкой до тех самых пор, пока мой взгляд не остановился на полицейских ботинках.

– Эй! Здесь нельзя парковаться! Ты что, знаков не видишь? – Патрульный осёкся на полуслове, в ужасе глядя на меня.

То ещё зрелище!

Мои руки, пальто и, судя по ощущениям, губы с подбородком были в чёрной, липкой крови.

Такая же кровь лужей растекалась у моих ног.

Мысли и эмоции полицейского были такими сильными, что их обрывки удалось поймать. Вернее, ловить не хотелось – не улавливать не получилось. Слишком уж ярко он их транслировал. И первой его мыслью было, что я маньяк и он вот-вот нарвётся на труп.

Непроизвольно рука полицейского потянулась к кобуре.

Вот ведь чёрт! Если он сейчас начнёт в меня стрелять?..

А может, пусть постреляет?

Интересно, организм сумеет переваривать с дюжину пуль №-ного калибра в том состоянии, в каком он сейчас находится? Или всё-таки сдохнет?

– Поднимите руки над головой, – тихо велел он мне.

Вообще-то у меня не было уверенности, что я смогу выполнить то, что он требовал. Зато я точно знал, что у меня нет желания выполнять эти

требования.

– Труп здесь нет – пока, кровь моя...

– Я сказал – встать!

Навязчивый малый.

Сил почти не осталось, но вся эта история должна завершиться как-то ещё до того, как сюда подоспеет на подмогу напарник. Или начальник. Или ещё какой-нибудь крутой чувак. С парочкой таких упрямых и навязчивых управиться будет сложнее.

Если вообще получится.

Перехватив его взгляд, я пристально посмотрел стражу порядка в глаза:

– Уберите пистолет и уходите. Немедленно.

Глаза его остекленели, взгляд перестал быть осмысленным:

– Идите на своё рабочее место. На свой пост, – уточнил я.

Он покорно пошёл в одну сторону, а я – в другую, обратно в автомобиль.

Голова кружилась. Прошибало в холодный пот. Во рту держался отвратительный металлический вкус.

Хоть бы глоток воды! Но воды нет, а в супермаркет зайти за бутылкой «Аквы» я не рискнул.

Куда теперь? Домой? Судя по времени, Катрин должна была уже успеть вернуться.

Испачканное кровью пальто пришлось скинуть на заднее сидение, руки наскоро протереть влажными салфетками. Так хотя бы непохоже, что я только что кем-то перекусил, предварительно разорвав его на части.

Как обычно после приступа нервы были на пределе. В такие моменты я всегда чувствовал себя неврастеником, готовым психануть по любому поводу. Раздражало до предела всё: человеческие голоса, вспышки света, любой шум, даже случайный шорох. Чтобы удерживать внимание приходилось следить за дорогой, тогда как больше всего хотелось забраться под тёплый плед и, выдохнув, расслабиться.

Словно нарочно выбрав самый неподходящий момент, Катрин, никогда обычно мне не звонившая, решила изменить правилам.

Поколебавшись мгновение, я всё-таки решил ответить:

– Да.

– Альберт?..

– Я тебя слушаю.

– У тебя что-то случилось?

– Почему ты спрашиваешь?

– Наверное из-за помех в связи у тебя какой-то чужой голос?

Ну да, конечно. Пространство способно искажать голоса. И не только оно, но и ряд физических или душевных переживаний.

– Ты сейчас где?

– Стою в пробке.

Кстати, не так, чтобы совсем говорил неправду. У светофора машин скопилось вполне прилично. Вот-вот и наметится затор, как тромб в кровеносных сосудах.

– Ты домой едешь?

В голосе Катрин звучала надежда.

– Альберт! Ты меня слышишь?

В её слышится тревога. Я должен её успокоить? Конечно, должен.

– Слышу.

– С тобой точно всё в порядке?

– Всё нормально.

– Ты скоро приедешь?

Мне было плохо, даже отвратительно. И я хотел видеть Синтию, а не Катрин. Мне нужен был человек, с которым я мог бы не притворяться, быть самим собой.

Я так устал. Я хотел домой!

Но мой дом теперь рядом с Катрин, будь оно всё неладно.

«Маски сорваны, господа. И над всем воцарилась Красная Смерть».

– Альберт?

– Да, я слышу тебя, Кэтти, слышу! Буду приблизительно через четверть часа, может быть, через полчаса. Как доеду.

Мне показалось или я действительно услышал, как она с облегчением выдохнула.

Всегда поражался этой женской особенностью – чувствовать. Ведь ты тысячу раз можешь пойти в тысячу мест, она и не заметит, но вот когда ты направляешься к её сопернице – чувствуют безошибочно, как акула кровь.

Март подходил к концу. Снег на улицах почти растаял, но этот вечер выдался не просто прохладным, а пронизывающе холодным. Один из тех, когда, несмотря на то, что отметка на градуснике не опускается ниже нуля, порой и минус десять переносить легче, чем такую непогоду.

Такое чувство, что выстуживающие душу ветра дуют отовсюду и сразу, а в довершение, под занавес, с неба огромными хлопьями стал падать мокрый снег.

Дом, сверкающий тёплыми огнями через большие окна, выглядел островком уюта, тепла и чистоты.

Когда я был ребёнком, думал, что бог жесток и потому не пускает грешников в рай, оставляя их томиться в аду. Теперь склонен думать иначе. Грешники сами в рай не пойдут, потому что мучительно видеть чужую чистоту отчетливо созерцая собственное несовершенство.

Мне тяжело с Катрин, как тяжело бывает с ребёнком, при котором невозможно говорить на взрослые темы. Мне тягостно с ней, потому что я боюсь разочаровать её. Рядом с ней я не могу быть самим собой и вынужден притворяться кем-то другим – тем, кем я искренне хотел бы быть, но кем не являюсь.

У меня не хватает храбрости сбросить маску, и мы оба живём во лжи.

На самом деле мне не место в маленьком уютном домике рядом с чистой домашней девочкой. Меня тяготит приближающаяся свадьба. Я хочу к себе прежнему – хочу вернуться в Кристалл-Холл, к Синтии. Только как это сказать об этом Кэтти?

Тихо отворив дверь, я положил окровавленное пальто на подзеркальник у большого трюма, стоявшего в прихожей. Длинный коридор с лестницей, уходящей на второй этаж, часть стены и несколько дверей в другие комнаты отражались в нём, расширяя пространство.

Видимо, Кэтрин дожидалась моего появления. Её силуэт вырос над моим правым плечом. Распушенные волосы золотым нимбом сияли вокруг головы, а белое домашнее платье ещё больше усиливал её сходство с ангелами.

Лицо её было наряжённым, словно она ждала неприятностей.

– Ты поздно сегодня, – проговорила она тихо, с обидой в голосе. – Обещал же приехать пораньше?

– Просто, но непредвиденные обстоятельства задержали.

– Ты мне о них не расскажешь?

– Не хотел бы говорить.

Стоило мне выйти из тени, взгляд Катрин сделался пристальней. В нём прибавилось напряжение, как у приготовившейся к прыжку кошки.

Кошки, которая собиралась не напасть, а удрать.

– Что с тобой? – взволнованно произнесла она, делая шаг навстречу, а я с трудом удержался, чтобы не отшатнуться от протянутой ко мне руки.

Мне казалось, что коснуться Катрин сейчас, после того, что у меня было несколько часов назад с Кингом, неправильно, как святотатство.

– Ничего особенного, – с искусственным, напускным легкомыслием проронил я. – Просто приступ.

– Приступ?

– Да. Ты же знаешь, время от времени с мужскими представителями

нашего рода такое бывает. Кстати, чем не предмет для научного исследования? Хотя не уверен, что соглашусь быть подопытным кроликом для твоей диссертации. Но ведь это было бы интересно?

Мой тон её на обманул.

– Я приготовила ужин, надеялась провести этот вечер вместе, – смахнула она с лица несуществующая паутина. – Как понимаю, всё отменяется?

– Ну, почему? Мы вполне можем...

– Что? – повернулась она ко мне. – Когда ты плохо себя чувствуешь, ты не можешь есть, я это знаю. И мне не нужны жертвы, Альберт.

– Я охотно посижу с тобой, пока ты ужинаешь.

– Спасибо, но тебе будет лучше пойти к себе, отлежаться и привести себя в порядок.

Всё, что мы говорили друг другу – всё было не то. Неправильно.

– Мне жаль, что так получилось...

– Мне тоже, – холодно оборвала она меня, резко повернулась и ушла в комнату.

Следуя за ней, всей кожей я чувствовал исходящий от Кэтти сдерживаемый гнев.

Комната была нарядно убранной, стол красиво сервирован: свечи, цветы, фарфоровые тарелки, аппетитный запах.

Ну, он должен быть аппетитным для любого человека, который полчаса назад не оставил половину своего желудка на соседней мостовой. Меня же сейчас, как беременную девицу, мутило от любой пищи.

Катрин стояла ко мне спиной. Я видел, как она изо всех сил старается держать спину ровно. Остаться невозмутимой, сдержанной, спокойной и уравновешенной. Может быть, зря?

– Не поинтересуешься, что меня сегодня задержало?

Она пренебрежительно повела округлым плечом:

– Семейный приступ, ты же сказал.

О! Ирония? Да неужели?

– Приступ был следствием. Есть ещё и причина.

– Что за причина?

Обойдя стол, я сел напротив неё, скрестив руки на груди.

Её показная невозмутимость откровенно бесила.

Наори она на меня, устрой сцену, расплачься – всё было бы лучше, потому что живые эмоции дают выход энергии, а скандалы, как гроза, очищают, позволяя, пусть и с боем, но найти дорогу к взаимопониманию – дорогу друг к другу. Ну, или в конец рассорившись, расстаться.

Но это чёртова холодная вежливость – чтоб её!

Ладно, играем в сдержанность и холодность, котёнок? Будь, по-твоему.

Когда я злюсь, я не умею думать о последствиях. Или мне становится на них просто плевать.

Потянувшись за виноградом, я отщипнул пару ягод и забросил их в рот. На вкус они показались как политая лимоном картонка.

– Ты ничего не замечала в последние дни?

– А что я должна была заметить?

– Ну, я не знаю. Может быть, отсутствие чего-то? – я, раскусив, проглотил ещё пару ягод. – Или – кого-то?

– Да мне регулярно кого-то не хватает.

– Да?..

– Альберт! Оставь свои игры. Хочешь что-то сказать – скажи.

– Удивительно, котёнок, как часто я, слово в слово, хочу сказать тебе тоже самое, но понимаю, что это будет лишним. Ты ведь всё равно останешься молчаливой, холодной и отстранённой словно луна на небе. Светить – светишь, греть – не греешь. Скажи, что ты ко мне чувствуешь? И чувствуешь ли ты ко мне хоть что-то вообще?

Катрин в упор посмотрела на меня. Грудь её волнующим образом вздымалась под тонким платьем.

– А ты? Что ты чувствуешь ко мне? – блеснула глазами она. – Способен ли ты чувствовать? Хотя о чём это я? Конечно, способен! Ты такой любящий брат!

– Осторожней, Кэтти.

– Осторожней?! Да как ты смеешь?!

– Смею – что?..

– Ты ведь хотел сегодня поехать к ней?

– С чего ты взяла?

– Ведь хотел? – глаза Кэтрин сухо и зло блестели. – Почему не поехал? Потому что я позвонила? Вернула тебя с полдороги?

– Что за нелепые фантазии?

– Не лги мне! – её крик прозвучал неожиданно, требовательно, хлётко, будто одним голосом она отвесила мне пощёчину.

Она швырнула телефон на стол, по разные стороны которого мы оба сидели.

– Видишь это? В этих маленьких милых штучках есть много разных интересных программ.

– Я знаю.

– Видимо, не обо всех, – резко бросила она. – Есть программка,

позволяющая отследить местонахождение человека. Обычно её используют для того, чтобы знать, где находятся дети, но отследить мужа или любовника вовсе не сложно.

Её длинные, гибкие пальцы скользнули по чёрному экрану, и он сразу засветился, открывая карту дорог с маршрутом, обозначенным красным штрихом. Чёткая красная алая линия, виртуально указывающая на проделанный мной сегодня путь.

– Довольно далеко за город, правда? Полагаю, ты нанёс визит Рэю Кингу?

– Почему ты думаешь, что именно ему?

– А кому же ещё? Хотя, там ведь много народу. Его сын. Его другой сын. Его дочь. Впрочем, последняя, вряд ли. Девочек вашей семье больше уважают, чем любят. То ли дело – интересные мальчишки?..

– Кэтти...

– Зачем ты ездил к Кингу?

– Ты говоришь таким тоном, что это начинает походить на допрос!

– Зачем ты ездил к Кингу, Альберт? Ты не ответил на вопрос.

– И не отвечу, – устало потёр я переносицу.

– И не надо. Я знаю.

– Знаешь? – усомнился я. – Что ты знаешь? Опять очередная неизвестная программа этого мира?

– Именно, – кивнула Катрин.

Очередное движение пальчиком с ухоженными, короткими ноготками и смартфон ожил, показывая картинку.

Вы никогда не мечтали увидеть со стороны как смотрите в любовных играх? Я так точно не мечтал.

Чёртов Кинг! Дьявольское отродье! Какого чёрта он это сделал?! Какую цель преследовал? Или его страсть к разрушению в целях не нуждалась? Он просто получал острое наслаждение, разрушая чужие судьбы, психику, отношения!

Я его недооценил. Или переоценил? В любом случае это был удар под дых или даже хуже того – коленом в пах.

Ракурс был взят сбоку. Качество съемки не то, чтобы отличное, но самое главное рассмотреть позволяло без возможности усомниться в том, кто есть кто.

– Молчишь? Неужели природное красноречие оставило тебя, Альберт Элленджайт? – с издёвкой спросила она меня.

Да уж. Такого шока в жизни переживать ещё не приходилось. И такого стыда. Я даже не представлял, что настолько стыдно вообще может быть.

Участвовать в процессе, даже с учётом всех индивидуальных нюансов гораздо лучше, чем наблюдать за этим со стороны.

– Так и будешь молчать?! – почти взорвалась Кэтрин.

Интересно, если бы мне прислали видео, на котором она бы развлекалась с Мередит, чтобы я почувствовал? Счёл бы это забавной выходкой? Постарался бы доказать, что быть с мужчиной гораздо приятнее, чем с женщиной? Или попросил взять меня в компанию?

– Альберт!

– Что ты хочешь, чтобы я сказал?

– Да хоть что-нибудь!

Внезапно меня обуял почти истерический смех. Нет, то, что я мог сказать в свете сложившейся ситуации было так драматично, что фарса смешнее и не придумаешь! Я не просто ж так трахался – я спасал честь дамы. Рыцарь, от которого ускакал даже конь. Так, на всякий случай. Во избежание неприятных инцидентов.

Кэтрин болезненно дёрнулась, будто я плеснул в неё кипятком. Наверное, восприняла мой смех как издёвку? Но честное слово, мне было не до иронии, не до издевательства и не до насмешек. Если бы я мог выбирать между продолжением этого разговора и провалиться на месте, вот без преувеличений и аллегорий – выбрал бы второе.

– Хочешь объяснений? Ладно. Будут тебе объяснения! Кинг предложил мне на выбор одновременно сложный и простой вариант. Как и большинство людей, я выбрал тот, что показался проще и, как это бывает с большинством – просчитался.

Кэтрин смотрела на меня пустыми глазами. Она не понимала, о чём я.

– У Рэя сезон игр. На этот раз ему захотелось на кон поставить жизнь Мередит и, чтобы с ней не приключилось того же, что случилось с Линдой, я принял его предложение... интимного рода. Мне, в отличие от неё, не привыкать трахаться. Правда, возможности современной техники я не учёл. На то, что ты окажешься в курсе и, уж тем более, что это произойдёт так быстро, я никак не ожидал.

– Ну ты и мразь! Ты ещё и Мередит в это впутываешь!

– Не сочти за попытку оправдаться и как-то приукрасить, но впутывать Мередит приходится по одной простой причине: она в это уже впутана. И вовсе не мной. Но это так, для справки.

– Так ты в этой истории благородный рыцарь? Пострадавшая сторона?
– Катрин покачала головой.

Выражение её лица было самое что ни на есть саркастичное.

– Это твой особый талант – во всех случаях оборачивать дело так,

чтобы оказываться жертвой?

– Катрин, я понимаю всю пикантность ситуации. Но давай не будем переходить границ?

– Муж родной сестры, мужеложец и расчётливый интриган, о каких границах ты говоришь?

– Расчётливый интриган? С чего бы это?

– С того! Ты не взглянул бы на меня, если бы каким-то непостижимым для себя образом я не оказалась наследницей всех ваших денег. Но ни один человек не может притворяться долго, а особенно тот, кто не привык ограничивать ни своих дурных порывов, ни своих желаний. То, что ты срываешься, это полбеды. Но зачем ты мне врешь? Я же с первых дней сказала, что готова заключить с тобой фиктивный брак? Готова отдать тебе то, что ты со своей сестричкой считаешь своим по праву. Зачем было так поступать со мной? Зачем внушать ложные надежды? Ты мог бы получить свои деньги, не играя моими чувствами!

– Кэтрин, всё не так!

– Хватит! – подскочила она и, не разделяя нас стол, наверное, набросилась бы на меня с кулаками. – Хватит, слышишь?! Довольно! Я не железная! Я и без того терпела слишком долго то, чего терпеть нельзя!

– Что же ты такого терпела-то? Разве я чем-то обижал тебя?

– Ты мне лгал. Ты мне изменял. Ты меня использовал. Обидел ли ты меня этим? Да! А вот это?.. – схватив смартфон, она швырнула его с такой силой что, ударившись об угол стола, тот покрылся зловещими трещинами.

– Думаешь, после того, как я это видела, я подпущу тебя к себе? Да не ближе, чем на пушечный выстрел! Ты мне отвратителен! Видеть тебя не могу, слышишь?! Убирайся! Убирайся немедленно. Вон! И из моего дома. И из моей жизни. И из моего сердца и мыслей – убирайся прочь!!! Не смей тут снова бледнеть, вздыхать и красноречиво падать в обмороки. Предупреждаю, это не сработает. Тебе ничто не поможет, можешь хоть сдохнуть! Мне всё равно.

Взволнованная, разгорячённая, с горящими от ярости глазами и с выступившим от волнения румянцем на скулах Катрин была чудо как хороша. Я не мог оторвать от неё глаз.

– Ты меня слышишь? Я серьёзно. Уходи.

Катрин с вызовом смотрела на меня. Её можно было понять. И я отлично понимал.

Но... уходить никуда не собирался. Вот такой я нехороший человек.

Действительно – нехороший. Я шёл к этому не один день.

Глава 15. Альберт

– Зачем ты так? – попытался возразить я ей, прекрасно понимая всю тщетность попытки. – Ты хочешь разорвать нашу помолвку? – спросил я.

– Ты не в состоянии услышать? Или понять услышанное? Да, никакой свадьбы не будет. Можешь считать меня мелочной, но денег ты от меня тоже не дождёшься – ни пенни! Даже скрываться не стану – это мелочная месть за ложь, стяжательство и непорядочность.

Я не привык проигрывать. Чувствовать себя поверженным было странно. В это как-то не верилось.

Элленджайты не проигрывают.

Однако не похоже, чтобы Кэтти блефовала. Напротив, весь её собранный, деловитый вид, взятый ею холодный, официально-неприступный тон говорили о решимости не хуже самих слов.

– Ты выгонишь меня на улицу? – недоверчиво покачал я головой.

– Не только тебя, но и твою сучку-сестру!

– Ты это несерьёзно.

– Уж поверь, серьёзно. Ещё как, – скрестила руки на груди Кэтти.

Она затеяла дурную игру.

Что касается меня, я скорее позволил бы себе отрубить обе руки, чем согласился навредить ей, но милая домашняя кошечка пытается зайти на очень опасную, дикую территорию – там, где большие деньги всегда и большая кровь.

Деньги – изобретение дьявола. Они всегда даются в обмен на что-то. За малые суммы платишь физически – трудом и нервами; за состояние всегда приходится платить больше, например, душой, отдавая по изрядному такому, большому её куску за каждый миллион.

Состояние Элленджайтов неисчислимо. Проклятые семьи, как правило, очень богаты.

Словом, мои размышления сводятся к тому, что девочка-божий-одуванчик (пусть даже и очень-очень злой одуванчик) проживёт недолго, если решится осуществить свои планы на практике. Стоит Катрин всерьёз заявить о себе в этой игре, Синтия разорвёт её, как акула. Я уж не говорю о рыбёшке поменьше, у которой есть свои интересы.

Я никогда не жил не то, чтобы в нищете – даже лёгкую нужду представить себе не могу. Положа руку на сердце, если бы потеря состояния действительно мне грозила, я бы, возможно, мог бы пойти на то, в чём сейчас меня обвиняла Катрин – женитьбу по расчёту. Но сейчас это не наш с нею случай. Катрин много значит для меня сама по себе.

Была ли то, что я чувствовал к ней, любовью? А по каким критерием измерить это чувство? Меня заботило её благополучие, тревожили печали; ранило то, что причинило боль ей. Мне нужно было видеть Катрин, нужно было знать, что с ней всё в порядке – каждый день. Нравилось на неё смотреть. Желание, что она во мне вызывала, было смешено, скорее, с нежностью чем с пылкой страстью, но если оно и было менее пылким, то лишь по той простой причине – я боялся шокировать, оттолкнуть её некоторыми моими страстями и потребностями.

В сексе с Катрин слишком многое я не мог себе позволить потому что, в отличие от Синтии и всех тех женщин, с которыми я связывался до сих пор, она была чистой и ранимой. Я не покидал ложе неудовлетворённым, но жил в страхе, что порочная часть меня, загнанная в тень, дожждётся своего часа и однажды вырвется. Я не доверял самому себе. Я себя слишком хорошо знал.

Откровенно говоря, я давно ожидал нечто подобное тому, что произошло сегодня, просто не думал, что оно случится так быстро и так... глупо?

Рэй Кинг ещё заплатит за моё унижение. Он нанёс мне серьёзный, болезненный удар даже особенно не напрягаясь.

Смысла в случившемся не было никакого. Кинг не получал от этого никакой осязаемой выгоды, кроме удовольствия морально раздавить другого человека.

Хотя, очень может быть, у него план существует. Если на Катрин женится кто-то другой, положим, он сам или кто-то из его сыновей, ему не придётся брать нас в расчёт. Вообще.

А Синтия вряд ли согласится так рисковать. Она предпочтёт устранить Катрин физически. И это, в общем, это разумно. Только мне никак не подходит.

Прав был Экзюпери: в действительности всё иначе, чем на самом деле.

Что в действительности? Катрин милостиво одаривает меня собой, благородно, честно и бескорыстно разделяя со мной всё что, с её точки зрения, она могла бы и не делить.

На самом деле наша свадьба спасает ей жизнь, а я выполняю роль связующего звена между смертью и жизнью.

Но попытайся я ей раскрыть правду, она воспримет это как угрозу с моей стороны. Или вообще никак не воспримет.

И что же делать?

Кинг, гениальная сволочь, поставил меня в ситуацию, в которой куда ни шагни – всюду шах и мат!

Я не люблю лгать. Но не могу убедительно о любви в сложившихся обстоятельствах, хотя мои чувства вполне искренние.

Всё, что я смог из себя выдавить, было:

– Я не отпущу тебя. И дело не в деньгах.

– Не отпустишь? – вскинула она, как лошадь, которой вожжа попала под хвост. – Да куда ты денешься? Я не выйду замуж за содомита!

– А если я дам слово, что этого никогда и не под каким предлогом больше не повторится?

– Дашь слово? – пренебрежительно засмеялась Катрин.

И смех её звучал оскорбительней слов.

– Да зарекалась свинья в грязь не ходить, но больно уж лужа была хороша! Чего стоит твоё слово?

– Я никогда не нарушал обещаний, Кэтти. Будь же справедлива?

– Ты так говоришь, но на деле же сплошная ложь?

– Сильно сказано. Мне неприятно это признавать, но у тебя есть основания так думать. Я многое недоговаривал...

– Многое?!

– А что я должен был сделать? Прийти и с порога похвастать своей связью с Кингом?

– Вариант, в которой этой связи вообще не существует, ты не рассматриваешь? – сощурила Кэтти свои огромные, как у куклы, глаза.

– Катрин, я никогда не был монахом.

– Это ещё очень мягкая обрисовка ситуации.

– У меня были связи с мужчинами и раньше. Ты об этом знала.

– Я, по наивности, которой нет оправдания, надеялась, что эти «связи» остались в твоей прошлой жизни. Сегодня убедилась – ты не привык отказывать себе в удовольствиях.

– Это не было удовольствием.

– Нет?

– Можешь не верить, ощущения были далёкими от приятных.

– Кинг плохой любовник?

– Дело не в нём.

– Так в чём?

– В наших фамильных особенностях.

– Кругом и всюду эти *ваши* фамильные особенности!

– *Наши* фамильные особенности. Ты – урождённая Элленджайт. Пусть кровь твоя разбавлена, но где-то в твоих венах плутает тот шен-хромосом, что сделает твоего сына похожим на меня, на Кинга и его сыновей. Хочешь ты этого или нет – это неминуемо. Правда лишь в том случае, если родится

сын. С девочками всё иначе. Вы куда больше похожи на обычных людей.

– Хватит прикрывать свои пороки пустой чепухой!

– Как скажешь. Но за всеми сказанными словами я так и не услышал ответ: если я дам тебе слово, что ничего подобного, – я кивнул в сторону треснувшего смартфона с проклятым видео, – больше не повторится, ты согласишься не рвать помолвку?

– Я ничего не могу поделать с тем, что не верю ни одному твоему слову. Я тебе не доверяю, Альберт.

– Настолько, что даже рада воспользоваться случаем, чтобы избавиться от меня?

Она помолчала, словно обдумывая услышанное, потому проронила:

– Возможно.

Но это «возможно» было весьма и весьма красноречивым. Оно лучше долгих выяснений дало мне понять, что не только мне наши отношения казались проблемой.

– Не торопись ставить на мне крест!

Мне было тошно идти по классическому сценарию и давить на жалость, но с женщинами эта игра всегда действует безотказно. Игра, под названием «Блудный грешник готов исправиться во имя Любви, лишь дай ему шанс, о, прекрасная!».

– Не сейчас, когда я действительно готов измениться к лучшему.

– Ну да. Ты готов. Я видела...

– Но я хотел поступить как лучше! Пояснительную записку к своему операторскому шедевру Кинг не приложил. Но ты хотя бы помнишь, с чего начался наш разговор?

По вопросительному взгляду Катрин я понял, что она действительно успела далеко уйти от исходной точки. Я был рад освежить ей память:

– Линда пришла ко мне в офис и сообщила о том, что Кинг шантажирует её жизнью сестры, требуя добыть для него информацию. Что я по-твоему должен был сделать? Выразив сочувствие, поехать домой ужинать?

– Ты должен был со мной посоветоваться...

В голосе Катрин не доставало решимости. Отлично!

– Хотя бы рассказать мне обо всём.

– Возможно, но я действовал необдуманно, на эмоциях.

Я врал. На эмоциях я не действую никогда. Но ей об это лучше не знать.

– Я рассчитывал на то, что Кинг разумный человек и, выслушав мои доводы, согласиться решить вопрос мирным путём. Я просчитался и

оказался не готовым к тому, с чем пришлось столкнуться. Кинг опасный безумец. Мои слова он встретил издёвками да смехом, за ними последовали угрозы. Он не одобрил поведения Линды, искавшей защиты у того, за кем по его приказу ей следовало шпионить, и пообещал убить твою подругу, если только я не соглашусь... – я выдержал небольшую паузу, словно подбирая слова. – Не соглашусь сделать то, чему ты уже стала свидетелем. У меня не было оснований не воспринять его слова всерьёз, ведь уже приходилось стать свидетелем того, как скор он на расправу и с какой фантазией порой подходит к делу. Я решил, что моя...хм-м? С позволения сказать, честь, стоит дешевле, чем жизнь Мередит. И, уж прости, даже в свете всего случившегося продолжаю придерживаться этой точки зрения.

– А тебе не приходило в голову, что Кинг нарушит данное слово?

– Не нарушит.

– Ч чего ты вял?! – всплеснула Катрин руками.

– Он нашей крови. У нас недостатков выше крыши, пороков – того больше. Но давая слово мы его держим – всегда.

– Очередная фамильная особенность?

– Можно сказать и так.

– Значит, ты у нас герой? – с сарказмом протянула она. – Пожертвовал задницей ради того, чтобы вытащить чужую шею из петли?

Я не смог удержать улыбки, которая под разгневанным взглядом Кэтти сразу же увяла.

– И ты совсем-совсем не рад был вспомнить старые дурные привычки? – она приблизилась, коснувшись рукой моего плеча.

– Я же уже говорил тебе: для любого Элленджайта спать с другим мужчиной скорее болезненно, чем приятно.

– Зачем же тогда это делать?

Её рука заскользила по моей груди, пробираясь под рубашку один в один так же, как делал это Кинг несколько часов назад. Но, в отличие от него, близость её по-кошачьему мягкого, хрупкого, с приятными округлостями, тела, кружила голову. От волос струился лёгкий цитрусовый аромат с ноткой свежести.

А губы так соблазнительно округлялись, когда произносили звуки.

– Позволь угадать? – протянула Катрин, скользя руками по бокам, опуская к талии, и это движения повторяя за Кингом.

И когда она успела так хорошо это запомнить? Никак несколько раз проглядела?

– Фамильные особенности, да? – сощурилась она так сильно, что нижние ресницы почти сошлись с верхними.

– Да, – выдохнул я, с трудом удерживаясь от того, чтобы не закрыть глаза.

– Что Элленджайты испытывают, когда спят с мужчинами, ты мне рассказал. А что они испытывают, когда спят с женщинами?

– Во многом зависит от женщины, – уронил я.

– Но боль женщины не приносят?

– Боль может быть разной. С мужчинами её чувствуешь во время процесса, а с женщинами, как правило, позже. В нашем роду женщины славятся своим умением доставать до печени не одним, так другим способом.

– Говорить дерзости не в твоих интересах, Альберт Элленджайт! Ты просишь прощение? Или нарываешься на скандал?

– Я не люблю просить прощения и редко это делал. У меня мало опыта, я в этом не хорош.

– Как смягчающее обстоятельство это тебе не засчитается.

Катрин пристально вглядывалась в моё лицо.

– Если я сейчас попрошу тебя уйти и никогда больше не попадаться мне на глаза, что ты сделаешь? – вопросительно дёрнула бровью она. – Откажешься от кучи деньжищ, что тебе причитается?

Женщины – страшные существа.

Получив, прочувствовав власть, мужчина частенько превращается в монстра, но у большинства из нас мозги не так изобретательны и изощрены, а воображение и вполонину не так сильно, как у женщин.

Деньги и власть меняют людей, я не раз бывал тому свидетелем. Стоит человеку подняться на пару ступенек и все его благие устремления превращаются в пшик.

Ещё полгода назад я встретил милую девочку.

«Удобную и управляемую», – гадко шепнул мне внутренний голос, до отвращения похожий на голос Ральфа. – «Она была мила, безопасна и удобна, как котёнок. Развращена ли она деньгами? Ты это всерьёз, счастье моё? Может быть девочка просто взрослеет? И – перестает быть удобной? Но положи руку на сердце, кто тут сыграл роль катализатора в процессах, – ты или деньги? – большой знак вопроса».

– Если ты думаешь, что деньги, идущие с тобой в одном комплекте, значат для меня больше человеческий отношений – ты ошибаешься. Чувствуешь себя хозяйкой положения? – пришёл мой черёд раздражённо щуриться.

Лица Катрин казалось хищным и высокомерным. Мне не нравилось это выражение.

– Сейчас я продемонстрирую тебе на что способен. Так, на всякий случай, чтобы вопросов больше не возникало.

Я поднялся.

– Иди за мной, – велел я ей.

Она заколебалась:

– Зачем?

– Сказал – иди.

Когда я злюсь по-настоящему, я редко повышаю голос. Гнев заставляет его звучать тихо, он словно бы лишается всех оттенков. Заслышав его, Катрин побледнела. Я прямо-таки чувствовал, как гнев подталкивает её взбунтоваться, в то время как здравый смысл и любопытство побуждают подчиниться мне.

Решив, как можно быстрее разрешить её дилемму с колебаниями, я схватил её за руку и потащил за собой по направлению к рабочему кабинету.

– Не трогай меня!..

Рывком подтянув её к себе так, что наши лица почти соприкасались, я выдохнул из своих губ в её:

– Замолчи. Просто – замолчи и делай то, что велю.

Она с горячей ненавистью поглядела на меня:

– Ты специально причиняешь мне боль?

Голос её звучал не громче моего. И гнева в нём было не меньше.

– Решил переломать мне кости?

С железной хваткой я переборщил, так что пальцы я разжал, позволив Катрин освободиться.

– Просто иди за мной в кабинет, – попросил я. – Это ведь не сложно?

Она поглядела так, будто клопа у меня на лице взглядом раздавила. И демонстративно зашагала вперёд. Войдя в кабинет, остановилась перед столом, скрестив руки на груди:

– Доволен?

– Сядь.

Катрин с нарочитой покорностью опуститься на высокий стул.

– Что дальше?

Я обошёл стул, открыл стол и вытащил оттуда несколько бланков.

– Дальше я продемонстрирую тебе один небольшой фокус, дорогая невестушка. Чисто в рамках эксперимента. Чтобы ты смогла для себя кое-что уяснить.

– Демонстрируй.

– В последнее время я посвятил тому, что изучал юриспруденцию. Эта

наука всегда была от лукавого, но в ваше время она продвинулась на пути к дьяволу даже ближе, чем раньше. Впрочем, всё это лирика.

Я пододвинул бланк и подтолкнул к ней гелиевую ручку.

– А теперь ты напишешь дарственную на моё имя. Подаришь всё движимое и недвижимое имущество.

– Это глупо, Альберт. С какой стати мне это делать?

– С такой, дорогая моя невеста, что у тебя нет выбора. Бери ручку.

– Да пошёл ты!

В следующую секунду Катрин с удивлением глядела на свою руку, которая с покорной точностью выполнила мой приказ.

Я мог бы погрузить её в транс, в котором она бы подписала всё, что я хочу и сделала всё, что мне в голову придёт, совершенно бессознательно. Но мне нужно было, чтобы она оставалась в сознании, чтобы понимала, что происходит.

Прочувствовала и поняла правильно.

– Итак, начнём, любимая? Первым пунктом заполняем данные о дарителе и одаряемом. Тут не обойтись без удостоверения личности... Впрочем, по счастью, у меня фотографическая память, я помню даже то, что не совсем понимаю.

Под мою диктовку Катрин заполняла пункт за пунктом.

Имущественный список был внушительный.

Она сопротивлялась. И сила воли у неё была не слабой. А подобные фокусы – они не бесплатны. Внутренности буквально плавилась от боли, будто их омывала не моя кровь, а серная кислота. Кровь то и дела выступала на губах и платок, которым приходилось её стирать, пропитался ею почти насквозь.

– Отлично, дорогая. Теперь – дата и подпись.

Взгляд Катрин обжигал мне лицо. Но гнев – обратная сторона печали. Это правило распространяется на всех Элленджайтов.

– Закончила? Поднимись и отдай мне документ.

– Ты и отсюда можешь отлично его взять

– Я сказал: поднимись и дай.

И снова её тело предало Катрин – оно подчинялось мне, а не ей в прямом смысле этого слова.

– Теперь возьми стакан, налей в него воды, раствори в нём ложку соли и выпей.

– Зачем?..

– Потому что я так хочу.

– Чтобы ты сдох, урод, – прошипела она в то время, как её руки

выполняли мой приказ, наполняя стакан водой, а воду – солью.

– У меня пока самые невинные желания, дорогая. С моими способностями я мог бы придумать что-нибудь по-интересней.

– Так ещё не рассвет. Наверняка придумаешь?

– И не надейся. По-крайней мере – сегодня, – насмешливо фыркнул я, в очередной раз вынужденно стирая кровь со своих губ.

Катрин залпом осушила бокал.

– Доволен?

– Да.

Я убрал контроль.

Она стояла, глядя на меня сверху вниз.

Глупая девочка, в том, что случилось, она видела лишь моё желание показать ей свою силу? Что ж? Придётся провести разъяснительную работу.

– Видишь, милая, я могу получить всё, что хочу. Всё твоё будет моё.

– Это незаконно, – невозмутимо отозвалась Катрин. – Завещание и дарственные составляются при свидетелях, а не кругом заинтересованных лиц. А то, чем ты показательно крутишь у меня под носом, стоит не больше использованной туалетной бумаги!

– Ошибаешься. Я могу внушить Линде, что она составила этот документ. Могу внушить Калхауну, что он при этом присутствовал. Да что Калхауну? Я могу убедить в этом твою драгоценную Мередит так, что она с полной искренностью будет свидетельствовать против тебя в мою пользу в любом суде. И ты – тоже. Ты забудешь настоящие обстоятельства. Ты будешь помнить лишь то, что я тебе внушу.

Катрин смотрела на меня серьёзно, без гнева. В глазах её промелькнуло понимание. Затем ужас. До неё начали доходить истинные масштабы бедствия.

– Я могу заставить выпить тебя вовсе не соль, милая, а яд. Или, скажем, заставить воспользоваться смертельной дозой опиатов. Все знают о том, что богатенькие мальчики и девочки злоупотребляют героином или кокаином, никто не станет задавать ненужных лишних вопросов.

Невольно я залюбовался Катрин. Она сохраняла чувство собственного достоинства и была в этот момент чудо, как хороша. Печальный ангел, попавший в ловушку к демону и только теперь осознавший, как далеко всё зашло – волшебный меч не действует, крылья в клетке бесполезны.

Её голос не дрогнул, не взвился вверх, не сорвался на крик. Она сохраняла полное спокойствие.

– Унижая меня, ты получаешь удовольствие, Альберт?

– Нет.

– Я и не подозревала до какой степени ты чудовищен. До какой степени опасен. До какой степени... нелюдь.

– Я был бы чудовищем, если бы поступал так, как говорю. Но на самом деле я никогда этого не сделаю. Я не причиню тебе вреда, Катрин. И не позволю сделать это другим.

Говоря это, я порвал подписанную ею бумагу – на половинки, на четвертушки и, наконец, на мелкие клочки, бросив их на серебряный поднос, заставляя вспыхнуть.

Бумага занялась легко, быстро обращаясь в пепел.

– Где гарантия, что сейчас ты не заставляешь меня видеть то, что хочешь сам?

Я приблизился к ней.

– Не подходи ко мне! – прошипела она, в ужасе отшатываясь.

Я чувствовал, страх её подлинный. Она не играла.

– Я только хочу, чтобы ты поняла: я с тобой не потому, что мне от тебя нужны деньги. Я мог бы получить их давно и без тебя, если бы хотел. Мне нужны ты!

Она продолжала пятиться, пока не наткнулась на стену, после чего взгляд у неё стал совсем как у затравленного зверька, загнанного охотником в смертельную западню.

– Не подходи, Альберт! Не надо...

Я остановился, глядя на неё с болью:

– Ты всё время спрашивала, почему я не был с тобой полностью искренен? Вот и ответ, Кэтти. Я не хотел, чтобы ты смотрела на меня так, как смотришь сейчас – с ненавистью, осуждением, страхом. Я – всё ещё я. Я такой же, как месяц назад. Я не стал опасней ни для тебя, ни для других. Просто теперь ты знаешь больше, вот и всё.

– Но месяц назад я не видела, как тебя трахает Кинг! И мои руки в твоём присутствии не переставали мне принадлежать. Если такова твоя реальность, я в ней жить не хочу.

– Почему ты не хочешь меня понять?!

– Потому что не могу! Я обычный человек, Альберт! У меня всё обычно, а от себя в пору с ума сойти! От тебя, твой сестры, Кинга! От всех этих ваших странных, болезненных отношений!

– Я не встречался с Синтией с тех пор, как мы сблизились. Не встречался, как с любовницей, я имею в виду. Но она моя сестра! Я не могу вычеркнуть её из своей жизни, своего сердца полностью. Ты не вправе этого от меня требовать.

– А ты не можешь от меня требовать всё время терпеть рядом с собой эту ужасную, жуткую женщину. Что мне делать? Каждый раз, как ты встречаешься с ней, с Кингом, с его детьми думать о том, как вы развлекаетесь на сей раз? Или не развлекаетесь? Плюс к тому теперь ещё придётся сомневаться в том, что вокруг не виртуальная реальность, которую ты для меня придумал?

– Я никогда не поступал так с тобой, Кэтти. Скажу больше – я и с другими людьми никогда так не поступал – если только в порядке самообороны? Ещё раз повторюсь: если кто-то может что-то сделать, не значит, что будет.

– Альберт... просто уйди. Я не смогу жить с тобой. И никому из нас это по-настоящему не надо.

– Не говори за меня, пожалуйста.

– Ты не любишь меня. Не любишь так, как любишь Синтию. Возвращайся к ней. Я не...

– Не говори мне, что делать, ясно?! – гаркнул я, нависая над ней, заключая в клетку из собственных рук и тела. – Я люблю тебя не так, как Синтию, но ты дорога мне! И если я не был честен с тобой, то только потому, что боялся тебя ранить.

– Правильно боялся – ты меня ранил. И если не хочешь совсем меня уничтожить, оставь в покое!

Глаза Катрин сухо блестели. Они казались горящими на бледном тонком лице.

– Просто – уйди. Если хочешь, я по-новому подпишу эти чёртовы бумаги! Я всё отдам, только отпусти меня. Пожалуйста!

– Хочешь от меня освободиться? – склонился я к ней ещё ниже, нависая с угрожающей близостью.

Она не пыталась отстраниться, да и не получилось бы – за спиной Катрин по-прежнему маячила стена.

– Я так и сказала!

– Слов недостаточно! – упрямо махнул головой я, заодно отбрасывая спадающие на глаза волосы. – Хочешь убедить меня в том, что желаешь свободы – придётся действовать.

– Что? – изумлённо приподняла брови она. – Действовать? Как?.. – в недоумении передёрнула она плечами.

– Не знаю – как, но уж как-нибудь подойдчивей. Так, чтобы сомнений в твоей неприязни не оставалось.

Взяв нож, я протянул его ручкой вперёд.

Катрин нахмурилась, глядя на холодное лезвие. Потому на лице её

отразилось понимание и отвращение:

– Ты с ума сошёл? – не столько прошептала, сколько прошипела она. – Не думаешь же ты, что я стану играть с тобой в эти дурацкие игры?!

– Станешь. Если действительно хочешь уйти.

– Я не...

– Используй его. Докажи серьёзность своих намерений.

– Я надеялась решить проблему менее...хм-м? Радикальным способом.

– Я не умру. Удара ножом недостаточно, чтобы отнять мою жизнь. Это просто развлечение.

– Сегодняшний вечер – это что-то! Незабываемое впечатление за впечатлением! Такое чувство, что ты нарочно копил их один к одному, чтобы вылить в один присест всё фамильное безумие и странные сексуальные фантазии.

– Боль и секс действительно неплохо сочетаются, но извращённые фотосессии с Кингом, уж поверь, в мои планы точно не входили.

Катрин скривилась от отвращения, но тут же лицо её вновь приняло спокойное выражение.

– Ты знаешь, что я никогда не смогу навредить безоружному человеку.

– Я знаю, что ты лжёшь сейчас. Не мне – себе. Мы оба знаем, что я не безоружен – я сам по себе оружие. И ты вовсе не маленькая белая пушистая овечка, ты будущий хирург и держать скальпель в руках умеешь.

– Это не скальпель.

– Режет не хуже.

Она провела ладонью по глазам, словно стремясь скинуть с них невидимую мне повязку.

Голос её зазвучал устало:

– Не верю, что это вообще происходит на самом деле: я стою и всерьёз обсуждаю возможность воткнуть в тебя нож?

– Представь при этом что-нибудь вдохновляющее.

– Например?

– Например, как я, припёртый к стенке данным тебе словом вынужден буду исполнить обещанное и уйти?..

Катрин взяла из моих рук нож скорее машинально, чем осознанно, недоверчиво глядя на отливающее синевой, остро отточенное лезвие.

– Ты ведь не веришь, что я могу это сделать? – спросила она.

– В этой жизни никогда ни в чём нельзя быть уверенным.

– Ты во мне не уверен? – сверлила она меня вопросительным взглядом.

– Я знаю, ты девушка с характером и с принципами. Но насколько

далеко ты способна зайти в погоне за ними? Вот этого не знаю. Но допускаю возможность того, что достаточно далеко.

Катрин усмехнулась, и в этот момент стала гораздо больше похожа на всех нас – и на себя, ту, которой едва ли сама себя знала. Тьма, которая присутствовала в ней также, как и в Синтии или во мне. Пусть и в меньшей степени, но всё же?

Фамильная тьма: желание причинять боль в первую очередь тем, кого мы вождедем.

Тёмная сторона есть у всего, кроме солнца. Свет без тени беспощаден, он сжигает дотла. Тень и должна быть. Меня тени никогда не пугали. Меня пугает их отсутствие. Гораздо страшнее, когда в человеке не видно изъянов.

Она подняла лезвие и приставила его к моему горлу. Острие легко касалось ямки под подбородком, дразня кожу заворачивающим холодком.

–О! Вижу ты решила подойти к решению с огоньком и фантазией? Я бы предпочёл пощекотать нервишки в других местах...

Я хотел наклониться ниже, чтобы интимно прошептать речь на нежное девичье ушко, но нож несколько ограничивал мою свободу. По нему заструилась алая капля крови, густая и маслянистая, закапав на её бледные белые пальчики.

– Это в каких же?

Она не сопротивлялась, словно замороженная, когда, сжав пальцы на тонком запястье, я потянул её руку вниз, слегка прижимая острие ножа к собственному телу, так, чтобы оно прочерчивало на обнажённой коже тонкую царапину.

Боль была совсем лёгкой, невесомой, как паутинка и такой же дразнящей – поцелуй бабочки, обманчиво-призрачный, существующей скорее в воображении, чем наяву.

Скользнув по костям ключицы, надрезав кожу на груди, он нерешительно дрогнул в её руке.

Катрин пыталась разжать пальцы, но я не позволил ей этого сделать.

– Не надо! – жалобно пискнула она.

От неё веяло страхом с лёгким шлейфом возбуждения. И это заворачивало. Заводило лучше любого афродизиака.

Тепло, так же естественно исходящее от тела Катрин, как аромат исходит от цветка, притягивало к себе меня так же верно, как её красивое лицо, выступающее из дымки стеклянных волос. Не отпуская взгляд.

Прозрачные, как студёная вода или зимнее небо, глаза. Холодные, хмурые, серые. И губы, нежные, гладкие, словно лепесток розы, разогретый солнцем. Коснуться их, испробовать их вкус в это мгновение

стало такой же острой необходимостью как глоток воды после долгой прогулки в знойный день.

Её губы дрожали под моими губами. Что тому было причиной? Волнение, связанное с желанием, которого она не желала принимать, но которому всё равно покорялась?

Любить женщину можно по-разному.

Иногда вступая в чертоги женского тела действуешь подобно варвару-завоевателю, сокрушая преграды, опустошая недра, выгорая в горниле страсти сам до тех пор, пока не придёт бессильное изнеможение, пока не разожмёшь объятий, опустошённый и чёрный, как дом после пожара, в котором не осталось ничего, кроме копоти.

Иногда это поединок, иногда – игра. Иногда просто ни к чему не обязывающее общение, мимолётное, почти случайное, как прикосновение рук.

Тело Катрин было подобное чистейшему сосуду, прозрачному хрусталу, в котором плескалась сияющая субстанция её души. Оно было чистым и прикасаясь к нему я каждый раз словно бы причащался, получая прощение и отпущение грехов.

Её плоть была словно сплетена из тугого шёлка. Волосы, в которые мои руки ныряли как в волны; губы – их дыхание согревало и будоражило воображение; гибкий, узкий, как стебель лианы, подвижный стан в моих руках; нежный бугорок девичьей округлой груди, уместающейся в ладони и волшебная раковина, в которой таилась жемчужина женственности, сладкая, как мёд и пьянящая, словно южное вино из высшего сорта виноградника.

Когда я сжимал тело Катрин в своих объятиях, мне казалось, что я обнимаю свет, пью из его волшебного источника. Словно невидимые крылья ангела стряхивали с меня оковы былых грехов. Я чувствовал шелковистые крылья, обнимающие меня со всех сторон и поднимался на восхитительную высоту седьмого неба.

– Я никуда тебя не отпускаю. Никогда, – сказал я, жадно прижимая её к себе.

Катрин в ответ только вздохнула и опустила ресницы.

ГЛАВА 16. Мередит

Когда тебя похищают похитителя положено ненавидеть. Или бояться. Нормальным людям свойственно наблюдать за своим тюремщиком улучая момент, чтобы сбежать без оглядки, теряя тапки и сверкая пятками.

Возможно, это было иллюзией, но у Мередит создавалось стойкое впечатление, что сбежать за бесконечно-длинный вечер она могла бы множество раз, но факт в том, что даже не пыталась.

В детстве Артур ей почти не запомнился. Она всегда липла к Ливиану, а его младший брат был чем-то вроде неясного пятна на заднем плане. Что-то или, в данном случае, кто-то, кто проходит фоном – вроде есть, а вроде бы его и нет, так, декорация. Забавно, что Артур запомнил её гораздо лучше, чем она его.

Однако, после последних событий, Мередит его теперь уж точно не забудет!

Это походило на пытку. Затянувшаяся агония, которой не предвиделось конца. Тёмный дом, дорога, обрывающаяся далеко за кромкой леса, из которого не выбраться. И хрупкий молодой человек похожий на поломанную куклу.

Мир отодвинулся далеко, а в узкий проём окна из комнаты свет потихоньку уходил и, словно бы, густея, превращался в белый клубящийся туман там, за стеной.

В отличие от Линды, Мередит всегда была мягкосердечной. В ней легко было вызвать сопереживание, сострадание, жалость. Дар эмпатии был её сильной стороной с детства. А теперь, стоило ей взглянуть на Артура, как сердце переполнялось чувством – он походил на опустошённый сосуд, из которого вылилось всё, ради чего этот сосуд создавался.

Не получалось увидеть в этом изломанном создании угрозу для себя. И всё же Артур пугал Мередит. Пугал совершенной безжизненностью, опустошённой.

Что должно произойти с человеком, чтобы сделать его таким?

Нет, он не представлял для неё опасности. Если Артур Брэдли и был для кого-то опасен, то только для себя самого. Весь, как оголённый нерв, как искрящий провод – сплошная боль.

Мередит так хотелось помочь чем-то, хоть как-то унять его боль, пусть всего лишь на короткое мгновение. В тоже время она понимала, что бессильна. Её знаний недостаточно, чтобы облегчить ему физические муки, уже не говоря о чём-то большем.

Всё, что она могла сделать в данной ситуации – это не создавать проблем и просто быть рядом.

Всё заканчивается – Мередит это точно знала. И хорошее, и плохое имеет конец.

Света оставалось всё меньше, а темнота, напротив, с каждой минутой густела. Но это только к лучшему. Темнота скрывала острые углы.

И кровь – много крови.

Мерedit следовало бы найти ключи. Или смартфон. Следовало бы позвонить Линде. Искать выход. Пытаться вернуться домой. Вместо этого она сидела на полу рядом с Артуром, держа его за руку, а иногда, когда судорога скручивала его тело, наваливаясь всем телом ему на плечи, чтобы хоть как-то удержать его бьющееся тело.

Он дышал прерывисто, часто. Иногда с его губ срывались стоны, но чаще он молча кусал их.

Мерedit почти молилась о том, чтобы он потерял сознание, но этого не происходило.

Наблюдать чужие страдания мучительно. Это истощает, опустошает.

Состояние Артура Мерedit бы диагностировала как болевой шок. Конечно, в данном случае это был не классический случай, но всё же симптомы сходные: апатия, заторможенность, безразличие к происходящему, чрезвычайная бледность кожи, почти не прослеживающийся, частый, нитевидный пульс, понижение температуры тела, поверхностное дыхание и крупные капли пота, стекающие по лицу – судя по внешним признакам, как минимум, третья степень.

Вспомнить последовательность действий при болевом шоке у пациента трудности не составляло. Несмотря на то, что видимых повреждение на теле не наблюдалось, кровопотеря у него была огромная, а, следовательно, терапия должна начинаться классически, с приведения к нужному объёму циркулирующей жидкости через восполнение кровопотери внутривенным вливанием растворов. Мог бы помочь Полиглюкан или Стабизол. После восстановления кровопотери следовало нормализовать внутреннюю среду организма.

– У меня есть новокоин и промедол, – обрадовалась Мерedit.

Артур, повернув голову, посмотрел на неё. В темноте Мерedit не столько увидела это, сколько смогла почувствовать.

– На меня не действуют обезболивающие, – тихо выдохнул он.

– Но хотя бы капельницу поставить ведь можно? – не желала она терять энтузиазма.

– У тебя... – он втянул в себя в воздух, выгнувшись на несколько секунд.

Потом, расслабившись, продолжил тем же тихим, лишённым всякой интонации голосом, от которого сердце Мерedit одновременно сжималось от жалости и странного смущения. – У тебя есть капельница?

– А что здесь такого? Я ведь будущий доктор, – усмехнулась она.
– И что, каждый будущий доктор таскает с собой в машине кучу медицинских препаратов на все случаи жизни?

– Нет. Но бывают совпадения. У меня есть с собой Стабизол.

– Что это?

Судя по голосу, Артур вообще не особенно понимал, о чём спрашивает. Погруженный в собственные ощущения, он задавал вопросы словно бы из вежливости, по необходимости.

Несмотря на это, Мередит все же ответила:

– Препарат, улучшающий кровоснабжение и предотвращающий склеивание эритроцитов.

– Стало гораздо понятней, – фыркнул он.

– Это заменитель плазмы крови.

– Лучше не надо.

– Почему?

– Скорее всего все твои заменили лишь отстрочат финал, продлив приступ. Давай лучше оставим всё, как есть?

– Ты даже не хочешь попробовать?

– Нет, но, если ты настаиваешь, сопротивляться не стану. Только учти, до сих пор все попытки врачей помочь оборачивались к худшему.

– Достижения современной медицины...

– Давай лучше применим твои заменители после того, как всё закончится? Толку будет больше.

Мередит не знала, возможно, он говорит правду. «Не навреди», – вот главный медицинский постулат.

Ей было бы проще, если бы она могла действовать, но что, если для Артура её бездействие действительно будет полезней?

– Уходи, – несколько раз предлагал он ей.

Но Мередит не могла уйти.

– Ты стойкий оловянный солдатик, – сказал Артур потом, когда всё закончилось. И Мередит восприняла это как комплимент.

Ещё одна она успела понять за вечер: приступ – это кровавый кошмар. А Кинги, наверное, и впрямь не люди, людям такого не пережить.

Мередит чувствовала себя как после приёма слишком большой дозы успокоительного. Происходящее казалось далёким и, если бы не осознание того, что её помощь может быть нужна, она свернулась бы где-нибудь в уголке и уснула.

С детства была такая реакция на стресс – тянуло в сон.

– Помоги мне добраться до ванной, – попросил Артур.

Мерedit, обняв его за талию, попыталась выполнить его просьбу.

Тело Артура было худым и лёгким, словно он был не из плоти, а из дорогого фарфора. Как те куклы, которые они с Катрин когда-то нашли в Хрустальном Доме.

К удивлению Мерedit, ванна оказалась куда уютней и теплей, чем можно было ожидать. Радиаторы сделали своё дело – комнаты прогрелись. И вода, хлестанувшая из крана, была с неприятным ржавым оттенком, но зато горячая.

Свет после долгого пребывания в темноте больно бил по глазам, беспощадно высвечивая всё то, что до этого оставалось скрытым – розовые кровоподтёки на белой рубашке, на острых краях воротника и манжетах; расплывшиеся алые пятна на груди и животе.

Волосы Артура взмокли от пота и вились, особенно сильно – на висках. Лицо его было бледным до синевы, черты заострились, отчего сквозь присущее ему меланхоличное выражение стало просвечивать что-то опасное, чему сложно подобрать сравнение.

Опасное, но не хищное и не злое. Артур, в отличии от остальных – Альберта, Ливиана, Энджела, не говоря уже о Рэе Кинге, – нёс угрозу не окружающему миру, а самому себе. Но стоять и смотреть, как кто-то методично уничтожает себя не менее страшно, чем глядеть на убийцу, преследующего жертву.

Перехватив взгляд Артура, Мерedit смёщенно отвернулась.

– Можешь смотреть на меня, если хочешь. Мне это не неприятно.

– Я не знаю, чего хочу. Просто... просто я очень устала. И всё вокруг такое ненастоящее.

Мерedit вздрогнула, ощутив, как Артур обнимает её со спины за плечи. В удивлении она обернулась.

– Мне жаль, что пришлось втягивать тебя во всё это. Я не хочу причинять тебе вреда, – шепнул он.

– Тогда – не причиняй, – улыбнулась Мерedit, пожимая плечами.

– Иногда я думаю, что сам воздух вокруг нас словно отравлен и, хотим того или нет, но стоит чего-то коснуться, как оно уже отравлено, – грустно вздохнул Артур.

«Странный он», – подумала Мерedit.

– Ты, кажется, хотела помочь мне раздеться? Я бы не возражал.

Мерedit не стала тянуть время. Пальцы скользнули по пуговицам на его рубашке, высвобождая те из них, что ещё держались, из узких прорезей петелек.

Вода веселым водопадом лупила по ванне, с напором выливаясь из

крана, наполняя комнату паром.

От усталости голова кружилась до такой степени, что хотелось уцепиться за плечи Артура, лишь бы остановить это кружение. А сердце билось где-то высоко, так, что ритм его пульсировал в ушах, будто набитых ватой.

У Артура была тонкая, гибкая шея, острые плечи, поджарое тело. И кожа, гладкая и упругая, словно натянутая на каркас мышц. Самое странное, что она вдруг как-то слишком обострённо это воспринимала. С учётом ситуации, его ориентации и того, что Артур был братом Ливиана.

«Я ненормальная? Какого чёрта происходит?», – пронеслось в голове.

Стараясь избавиться от двусмысленной близости, Мередит постаралась побыстрее стянуть с Артура окровавленную рубашку, но пуговицы на его запястьях воспрепятствовали процессу.

– Вот чёрт! – в сердцах дёрнула она за рукав и те с лёгким треском отлетели, позволяя рубашке, наконец, упасть, а Мереди получила возможность отступить от Артура, пятясь.

– Дальше, надеюсь, сам?

И какого чёрта он так смотрит на неё? Слишком пристально, внимательно, будто читает её мысли. Будто понимает, что она чувствует.

– Что-то не так? – нервно спросила она.

– Твоё платье тоже в крови. И ты замерзла.

Артур протянул руку и, сжав пальцы на запястье Мередит, притянул её к себе.

Мередит с удивлением поняла, что ей не хочется возражать. Что человеческое тепло, голос, свет и жизнь – это то, чего ей отчаянно не хватает после нескольких часов, проведённых в темноте, на холодном полу, рядом с умирающим.

– Да, я вижу. И чувствую – тоже, – усмехнулась она. – Как только примешь ванну, я сделаю тоже самое... Что ты делаешь?! – воскликнула она, когда, подхватив её на руки с удивительной силой, какой никак не ожидаешь от сублильного и бледного умирающего, Артур поставил её в ванную.

Через мгновение, перешагнув металлический бортик, сам оказался рядом, под горячей струёй воды, льющейся из душа сверху.

– Так гораздо теплее! – улыбнулся он Мередит, внезапно оказавшейся в ловушке его мокрых рук.

– Я не знаю... не уверена...

Договорить она не успела. Вернее, не смогла, обомлев и потеряв дар речи. Попытаться назад возможности уже не было – Мередит и без того

упиралась в стену.

Артур был наг. Струи воды омывали белую кожу на его плечах, стекали по груди, неожиданно мускулисту животу к узким мальчишеским бёдрам.

Белый пар волшебным образом окутывал его фигуру.

Совершенно невозможно смотреть голому человеку в лицо. Глаза так и норовят опуститься ниже.

Странно, стыдно, неловко, но Мередит всё равно пялилась во все глаза, а голову её наполнял золотистый пар, тот самый, что распространялся вокруг, пока взгляд цеплялся за мускулы на груди; за капли, скользящие вниз, по животу с едва заметными кубиками пресса.

Было смертельно неловко стоять в кругу слишком яркого света, льющегося из лампочек, отражающегося от светлого кафеля на стенах.

Мередит казалось, что она слепнет и она закрыла глаза.

Наверное, зря это сделала. Во тьме острее ощущалось его присутствие и её уязвимость. Тело совершенно не хотело сопротивляться тому, что его ласково обнимают, притягиваясь каждой клеточкой к теплу и мягкому, обманчивому сиянию другого тела.

Одежда вымокла в миг и липла так, словно бы её и не было. С мокрых волос она стекала на лицо.

Артур обнимал, прижимая Мереди к себе бережно, нежно и так крепко, что не чувствовать его возбуждения у Мередит не было возможности.

Она задыхалась. В пару, в горячей воде совершенно нечем было дышать. Ноги скользили на мокром кафеле и поэтому приходилось цепляться за его плечи, чтобы не упасть.

В то время, как, запрокинув ей голову и прижимая к стене, Артур целовал её. А она целовала его в ответ.

Всё было не так, как с Ливианом...

В поцелуях Артура не было отчаянной, яростной страстности. На вкус они были совершенно другими. Не похожими также, как непохожи между собой были и сами братья.

Прикосновения Артура походили на шёлк или мех, на ласковое весеннее солнце, заставляющее в ответ жмуриться и подставлять лицо. Его руки были такими всепроникающими, как льющаяся вода.

Длинные пальцы Артура скользили по щекам и шее, ладони легонько сжимали девичью грудь, по-настоящему ещё не знавшую мужской ласки. И Мередит обнимала его в ответ, безраздельно отдавшись желанию целовать и прикасаться.

Отчего здесь и сейчас это казалось единственно правильным и возможным.

Она упустила тот момент, когда Артур освободил её от мокрой одежды. Протестовать было поздно, на протест не оставалось сил. Оставалось только наслаждаться чувственным наслаждением, которое дарило ей его тело.

Они вжимались в друг друга, растворялись друг в друге. Мередит терялась в густом пару, горячей воде, напряжённых, неожиданно уверенных, сильных руках. Под своими ладонями она чувствовала взволнованное биение его сердца.

Она всегда была уверена, что всё это будет у неё с Ливианом. Только с Ливианом и ни с кем другим. Могла ли она знать, что что сладкую дрожь в каждой клеточке её тела способен будет вызвать бледный, как лунный луч, Артур? Вечный младший брат?

Она и не подозревала о том, что такие ощущения вообще возможны.

С Ливианом это наверняка было бы немного больно. Просто он не умеет по-другому. Причиняя человеку боль, он показывает, что тот ему не безразличен.

Артур же был чуток и нежен.

Он походил на воду, которая всё лила и лила, отогревала, нежила, раскачивала. Его поцелуи были такими же дразнящими и лёгкими поначалу, как игольчатый душ. Но чем сильнее обоих охватывала страсть, тем больше становился напор, словно усиливающееся течение, которому так сложно сопротивляться.

«Этого не может быть. Не между нами», – промелькнула мысль.

Но тело не хотело слышать её возражений, не хотело ни о чём помнить, ничего знать. А если быть до конца честной, душе тоже было вполне комфортно в тёплом потоке, в танце нежной страсти.

Мередит, повинувшись внутреннему порыву, склонив голову, коснулась сначала губами светлой кожи на его груди, потом – языком, словно дегустируя чуть солоноватый вкус. Наслаждаясь тем, что заставляет Артура откинув голову назад и сдавленно стонать от удовольствия.

Как случилось, что он кажется ей сейчас таким близким? Таким желанным? словно во всём мире она не хотела никогда и никого, кроме него одного.

Желание напоминало бред.

От его дыхания по коже бежали мурашки. Серебристые глаза, наполненные голодом и желанием, опровергали все слова, сказанные им ранее, когда, бережно держа одной рукой за талию, а другой за спину,

Артур крепче прижал Мередит к себе, заставляя трепетать, отчасти от страха, но больше – в предвкушении того, что вот-вот должно было произойти.

– Я... у меня это в первый раз, – тихо выдохнула Мередит.

Не сводя с неё глаз, Артур медленно кивнул.

И так же медленно и мягко, как набегающая волна, осторожно, умело и точно, по-змеиному плавно, вошёл в её тело и замер, давая время привыкнуть к новым ощущениям, смириться с ними.

Облегчая страх и волнение мучительно медленными поцелуями. От чувственных прикосновений его губ и языка по телу вновь начала разливаться нега. В нём вновь спиралью начало закручиваться утихшее, было, напряжение.

Мередит ощущала всё возрастающий жар. Каждый нерв в теле гудел, ныл и просил того, о чём у неё имелись весьма смутные понятия.

Артур снова начал двигаться и у Мередит перехватило дыхание. Она старалась не напрягаться, старалась прислушиваться к собственному телу, позволяя внутреннему жару подняться и вынести её к вершине экстаза, к пику удовольствия.

Задыхаясь, цеплялась за его плечи, шею, притягивала к себе ближе.

Ближе!

И ещё – ближе...

В его серебристых глазах сверкали звёзды, во взгляде – удивление за дымкой удовольствия.

Мередит протестующие пискнула, когда, замедлив темп, Артур схватил её за талию и перевернул. Его руки уже вовсе не ласково блуждали по её телу. На этот раз он проник в её тело так глубоко, что это проникновение отозвалось в первый момент болью – не острой, скорее ноющей.

Больше никаких сладких и мягких волн. Он буквально вколачивался в её тело, двигаясь часто, быстро, грубо, пока боль не сменилась таким острым удовольствием, о котором Мередит даже не подозревала.

Как не подозревала она в себе способности хрипеть и извиваться от страсти, двигаясь ему навстречу, насаживаясь на его член, позволяя до предела войти в жаркую, раскалённую страстью плоть; обострённо чувствуя каждую свою мышцу, смыкающуюся и сладко пульсирующую вокруг терзающего её члена.

Делая последние рывки, Артур сдавленно рычал.

Он замер.

И она замерла.

Все звуки вокруг как выключились, словно чувственный вихрь, круживший их мгновение назад, заставил ослепнуть и оглохнуть.

Первым вернулось осязание – Мередит почувствовала горячую воду.

Может, всё происходящее ей только снится? Но нет, то не сон. Во сне так не бывает. Во сне грудь не сдавливает от сумасшедшего осознания того, чем ты только что занимался. И с кем ты этим занимался.

Ей, наверное, должно быть стыдно? Но стыдно не было. Только удивительно. Неужели правда – с ней?

Глава 17. Мередит

Артур не размыкал кольца рук и Мередит продолжала чувствовать его подбородок у себя на плече, млея в его объятиях. Не хотелось шевелиться, не хотелось открывать глаза, но жизнь, увы, не простоишь, созерцая пар и белый кафель в ванной.

Красивые же у него глаза! И волосы – снежные.

Артур, он весь словно из снега: волосы, кожа, глаза – светлые, будто вместо радужки у него льдинки.

Почему глядя в эти глаза Мередит чувствует себя так, будто заблудилась? Заблудилась в лабиринте самой себя и бродит теперь бесконечно далеко от выхода.

Подметив, что она стесняется своей наготы, Артур потянулся за баннным халатом и, накинув его Мередит на плечи, завернул её в него, как ребёнка и, взяв на руки, вынес её из ванной. Осторожно, словно величайшую ценность, положил на двуспальную кровать.

– Тебе не холодно?

Мередит помотала головой. Холодно не было. Но столько всего случилось в короткий срок, что она не знала, как к этому относиться. К нему? К себе? Знала лишь одно – она не раскаивалась в случившемся ни на минуту!

За свои девятнадцать лет Мередит ни в кого не влюблялась, если не считать Ливиана. Будь на то её воля, не влюблялась бы и дальше. Влюбляться отвратительно, особенно, если чувство безответно.

Например, сейчас, после всего, что было, Мередит больше всего хотелось уткнуться в подушку и тихо, надрывно зарыдать. Ещё несколько часов назад при заявлении Артура о том, что он не интересуется женщинами, в душе Мередит ровным счётом ничего не дрогнуло, то теперь мысль об этом ранила.

Как перенастроить свой мозг? Как перестать ревновать парня к

другому парню?

– Что с тобой? – тихо спросил Артур, беря Мередит за руку. – Что не так?

– Ерунда! Просто день выдался длинный, насыщенный. Вот я и устала.

– Дело только в этом?

Да конечно же нет! Всё дело в том, что она ревнует! И пусть у неё нет прав ревновать – всё равно! Ревнует страшно, яростно, до желания смертоубийства соперника, а признаваться в этом даже самой себе невыносимо!

– Ты говорил, что женщины тебе не интересны. Мы не должны были...

Как странно смущаться, глядя человеку в лицо после всего, что было между ними четверть часа назад. Как всё в одно мгновение могло вот так перевернуться вверх дном? Ну и как теперь жить?

Мередит попыталась отдёрнуть руку – Артур не позволил.

– Прости меня, – прошептал он одними губами.

– За что? За мой первый в жизни оргазм?

Мередит хотела, чтобы это прозвучало смешно, но вышло, напротив, горько.

Она снова попыталась отнять руку и снова – не вышло.

– Я о многом в жизни жалел, но о том, что было сегодня между тобой, и мной жалеть точно не стану, – сказал Артур.

– Нет, ты не думай, я понимаю, что это ничего не значит. Тебе нечего бояться! – поспешно затараторила Мередит. – Я не стану требовать свадьбы и любви до гроба...

Она говорила скороговоркой, словно боялась сказанных слов, а сердце тяжело, гулко и быстро билось в груди.

Артур сел рядом, откинувшись на подушки, одну руку вытянув на согнутой ноге, а второй по-прежнему обнимая Мередит.

– Почему – не станешь? Потому, что продолжаешь мечтать о моём старшем брате?

– Но ты же говорил, что тебе не нравятся женщины?

– Получается, соврал. Хотя они мне и правда не нравятся – другие женщины. Но сегодня я узнал, что мне нравишься ты.

– Потому что похожа на мальчишку?

Он усмехнулся, но без тени сарказма:

– Я бы так не сказал.

– Не уходи от вопроса, пожалуйста! Для меня очень важно знать, почему ты меня поцеловал?

– Потому, что хотел этого, – просто ответил Артур.

Но в этом простоте было всё – и глубина, и чувства.

– То, что был между нами тебя это важно? – уточнила Мередит. – Или я оказалась настолько навязчивой душой, что грех было этим не воспользоваться? – улыбнулась она. – Тебе ведь не всё равно, кого целовать, да?

– Разве, когда всё равно, *так* целуют? – поймав её ладонь, Артур поднёс её к губам и поцеловал так, словно они были не спальне, а встретились на балу. – Ты можешь всё изменить, Мередит, – сказал он уже серьёзно, глядя ей в глаза. – Сможешь, если захочешь.

Он смолк.

А Мередит вдруг со стыдом вспомнила, что он серьёзно болен.

Тёмные круги под глазами, потрескавшиеся губы, неестественно-бледная кожа на острых скулах никуда не делись, выдавая, что его состояние если и улучшилось, то ненадолго. Несмотря на это, Артур выглядел потрясающе красивым. Как будто материализовался из грёз.

– Мы оба устали. Давай отдохнём, а разговор продолжим завтра? – со вздохом предложила Мередит.

Отдыхать, на самом деле, совсем не хотелось. Хотелось схватить Артура за плечи и чуть ли не силой вытрясти из него признания в том, что чувства её взаимны, что все его проступки и привязанности остались в прошлом, а она теперь его свет в окошке. Но нельзя получить всё и сразу.

Хотя в любви-то, на самом деле, как раз и можно: всё и сразу или – ничего и никогда.

Страсть угасает быстро, часто после неё ничего и не остаётся кроме холода и горечи прогоревшего пепла. «Но это не мой случай, – подумала Мередит, поудобнее устраиваясь на подушках. – Я найду способ привязать Артура», – пообещала она себе.

Женским чутьём безошибочно чувствовала, что уже и сейчас вошла в его сердце. Это знание наполняло радостью и светом, какие испытываешь разве солнечным ярким утром да в первые майские дни, когда всё впереди и большинство из «всего этого» – хорошее.

Мередит никогда раньше не была в этом доме. Откуда же это чувство, что всё её здесь знакомо?

И хвойный запах? И темнота за окнами? И обволакивающие тепло? А главное, тихое, размеренное дыхание молодого человека, лежащего на соседней подушке?

– Ты спишь?

– Нет, – донеслось в ответ.

– И я. Не получается заснуть. Думала, получится, но не выходит.

Артур усмехнулся и, обняв, привлёк к себе:

– Так лучше?

– Определённо.

Мерedit сама не заметила, как уснула.

Вспомнить, что снилось ей в ту ночь было сложно, но сны были цветными и яркими, похожими на порхающих бабочек.

Когда она проснулась, Артура рядом не было, а дверь в комнату осталась приоткрытой, позволяя в комнату свободно вливаться запаху кофе и сдобы.

У кровати, с её стороны, лежали вещи – джинсы и водолазка, что, на вскидку, по первому взгляду, кажется, могли прийтись впору? Через спинку стула перекинут ещё один халат, такой же белый и пушистый, что был на ней вчера.

Когда тебя похищают и совращают личности сомнительной ориентации следует чувствовать себя несчастной? Не получалось. Напротив, на душе радостно, как в погожий день и сердце поёт, в то время как желудок радостно откликнулся на распространяющийся запах сдобы.

Словом, Мерedit проснулась в приподнятом настроении и чувствовала себя не похищенной жертвой, а желанной гостьей.

Приведя себя в порядок, она спустилась вниз, где Артур довольно умело хозяйничал на кухне. Так уж получалось, что в их дуэте с Линдой роль хозяйки всегда доставалась Мерedit, и быть «просто гостьей» было для неё неприлично.

– Доброе утро, – улыбнулась она. – Незабываемое зрелище: лунный принц на кухне, орудует противнем и скалкой?

– У меня множество талантов, как явных, так и скрытых, – окинул Артур её взглядом. – Вот! Хотел сделать тебе сюрприз и произвести приятное впечатление.

– Твой коварный план удался, и я в полном восхищении! Надеюсь, запахи не обманчивы и на вкус это так же приятно, как обещает?

Мерedit уселась на стул в ожидании.

– Тебе латте или капучино?

– Латте. Я сегодня настроена легко и игриво.

– Это здорово!

Мерedit с удовольствием наблюдал как Артур смешивает эспрессо, молоко и молочную пенку, создавая кофейный коктейль.

– Похоже, между нами больше общего, чем я думала, – хихикнула она.

– Дай угадаю? Из вас двоих ты готовишь лучше, чем Ливиан?

– Нет, – покачал головой Артур, ставя перед ней прозрачный стеклянный стакан на невысокой ножке. – Всё, что делает Ливиан, он делает на «отлично». Или не делает вообще. Кофе у него получается не хуже моего, но зато печенья от него ты бы точно не дождалась.

– Печенья?

– Песочное. Ты ведь не надеялась, что у меня может получиться торт?

– Ну, не знаю. Аппетит, она знаешь, приходит во время еды.

Мерedit сделала глоток, наслаждаясь нежным, сливочно-молочным привкусом, лишённым крепости капучино. Обычно второе она любила больше, но сегодня у неё действительно было лёгкое настроение, похожее на воздушную молочную пенку.

Артур достал из холодильника шоколадное мороженное с орехами.

– Нет! – обрадовалась Мерedit, едва не захлопав в ладоши. – Ты не можешь помнить сорт моего любимого мороженого! Ты же даже знать его, вроде как, не можешь?

– На самом деле – могу. У меня всегда была отличная память на детали, а твоя склонность к сладкому вряд ли успела измениться за столь, на самом деле, не такие уж и долгие годы.

– Ты купил мороженное заранее? – растрогалась Мерedit.

– Хотел подсластить заточение. К тому же я догадывался, что рано или поздно тебя всё равно придётся кормить. Ведь, как мне помнится, ты никогда не страдала отсутствием аппетита?

– И сейчас не страдаю, – заверила его Мерedit. – Надеюсь, в твоём холодильнике есть что-то посерьёзней кофейных зёрен и льда, потому что к обеду нам обоим захочется чего-нибудь более приземлённого, чем молочная пенка.

– Ты так думаешь? – так многозначительно приподнял брови Артур, что щёки Мерedit залились краской.

– Я далеко не вегетарианка.

– Не переживай, дорогая. Я не имею намерения морить тебя голодом.

– Дорогая? – поморщилась Мерedit. – Не зови меня так.

– Почему?

– Потому что никакая я не дорогая.

– А какая?

– Обыкновенная. И потому одними фруктами и мороженым моей жажды не утолить. Скажи, можем мы после завтрака немного погулять? Я не привыкла долго сидеть взаперти. Обычно от этого начинает болеть голова.

– Почему бы и не погулять? – пожал он плечами. – Если ты, конечно, не задумала от меня сбежать?

– И не надейся, – засмеялась Мередит, тряхнув головой.

Кудряшки вокруг её кошачьего треугольного личика закачались упругими пружинками.

– Увы, но не могу исключать такого варианта развития событий. Может быть, своими сладкими улыбками ты хочешь усыпить мою бдительность?

– Зачем её усыплять? Мне, вообще-то, здесь нравится. Если бы только не Линда, – при мысли о сестре на сердце Мередит легла тень. – Могу я ей хотя бы позвонить, чтобы она не волновалась?

Лицо Артура приняло прежнее: немного строгое, словно чуть отстранённое и меланхоличное.

– Я только скажу, что со мной всё в порядке – и всё! – умоляла Мередит. – Я позвоню ей прямо при тебе.

– Она может отследить с навигатора, откуда звонок.

– Ты так боишься Кинга?

Мередит сразу же пожалела о сорвавшихся словах. Она не планировала ссориться.

К её облегчению, Артур и не рассердился.

– Бояться Кинга – это нормально, – осмелев, продолжила она. – Кинг непредсказуемый псих, но умён, как сатана. Я не хочу давить или пользоваться твоей ко мне склонностью... – перехватив его укоряющий взгляд, Мередит вздохнула. – Ладно, к чему врать? Хочу! Осознание того, что Линда в это мгновение сходит с ума от тревоги от меня, в то время как я наслаждаюсь твоим обществом и вкусом латте – оно всё портит!

Взгляд Артура смягчился.

– Твои стремления вполне понятны. Беспокоиться за сестру это похвально. Но, стоит тебе позвонить, Линда легко отследит, откуда звонок, а дальше найти нас ей будет не трудно – лишь вопрос времени.

С этими словами он достал из кармана смартфон Мередит, отобранный вчера перед началом приступа, и положил перед ней на стол.

Она недоверчиво на него взглянула?

– Ты разрешаешь мне позвонить?

– Звони, если хочешь.

– Но... если Линда и Альберт нас найдут, Кинг тебя накажет?

Артур неопределённо пожал плечами:

– Он не так уж непредсказуем на самом деле. И не сможет сделать ничего такого, что не делали со мной до него и раньше, так что обо мне не

беспокойся. Но, если бы твоё решение зависело от моего мнения, я бы предпочёл, чтобы ты пока сестре не звонила.

Мередит глядела на Артура во все глаза, пытаясь понять, что стоит за его словами – искренность или очередная манипуляция?

– Почему ты не хочешь, чтобы я звонила сестре?

– Хочу побыть с тобой ещё немного, хотя бы чуть-чуть.

Мередит перевела взгляд с его лица на руку, лежавшую рядом с мобильником.

– Но ведь мы можем продолжить наши отношения и вне этих стен, если захотим. Разве нет? – нерешительно спросила она.

– Теоретически – да. Но...

– Но?..

– Но я боюсь, что, как только необходимое уединение будет нарушено, всё вернётся к исходным позициям. Ты предпочтёшь видеть во мне слабака и тряпку, человека, вечно бегущего от проблем. А если попытаешься узнать обо мне больше, лишь сильнее разочаруешься. Одной вспышки страсти недостаточно, чтобы всё изменить, – грустно вздохнул он.

– Думаешь, если вспышек будет две или три – это будет значить что-то больше, чем сейчас?

– Думаю, что, если ты узнаешь меня лучше, ты, может быть, сумеешь понять... я и сам не знаю, Мередит, на что я надеюсь, ведь сколько тебя помню, тебе всегда нравился Ливиан, а не я.

– Раньше ты против этого, вроде как, и не возражал?

– Не возражал, – согласился Артур. – Ты была такой надоедливой пышкой с пуховым медвежонком в руках и в бантиках на голове, что нисколько не вдохновляла на любовные подвиги.

Мередит не сдержала короткого смешка:

– Да, бантики давно в прошлом, а мой любимый плюшевый медведь давно потерялся. Как и многое другое, – посерьёзнела она. – Но я по-прежнему мало похожа на классическую героиню-сердцеедку. Никак на неё не тяну.

– Это не мешает твоему очарованию. Скорее наоборот.

– Я должна верить, что нравлюсь тебе? После твоего вчерашнего признания?

– Не должна. Но ведь веришь?

– Скорее хочу верить, но мы так мало знакомы? Мне ничего о тебе неизвестно, кроме того, что ты умеешь кружить девушкам головы, когда захочешь. А со мной и вовсе просто. Я ведь не обманываюсь, знаю, что в сердечных делах доверчива и глупа, как хлебушек. У меня мало опыта.

– Думаешь, у меня с девушками его больше?

– Хорошая поправка. Хотя, насчёт «хорошего», это как посмотреть? И да, насчёт этого «пунктика» твоей личности и биографии – понятия не имею, как к нему относиться? Я не имею против однополых отношений ничего, но только с одной маленькой поправкой – когда это меня не касается. Но в нашем случае, боюсь, уже коснулось.

– Я расскажу тебе о себе всё, что ты только захочешь узнать, а потом решай сама, сможешь принять это или предпочтёшь уйти.

– Это будет нечто из серии «принимай меня таким какой я есть, или мы больше не друзья»?

Хотя Мередит пыталась выдержать легкомысленный тон, в сердце её что-то болезненно кольнуло.

– Это просто предложение узнать друг друга лучше. Если мы решим быть вместе, я постараюсь быть достойным твоего доверия.

– Как красиво. Как в романах, – усмехнулась Мередит, подперев рукой подбородок и с грустью поглядела на Артура. – Только в жизни так не бывает. Люди те, кто они есть и этим остаются. Если до сих пор для тебя не было важно оправдать чьё-то доверие...

– До сих пор меня никто довериям не баловал. Мередит, на меня всем плевать. Кто я, что я и что делаю – кому какое дело? А что касается того, что люди остаются теми, кем есть? С одной стороны – я не совсем человек, а с другой, тем, кем есть, я действительно и останусь. Просто...я готов раскрыть тебе душу, при условии, конечно, что тебе это нужно. Хотя, может быть, это самообольщение. И тебе, как и многие другим, вполне хватит физического удовольствия, не осложнённого отношениями?

– М-м... секс без отношений? – Мередит чуть не поперхнулась. – Разве я похожа на тех счастливых, мудрых девушек, что умеют брать от жизни всё, не заморачиваясь? Да со мной как раз всё наоборот! Я из тех зануд, что до последнего норовят завязать отношения без секса, но с обилием обязательств.

– Звучит почти угрожающе, – губы Артура дрогнули в намёке на улыбку, которой, увы, так и не вышло.

– Спасибо, – поблагодарила Мередит. – Было очень вкусно. В благодарность за завтрак обещаю приготовить обед. Если ты отважишься допустить меня до своего холодильника.

– Холодильника мне нисколько не жаль. В отличие от времени, которого, мне кажется, у нас не так много. Я бы предпочёл, чтобы ты провела его со мной, а не с кастрюлей в обнимку. Твой план насчёт прогулки мне понравился больше.

– Отлично! Здесь ведь лес? Люблю прогулки по лесу! Вот только помою посуду и...

– Я сам помою посуду. При наличии посудомоечной машины и должной мотивации это совсем несложно. Кстати, – окликнул он Мередит, уже почти упорхнувшую в дверь, – смартфон можешь забрать.

Мередит в нерешительности перевела взгляд с Артура на мобильник.

– А не боишься, что искушение будет слишком сильным и я, в итоге, не удержусь?

– Ты не пленница. Можешь поступать так, как сочтёшь нужным. Но я буду счастлив, если ты подаришь мне ещё пару счастливых дней. В конце концов, твоя сестра от тебя никуда не денется?

Мередит смерила его взглядом, не зная, возмущаться ли ей или просто рассмеяться?

В конце концов всё же выбрала второе.

– Ты хитрый интриган! На самом деле Линда очень даже может куда-нибудь деться. Хоть она мне мать заменила, и во многом другом её любовь похожа на материнскую, всё же она мне лишь сестра. И, к твоему сведению, никогда не следует полагаться на крепость чужих чувств настолько, чтобы перестать ими дорожить. Если тебя любят – это не данность, а дар.

Артур кивнул.

– Бери уже телефон, Мередит! И хватит разглагольствовать. Хочешь позвонить – позвони и успокойся уже.

– Но... ты же сам говорил, что это опасно?

– Придётся рискнуть во имя спокойствия дам. А потом одевайся. Я буду ждать тебя у двери.

Поднявшись в спальню, Мередит в нерешительности пребывала недолго. В конце концов, снимет там с кого-то когда-то стружку Кинг или нет – большой вопрос, а нервы сестре она сэкономит сейчас.

Не представляя, что можно сказать в такой ситуации, не желая лгать, она ограничилась короткой СМС-кой: «За меня не волнуйся. Я в порядке. Люблю тебя». Понимая, что сестра скорее всего будет отвечать, Мередит убавила звук и положила смартфон подальше, чтобы не наткнуться на него ни взглядом, ни слухом.

Это, конечно, не совсем правильно, но она хотела побыть рядом с Артуром. Любой ценой.

Чтобы избавиться от голоса совести, Мередит поспешно переоделась и спустилась вниз.

– Я готова, – улыбнулась она Артуру.

Подскочив к нему, заколебалась на мгновение, словно спрашивая взглядом: «Можно или нельзя?», – перед тем, как подхватить его под руку.

Его серые, прозрачные, как студёная вода, глаза, свидетельствовали, что можно, что он только рад её желанию сблизиться, сократить дистанцию между ними.

Весна в этом году не торопилась с предъявлением прав. За ночь прилично подморозило. Студёный воздух куда больше подходил предновогоднему настроению, чем весеннему. Остро пахло хвоей.

– Сосновый бор? – мечтательно сощурилась Мередит.

– Нравятся сосны? – откликнулся Артур.

– Да, – кивнула она довольно.

– А я ельник не люблю. Он кажется мне мрачным. Дерево мёртвых.

– Глупости всё это.

– Не отрицаю.

С севера подувал ветер, обещая снегопад. Как бы непогода не разгулялась? Тогда выбраться отсюда может стать проблемой – они ведь не на внедорожнике.

– Для чего здесь построили этот дом? – спросила Мередит просто для того, чтобы нарушить затянувшееся молчание. – Для охоты?

– Охоты? – переспросил Артур удивлённо. – Да на кого же тут охотиться? Зайцев – и тех нет. Скорее уж для приятного уединения. Но точно не знаю, этот дом принадлежал не Брэдли, а Кингу.

– Но ты бывал здесь раньше?

– Бывал.

– С кем?

Они как раз подошли к поваленному дереву, лежавшему на самом краю расчищенной площадки. Дальше острыми ветвями деревья щетинились, как охраняющие рубеж часовые.

– Присядем? – предложил Артур.

Мередит села, подняв на него тёмные глаза. В них светился вопрос.

– Мне не очень хочется говорить на эту тему, но я обещал тебе рассказать о своём прошлом честно. И нет ничего более неприятного, чем рассказывать о неприглядных поступках человеку, от которого тебе всеми путями хотелось бы эти поступки скрыть.

– Тогда зачем это делать?

– Лучше расскажу тебе о них сам, чем это сделают другие.

Он сел рядом, так, что Мередит чувствовала его плечо рядом со своим, как если бы они стояли в одном строю.

– Умолчать не получится, – снова вздохнул Артур. – В городе мои

отношения с Энджелом ни для кого не секрет.

– С Энджелом?..

Ветер холодил щёки. Мередит сжала коленями зябнувшие ладони.

– Каково это? Влюбляться в собственного брата?

– Я не знал, что он мой брат, когда мы начали встречаться.

– Начали встречаться? – с сухим смешком повторила Мередит.

Странность и необычность, нереальность ситуации вымораживала все чувства. Неужели она сидит и слушает рассказы о любви двух парней от того, кто стал её первым мужчиной? Никогда бы Мередит не поверила, что нечто подобное может произойти с ней.

– Я не хочу судить, но... мне сложно понять. Ты любил его так сильно, что пытался покончить с собой?

– Нет! – резко ответил Артур.

– Нет?

– Причиной моего поступка был не Энджел – он был всего лишь одной из составляющих.

– Я не понимаю...

– Я потому и говорю с тобой, чтоб хочу, чтобы ты поняла! Всё не так банально. Моя история совсем не о том, как обычный парень понял, что он гей и долго шёл к осознанию и признанию сего возвышенного факта. Всё эта дешёвая лабуда! Со мной случилось совсем не это.

Мередит выжидающе смотрела на Артура, ожидая продолжения.

– То есть? Ты на самом деле не гей?

Артур насмешливо глянул на девушку:

– Как выяснилось вчера вечером – нет. Или, скажем так – не совсем.

Мередит не понравилось услышанное. Такое впечатление, что он просто играет с ней. И такого нельзя было исключить.

– Как это понимать? – спросила она.

– У меня никогда не было девушек. Я занимаюсь сексом с восьми лет и всегда это были мужчины. Разные. Далёко не всегда мои желания имели какое-то значение. Да что там? Часто они вообще значения не имели. Мужчины, парни, мальчики...на девушках же для меня были словно шапки-невидимки.

Мередит чувствовала, как холод добрался до самого сердца.

– У нас ничего не выйдет, да? – тоскливо спросила она.

– Почему не выйдет?

В его взгляде его правда промелькнул испуг? Или её почудилось?

– Потому что рано или поздно тебя снова потянет к твоим... мальчикам.

– А если не потянет?

– Ты пытаешься сейчас обмануть меня? Или себя?

Артур с тоской смотрел ей в лицо и в глазах его читалась робкая нежность, совсем как первая оттепель ранней весной, что в любой момент может смениться новыми морозами:

– Ты не допускаешь варианта, что я могу по-настоящему в тебя влюбиться?

– После одной ночи?

– Почему нет?

– Потому что тебе не нравятся девушки! На них шапки-невидимки.

– Девушки не нравятся – нравишься ты. Я боюсь, что ты мне не поверишь, и понимаю, почему ты можешь не верить... но всё равно прошу тебя: дай мне шанс!

– Шанс на что? Разбить мне сердце?

Артур покачал головой.

– Я никогда не причиню тебе боли. Я не могу объяснить мои чувства – я сам их не понимаю! Такого со мной никогда не было. Как будто я блуждал по миру совершенно бесцельно, но лишь вчера это понял. Как будто я знал тебя, любил тебя ещё до нашей встречи, всю жизнь искал и, наконец, нашёл.

Было абсурдно верить в такие сказки. Но Мередит верила. Потому что вчера почувствовала тоже самое – будто нашла родственную душу, свою половинку.

Но ведь так не бывает!

Это же Артур. То ли Брэдли? То ли Кинг? Брат Ливиана. Человек, который сам открыто признаётся в своей нетрадиционной ориентации. Неудавшийся самоубийца и, наверняка, наркоман. Человек, ни во что не ставящий собственную жизнь, не колеблясь шагающий с крыши небоскрёба или под колёса движущегося авто.

Разве вяжется с таким человеком романтическая влюблённость с первого взгляда?

Мередит зябко повела плечами.

Свежий воздух бодрил и, в тоже время, в его прохладе и в мягком, но сладко-удушливом аромате хвои, было нечто убаюкивающее. Казалось, что они вдвоём остались на самом краю света. Что от остального человечества их отделяет едва ли не океан.

Мередит не чувствовала умиротворения, но ей было спокойно, немного уютно и капельку – грустно. словно вековая мудрость, питавшая землю множество веков, передалась и ей.

Всё уже было в этом мире. Всё повторится после нас. Так стоит ли всерьёз беспокоиться о том, что от тебя всё равно не зависит?

Она влюбилась в Артура, правильно это или неправильно – это случилось. Пусть жизнь сама расставит всё по местам. За солнечным днём рано или поздно последует буря, а за бурей непременно придёт затишье. Такова жизнь.

Наш выбор состоит лишь в том, спрячемся ли мы от неё или принимаем, как есть, со всеми плюсами и минусами.

В голове вертелось множество вопросов о прошлом Артура, о его отношениях, чувствах, мыслях. И вместе с тем не хотелось затрагивать острые темы, что могли бы разрушить, пошатнуть установившееся хрупкое равновесие.

– Здесь холодно. Может быть, стоит вернуться? – предложила Мередит.

Едва они успели переступить порог, как с серого низкого неба полетели жирные мокрые снежинки.

– Это Зима уходит, – улыбнулась Мередит, наблюдая за белой пеленой. – Последняя стая зимних бабочек.

– Пусть уходит. Как говорится, скатертью ей дорога. Она была слишком долгой. Давно пора прийти весне.

Он обнял Мередит за плечи:

– Думаю, Весна похожа на тебя – шаловливая, смешливая девчонка.

Это был хороший день. Из тех, кто с течением времени вспоминается одним из самых счастливых. Мередит была счастлива лёжа в объятиях Артура, на диване перед горевшими в камине весёлыми огненными языками.

Она млела от ласк, отдаваясь Артуру снова и снова, со всей нежностью, робостью и энтузиазмом новичка, делающего первые шаги на пути постижения любовной науки.

Артур был хорошим учителем – чутким, заботливым, отзывчивым к перемене настроений.

Сложно было поверить в то, что она у него первая. Думать о себе, как о единственной, было куда приятней. А ещё лучше не думать вовсе, а просто растворяться в полусказочной, нереальной атмосфере, тонких изысканных ласках и переполнявшей сердце нежности.

Глава 18. Мередит

– Я люблю тебя!

Такими словами просто так не бросаются.

Даже самые циничные люди, если не чувствуют к человеку чего-то настоящего, истинного, стоящего предпочитают заменять простую фразу на что-то близкое, иногда более пафосное, помпезное, громкое, но: «Я люблю тебя» не говорят.

А он сказал.

И хорошо, что успел, потому что уединение, оторванность от мира и ощущения, что время принадлежит им обоим, что минут и часов в их распоряжении божественно много, что они успеют насладиться обществом друг друга оказались ложными.

Тени удлиннились. День неуклонно катился к вечеру. За окном последний зимний буран успел чуть ли не сугробы нанести к тому моменту, как дверь открылась и на пороге, высокий, весёлый и злой, затянутый в чёрную куртку, возник самый красивый мужчина, которого Мередит довелось видеть в своей жизни.

– Упс! – насмешливо фыркнул он, подняв руки и уперев их в невысокую притолоку, созерцая открывшуюся его взгляду интимную картину.

Мередит испуганно подскочила, натягивая на обнажённые плечи подвернувшуюся под руки рубашку Артура.

– Простите, что не постучал, но я никак не думал, что вы там быстро поладите, учитывая, что один из вас гей, а вторая – девственница. Воистину, отсутствие современных коммуникация способны творить настоящие чудеса. И чего я только не делал, чтобы разбудить в моём дорогом младшем сыне естественные инстинкты, подбрасывая ему самых дорогих, умелых шлюх, а вон оно как вышло...

На красивом, тонком, словно нарисованном лице, играла открытая, доброжелательная улыбка, а голос у незнакомца был глубоким и низким.

– Не то, чтобы я сильно удивлён, Артур, но, напомни мне, пожалуйста, дорогой мой младший сын, что я просил тебя сделать, когда отправлял сюда?

Мередит перевела взгляд с нежданного и пугающего, несмотря на всю его необычную красоту, визитёра на Артура.

Тот тоже поднялся и поспешил натянуть на себя брюки. Вид у него был далеко не радостный.

– Никак не ждал, что наш маленький пикник закончится так рано. А уж о том, что ты решишь прервать его лично...

– Я задал вопрос. Что ты должен был сделать?

Рэй Кинг (а что это именно он сейчас находится перед ней у Мередит сомнений не оставалось), шагнул в комнату.

Он не был особенно огромным, хотя разворот плеч по сравнению с узкими бёдрами и развитым торсом впечатлял. Но физическим размером не объяснить ощущения того, что Рэй Кинг почти заполнил собой пространство, а вместе с ним в комнату как будто вошёл грозовой фронт.

– Ладно, я немного перефразирую вопрос: дорогой Артур, не будешь ли ты так любезен вспомнить что именно я просил тебя *не* делать? И какая досада, что ты столь легкомысленно относишься к моим пожеланиям, – тоном доброго дядюшки пожурил сына Кинг.

Но этот тон никого обмануть не мог, более того, даже и не пытался.

Кинг открыто источал угрозу откровенно наслаждаясь этим.

– Мы же договорились, разве нет? – хмыкнул он, с прежним наигранным дружелюбием. – Разве я много просил? Просто присмотреть за девушкой? Догадайся, почему с этой просьбой я обратился именно к тебе, а не к Ливиану? Или к Энджелу?

Артур молчал и смотрел на него отстранённым взглядом.

– Наверное, потому, что хотел избежать подобного исхода, – сокрушённо вздохнул Кинг.

– Какая трогательная забота о моей, увы, утраченной невинности, – не удержалась Мередит от нервного смешка.

Рэй перевёл на неё взгляд и девушка с трудом удержалась, чтобы не сжаться.

– Так-так-так, что у нас тут? Младшая сестрёнка? Прямо-таки коллекция младшеньких, как погляжу? Вообще-то, хочешь верь, хочешь нет, но я не рьяный ценитель пуританских правил и против сексуальных шалостей, на самом деле, ничего не имею. Всё дело в том, крошка, что я практически дал слово твоей старшей сестричке, что верну тебя в том же состоянии, в каком... хм-м? – взял?

Кинг поморщился, будто услышал неожиданно фальшивую ноту.

– А теперь, сама понимаешь, это ж невозможно? А я не люблю нарушать данное слово.

– Не беспокойтесь, сэр, что-то мне подсказывает, что сестра, при всё её любви к деталям, вряд ли станем заострять внимание на некоторых из них, – стараясь попасть в тон с Кингом, проговорила Мередит, старательно кутаясь в рубашку Артура под едким, можно даже сказать, ядовитым взглядом. – Думаю, мы обойдём некоторые острые углы без особого труда.

– Возможно, – согласился он. – Но как быть с тем фактом, что с моим желанием не посчитались?

– При всём уважении к вашему несомненному авторитету, рискну заметить, что рано или поздно это случается со всеми.

На вопросительно приподнятую бровь Мередит охотно пояснила:

– Приходит печальный момент, когда с мнением, чувствами или желаниями кто-то да не посчитался. Я даже рискну дать вам совет...

– В вашем роду все смелые, да? – усмехнулся Кинг. – К сожалению, часто это приводит лишь к самым печальным последствиям. Ну, давай, рискуй – слушаю.

– Мир в семье и доверие близких иногда стоит маленького компромисса. Нужно научиться закрывать глаза на то, что не хочешь видеть.

Неожиданно Рэй засмеялся, легко и непринуждённо.

– Я даже знаю в общении с кем ты приобрела эту нелёгкую мудрость. Твою дорогую старшую сестрицу не назовёшь лёгким человеком.

– Может быть, характер у неё и не лёгкий, зато человек она хороший.

– В отличие от некоторых? Уж не на меня ли ты намекаешь?

Мередит заметила, как нервно дёрнулся Артур и только проследив его взгляд, почувствовала, как сердце в груди холодеет, причём не фигурально, а вполне прямо выражаясь.

В дверях, скрестив руки на груди, стоял Ливиан.

– Кажется, мы не вовремя? – сощурился он, цедя слова сквозь зубы.

У него не было права обвинять, а у Мередит не было причин чувствовать себя предательницей. Между ними не было никаких обязательств. Они никогда всерьёз не говорили о чувствах. Так отчего-то она чувствовала себя сейчас так, словно изменила и предала? А боль и злость в серых глазах Ливиана вызывали у Мередит растерянность и стыд.

– Увы, сын мой! – театрально процитировал Кинг. – Жизнь есть пристанище скорбей и печалей. Никому нельзя доверять. Даже собственным детям.

– Хватит паясничать, – буркнул Артур.

– Что ты сказал?

От тихого голоса Кинга по рукам Мередит побежали мурашки. Она почувствовала страх – страх за Артура. И не напрасно. Двигаясь легко, стремительно и быстро, с расчётливостью хищника, Кинг нанёс ему удар в живот, заставляя согнуться, хватая ртом воздух.

– Никогда не дерзи мне. Особенно, если только что провинился, – спокойно прокомментировал он свои действия.

Артур с вызовом глянул на Кинга:

– Или – что?..

– Или я найду способ заставить тебя пожалеть о неправильно сделанном выборе между своим и моим желанием.

– Что ты можешь мне сделать? – в голосе Артура проскользнула нотка презрения. – Избить? Вырезать печень, почки или сердце? Валяй.

Рэй, рывком притянув Артура к себе, ребром ладони нанёс ему новый удар в район солнечного сплетения, заставляя хрипеть от боли. Но этот хрип задохнулся в поцелуе. Хотя нет! То, что выглядело с первого взгляд как поцелуй, им вовсе не было. Даже не до конца понимая, что происходит, Мередит интуитивно поняла, что из всех возможных способов причинить Артуру боль Рэй выбрал самый действенный.

Она попыталась рвануться вперёд, но её удержал Ливиан.

– Нет! – крикнула она, пытаясь выскользнуть из его рук, не обращая внимания, не понимая, что почти обнажённой попала в его объятия. – Пусти!

– Рэй, прекрати это! – рыкнул Ливиан. – Немедленно! Хватит, слышишь?

К удивлению Мередит, Кинг послушался, отступив на шаг.

Его губы были окровавлены, как у вампира. Но хуже того, что по губам Артура тоже стекала кровь, не тёмная, а ярко-алая, словно светящаяся изнутри.

– Ты мне приказываешь, Ливиан? – удивление и угроза в равных пропорциях слышались в голосе Кинга.

– Я не для того вытаскивал брата с того света почти год, чтобы ты угробил его своими нелепыми играми за считанные минуты.

Рэй усмехнулся:

– Угробил?.. Какая драма! Ты недооцениваешь силу нашей крови. Поверь, несколько глотков ничего не изменят. А то что больно? Так потерпит, не впервой. Боль бывает очень даже пикантной, как зажигательная приправа.

От выражения животной похоти, светящейся в глазах Кинга, Линде захотелось сжаться и исчезнуть как шагреновая кожа после выполнения последнего желания.

– Хочешь попробовать? – кивнул он ей

– Нет, – в ужасе замотала головой она.

– Оставь её в покое! – встревоженно прошипел Артур. – Ливиан, уведи отсюда Мередит. Нормальным людям не место на наших семейных разборках. Им после них прямая дорога к психиатру.

– Я никуда не пойду! – снова попыталась вырваться Мередит.

– Ну и дура. Выбирайся, пока можешь, – без всякой интонации бросил

Кинг.

– Я позвоню, – с этими словами Артур впихнул ей в руки ворох одежды и выставил за порог комнаты.

Игнорируя пристальный взгляд Ливиана, вышедшего следом за ней, Мередит нервно натянула на себя одежду. Стало одновременно теплее и спокойнее, как бывает после того, как выпьешь тёплого молока.

– Я отвезу тебя домой, – холодно сообщил Ливиан. – Пошли.

– Ты уверен, что это правильная идея – оставлять их вдвоём? – волновалась Мередит.

Ливиан скользнул по ней ничего не выражающим взглядом:

– Уверен.

Видя, что она всё ещё колеблется, он сжал пальцы на её предплечье и потянул за собой, не оставляя возможности выбора.

– Но Ливиан! Артур же твой брат! Неужели ты совсем за него не переживаешь?!

– Я отлично знаю Артура и потому не вижу смысла переживать, – ледяным голосом прозвучало в ответ. – Садись в машину.

– Мы не можем его бросить...

– Мы?! – взгляд Ливиана был придавливающим и уничтожающим. – Мередит, ты мне, конечно, не поверишь, но единственный человек, кого здесь стоит защищать – это ты. Артур сумеет о себе позаботиться.

– Как ты можешь быть таким бездушным? – поразила она.

Ливиан сжал челюсть так, что у него желваки заходили. Взгляд на мгновение сделался волчьим, как если бы он был не человеком, а оборотнем.

– Поверь, чем дальше я сейчас буду от него, тем для него же самого лучше. Ты даже не представляешь, до какой степени мне хочется свернуть к чертовой матери его пустую голову!

– Он твой брат! Ты не можешь...

– Не говори мне, чего я могу, а что нет!

Мередит впервые слышала, чтобы Ливиан повышал голос. Словно устыдившись эмоционального порыва, он отвернулся, проводя руками по волосам. И было в это жесте что-то, отчего щемило сердце.

– Садись в машину, – совсем другим тоном, тихим голосом, из которого словно вымыло всё эмоции, проговорил он.

– Я не...

– Садись в машину! И перестань жалеть Артура. Он этого не заслуживает.

Мередит, тяжело дыша, смотрела на Ливиана.

Чёрная, распахнутая на груди, куртка, белая водолазка с высоким воротом под горлышко, тёмные волосы, по сравнению с которыми кожа казалась белой, как морская раковина – она вдруг резко ощутила его присутствие, почувствовав его каждой клеточкой тела, что испуганно отпрянула.

Что с ней не так? Видимо, окружающее безумие заразно? Нужно срочно сбежать куда-то туда, где можно спрятаться,лизать раны, разобраться в себе, пока она не наделала опрометчивых, непоправимых поступков.

– Я понимаю... вернее, могу понять твоё осуждение. Но не говори плохо о своём брате, – попросила она.

– Да что ты? – саркастично скривился Ливиан. – А если этот родной брат заслуживает плохих слов? А, может быть, и чего похуже? Ты его не знаешь!

– Ты не прав.

– Думаешь, покувыркавшись с человеком с пару часов в кровати, познала его душу? Глупо, Мередит. Ну, ладно, пусть не глупо – наивно. А пользоваться чужой наивностью – подло. И в этом меня не переубедить. А теперь садись уже в машину. Твоя сестра с ума сходит. Давай это исправим?

Что оставалось делать? Мередит села.

Сердце разрывалось от противоречивых чувств – не просто противоречивых, а по логике вещей, взаимоисключающих друг друга.

Неправильно чувствовать влечение к двоим, совсем неправильно! Мередит, под чутким руководством Линды впитавшая все самые строгие жизненные правила и от души их разделяющая, не столько не понимала себя (понимать тут нечего), сколько не принимала.

Одно сердце – один мужчина. Никаких других вариантов.

Но сейчас дело было в не в выборе между мужчинами. Мередит всерьёз беспокоилась за Артура. Она понимала, что, упорствуя в своём желании остаться, никому и ничему не поможет. Сам Артур недвусмысленно дал понять, чего хочет – чтобы она уехала. Но буря в сердце продолжала бушевать с неистовой силой, и ничего с этим нельзя было поделать.

Ливиан провернул ключ в замке зажигания и машина, мягко качнувшись, стронулась с места, отдаляясь от домика, в котором среди тьмы уютно светился тёплым огоньком свет.

Какое-то время они ехали молча.

Мередит за дорогой не следила, погружённая в свои переживания, грустные мысли и настроения.

– Почему вы с Артуром не ладите? – озвучила она волнуящий её вопрос.

Казалось, Ливиан не расслышал. Вести автомобиль в такую погоду по размытой таявшим снегом дороге было то ещё удовольствие, но Мередит не сомневалась, что причина не в этом.

– Что вы не поделили? – не отставала она, не особо надеясь на ответ.

Но он ответил:

– В данный момент – тебя. Я поступил как последний дурак, поставив в красный угол твои чувства и твою долбанную невинность, в очередной раз убедившись, что терпение вовсе не лучшая тактика в отношении женщины.

– Ты это сейчас вообще о чём?

Ливиан тряхнул головой, словно отгоняя назойливую муху. Или мысль.

– О, я тебя прошу, давай не будем есть друг у друга мозги чайной ложечкой? – фыркнул он насмешливо. – Можешь отрицать, если хочешь, но до того, как между мной и тобой вклинился Артур, всё у нас было иначе, чем сейчас правда? Он, между нами, как стена. Он всё испортил. И всегда так делает – встаёт между мной и тем, что на данный момент мне дороже всего, а жизнь катится к чёрту, разбивается вдребезги, не поддаётся исправлению. А попробуй-ка на него разозлиться? Куда уж! Смотрит своими змеиными, вытягивающими душу глазами, весь такой ранимый, страдающий и болезненный. Ну как тут не устыдиться самого себя? Как не отойти в сторону ради счастья младшего брата? Я же сильный, я справлюсь. Я не стану бросаться с крыши, пить кислоту, биться головой об стену.

От горечи и злости, которым сочился тихий, напряжённый голос Ливиана Мередит стало совсем грустно.

И жалко – и его, и Артура, и себя – тоже.

А кого винить, что всё так складывается?

Наверное, виновата всё-таки она, раз невольно стала камнем преткновения между братьями.

– Если я тебе нравилась, зачем было держать меня на расстоянии?

– Я не хотел затягивать тебя туда, где в итоге ты всё равно оказалась.

– Да так ли это? Может быть, просто не хотел себя связывать? Нет, я... я понимаю, ты хотел, как лучше. Но ещё – был не уверен, что готов к чему-то серьёзному, а для несерьёзного слишком серьёзная я? В этом всё дело?

– Я боялся причинить тебе боль!

– А Артур не боялся.

– Он никогда ничего не боится. Да и с чего бы? Когда стоишь на позиции: «Терять в жизни нечего»?

– Он о тебе с такой ненавистью ни разу не говорил, – укорила Мередит Ливиана.

– А как говорил?

– Откровенно говоря, почти никак. Но, если сравнивать ваши отношения друг к другу, в его тоне больше горечи, а в твоём – злости.

– Значит из нас двоих я ближе к Каину, а наш бедный и несчастный Артур – нежный Авель. Даже имена обоих начинаются на «А». Как символично!

– Не нужно, прошу тебя!

– Что – «не нужно»?

– Говорить таким тоном.

– Как скажешь.

Фары вычерчивали ядовито-яркие жёлтые полосы, разбрасывая их между тесно стоящими деревьями.

– Что он сделал? – снова подала голос Мередит.

– Не твоё дело, – грубо прозвучало в ответ.

– Моё. Я хочу знать, что он сделал, что ты так его ненавидишь?

– Может быть, сделал вовсе не он, а я? – насмешливо донеслось в ответ через густые сумерки.

– Я серьёзно, Ливиан.

– И я серьёзно. Я виноват перед Артуром. Не он передо мной.

– Можешь, не виляя, прямо сказать, в чём дело?!

– Сложные ты ставишь вопросы, крошка. Ну, хорошо. Сама вызвалась покопаться в большой груде нашего грязного фамильного белья. Видишь ли, я жил с ними рядом, бок о бок. Любил Брэдли как родного отца (каковым последнего и считал, пока не вскрылась правда о Рэе), а взбрыки и выкидоны Артура считал проявлением его дурного характера, в то время, как Брэдли... он... он относился к Артуру не так, как ко мне. Господи, я никогда и помыслить не мог о том, что *мой отец* спал с *моим братом*. Я всегда слишком многого хотел от Артура, винил его в том, в чём он не был виноват. Я был слепцом и не помог ему в тот момент, когда он больше всего во мне нуждался.

Сердце Мередит обливалось кровью от жалости к ним, к обоим.

– Ливиан, не суди себя строго. Ты тоже был всего лишь ребёнком. Что ты мог против взрослых?

– Я мог быть на его стороне – на стороне моего брата. Я мог хотя бы знать, но я отказывался понимать правду. Я считал, что Артур домогается

Брэдли и тем самым всё портит. А когда Брэдли повесился, винил в этом брат. Потом это его увлечение Энджелом – я не захотел его принять и был жесток. Артуру есть за что меня ненавидеть, но то, каким образом он решил мстить...

– А если это не месть? – тихо спросила Мередит, пристально разглядывая свои руки.

– Понимаю, почему ты предпочитаешь так думать. Но Артуру не нравятся девушки. Совсем. Никогда не нравились.

– Он так и сказал. В самом начале. Но потом... я не думаю, что он действовал из мести, Ливиан, и дело тут вовсе не в моём самолюбии. Просто... просто тебя ведь там не было?

– Жалеешь об этом? – усмехнулся он.

– Не знаю. И да, и нет.

– Противоречиво. Но согласись, моё присутствие всё бы изменило... к лучшему.

– Ты самоуверен. И у тебя на то основания, – серьёзно заявила Мередит. – Возможно твоё присутствие всё бы и изменило к лучшему, но, если честно, я не жалею о том, что тебя не было. Судя по тому, что я услышала и по тому, что увидела, Артур заслуживает чего-то хорошего. И если я смогла подарить ему радость, пусть всего на час, я не стану об этом жалеть.

– Даже если это разобьёт тебе сердце?

Мередит фыркнула:

– Он, конечно, может меня ранить. Как и ты. Но моё сердце не тонкий хрусталь. Разбить его не так-то просто.

– Жаль, я не учёл этого раньше.

Ливиан затормозил, заглушив мотор и, скрестив кисти руки на руле, посмотрел на Мередит так пристально, что у неё дрожь пошла по телу.

– Зачем мы остановились? – тихо спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Хочу задать всего один вопрос.

Его взгляд словно прожигал в груди дыру и Мередит казалось, что грохот собственного сердца заполняет всё вокруг.

– Мередит, мне всё равно, что первым у тебя был мой брат. Для меня это неважно, не так много значит. Это просто случайность. Ну, так вышло. Если ты согласишься оставить это в прошлом, оно там и останется. Я хочу, чтобы ты понимала ситуацию целиком: я не боюсь с Артуром, не пытаюсь ни над кем взять вверх. Для меня сейчас значение имеешь только ты – не Артур. В том, что случилось, виноваты мы оба, и он, и я, но, если

ты думаешь, что Артур сможет выстроить с тобой серьезные отношения, ты ошибаешься. У него не получится, даже если бы он захотел. А он... можешь считать мои слова чем угодно, но я знаю моего брата, как никто другой – он не захочет. Мы такие какие есть, а тигр всегда полосатый. Терпеть измены с женщинами нелегко, подумай, каково знать, что твой соперник – мужчина? Ты точно готова к этому? Всерьез хочешь положить свою жизнь на алтарь чужого счастья? Да и сможешь ли ты дать ему это счастье?

Мередит слушала, по-прежнему глядя на свои руки, такие маленькие и белые в плотном мраке.

– Мередит? – позвал её Ливиан. – Ты меня слышишь?

Она кивнула.

– Конечно слышу, Ливиан.

Она чувствовала его нетерпение, злость, готовую прорваться сквозь панцирь самообладания.

– И? – настаивал он на ответе.

Мередит вздохнула.

Она не Линда. Вот у кого всегда отлично получалось чему-то противостоять. Сестра даже получала от этого удовольствие.

Мередит же всегда старательно избегала конфликтов.

В конфликте приходится ранить словами, а делать это больно. Но иногда, как сейчас, необходимо.

Она взглянула на Ливиана.

Красивый, опасный, похожий на волка.

Ливиан ассоциировался у неё со вкусом миндаля – его горечь трудно чем-то перебить. Разве, что полынью?

Артур – полынь. Ливиан – миндаль. Оба горькие, похожие, разные.

– Как странно то, что вы соперничаете из-за меня, – медленно проговорила она. – Я не похожа на девушек, из-за которых соперничают парни.

Челюсть Ливиана сжалась, скулы заострились:

– Ты нравилась мне и до сегодняшнего дня. Ты же знаешь это? И я тоже был тебе далеко не безразличен. По-твоему, я должен просто отойти в сторону, даже не сказав в защиту нас ни одного слова? Я бы так и сделал, клянусь! Знай я наверняка, что с Артуром ты будешь счастлива. Если бы на это был хоть малейший шанс! Но шанса нет. Ты не вытащишь его из его ада, Мередит – это он утянет тебя за собой. Смотреть на то, как человек уничтожает себя сам, шаг за шагом, день за днём – мучительно. И я говорю это не потому, что мы соперники – я говорю это потому, что это правда.

Правда, которую рядом с Артуром пережил я, и на которую он обречёт тебя.

Мередит слушала его, опустив голову.

– Я понимаю, что сейчас принять решение тебе сложно, – продолжал Ливиан. – Я попытаюсь не давить, а ты обдумай всё, что случилось. Обдумай после того, как хорошенько отдохнёшь, как следуешь взвесишь.

– Обдумать? – подняла она на него глаза. – Ты предлагаешь мне принимать решение по здравому размышлению? Разве в таких случаях выбирать следует не сердцем?

Его лицо застыло, стало словно каменным, похожим на чёткий профиль на камее.

– Сердцем или разумом – выбирай. Если решишь принять моё предложение, позвони. Если решишь остаться с Артуром... хотя в данном случае не уверен, что он вообще решится что-то продолжать... твоё молчание станет не менее говорящим ответом. Я не стану тебе докучать и мешать вашему счастью.

Он снова завёл машину и до конца пути больше не произнёс ни слова.

ГЛАВА 19. Энджел

«Только Кинг способен полюбить Кинга», – было главным кредо Энджела, в это он верил свято. Все, кто находился за чертой семейного круга значили для него ровно столько же, сколько дырка от бублика. Люди могли его занимать, развлекать, забавлять, бросать вызов – но по-настоящему значение имели только члены семьи. И тосковать Энджел умел тоже только по своим.

Сильнее всего ранило долгое отсутствие Сандры. Привыкший к тому, что сестра-близнец всегда находится рядом, на расстоянии вытянутой руки или шага, он испытывал дискомфорт, мучился их отдалением. От одной мысли что он может потерять её, Энджел был готов уступить любым капризам сестры, даже смириться с тем, что ради отношений с ней придётся пожертвовать интрижкой с Артуром.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы она благоволила к другим его любовникам, но при одном только имени Артура Сандра готова была беситься и вставать на хвост бесконечно. Поначалу Энджела это забавляло, потом – злило. Уж кого приглашать в собственную постель он вполне может решить без благословения сестрицы. Но время шло, тоска по сестре росла, и он уже готов был уступить, пойдя на попятный. Если для неё это так важно, он сделает так, как хочет она. Потому что весь мир

может катиться к чёртовой матери, если хочет, разбиваться вдребезги и вновь срастаться, как картинка из пазлов-кусочков. Но Сандра должна быть рядом. Всегда!

Они должны быть на одной стороне – это не обсуждается. Это константа, аксиома, фундамент жизни.

Энджел никогда не задумывался о причинах и взаимосвязях – он просто принимал как данность то, что его окружало или то, что с ним происходило. На большинство людей ему было откровенно наплевать – на их мысли-чувства-жизни. Если того требовали обстоятельства он позволял себе использовать людей для достижения поставленной им цели, получения удовольствия, удовлетворения минутного каприза. Совесть никогда не мучила его ни до, ни после.

Люди для него были что тени на песке в полдень – уходили, приходили, исчезали бесследно, словно волны. Пока хорошо и приятно вместе – отлично! Перестало быть хорошо и приятно вместе? Adios-arividerchi. Нет поводов для грусти, всё просто, как рукопожатие: сошлись – разошлись.

Любое усложнение лишь ускоряло расставание. Энджел избегал обязательств и привязанностей, а такого понятия, как духовная близость для него не существовало.

Встречая симпатичных ему людей, неважно, какого возраста или пола они были, он охотно сокращал дистанцию, идя на сексуальный контакт. И так же быстро предпочитал разбежаться.

Люди как книги, говорил Рэй. Энджел был с ним согласен. Прочитал книгу, поставил на полку, взял следующую. Некоторые книги интересные, другие до примитивизма просты, куда реже встречались личности, которых тянуло «перечитать» ещё раз. Совсем редко встречались раритетные фолианты, листая которые страшновато помять листы – такие, как драгоценная Фиала. Даже жаль прикасаться. Такие вещи, как всякие артефакт, требуют самого бережного обращения. Но пусть ценная, вещь всегда остаётся вещью

А исключением из мира вещей были лишь члены семьи.

Рэй Кинг никогда не позволил бы себе быть чем-то несущественным, незначительным. Раз возникая на чьём-то пути, он выжигал за собой всё вокруг, безжалостно и бесповоротно. За ним, как за рухнувшей с небес кометой, тянулся чёрный огненный след.

Энджел вырос рядом с Рэем и в нём много чего перегорело. Он отдавал себе отчёт в том, что отец вырастил из него морального уродя, с атрофированными чувствами во всём, что не касалось сестры. Но, с другой

стороны, именно благодаря такому воспитанию он и научился ничего не бояться, не ценить, а это делало его практически неуязвимым.

Но Рэй не со всеми своими детьми вёл себя одинаково. Например, Ливиана, ненавистного сводного братца, единственного из всех детей Кинга, чьей матерью не было его же собственная сестра, отец никогда пальцем его не тронул.

Судя по всему, Ливиан значил для Рэя куда больше других сыновей. За это Энджел возненавидел дорогого братца. Но, как ни старался он совратить любимого папенькиного сыночка, Ливиан ни разу не поддался на его провокации. А совращать и соблазнять Энджел умел. В этом искусстве ему практически не было равных и до Ливиана у него не случалось осечек.

Поняв, что впрямую старшего братца ему не достать, Энджел решил отыграться на младшем, точно рассчитав, что это единственная сладость Ливиана. В эту брешь и ударил. Сделал всё возможное, чтобы не просто обольстить – влюбить парня в себя, но не учёл одного – Артур тоже их крови. И хотя он отличался от остальных так же, как лёд отличается от пламени, его волшебная кровь делала его чем-то большим, чем вещью.

Прочитать и отложить не получилось. «Просто секса» не вышло.

Энджел не испытывал к Артуру любви в том смысле, в каком её понимает большинство людей, но парень исхитрился пробраться в его сердце.

Это была не похоть. Если бы дело было в ней, Энджел принял бы ситуацию легче, ведь страсть любой силы имеет тенденцию сходить на нет довольно быстро.

Но Артур впервые шагнул туда, куда до сих пор Энджел открывал доступ лишь Сандре – в его сердце.

Артур впервые подвёл Энджела к осознанию, что его бесстрашие обманчиво; он раскрыл его настоящий, подлинный страх – боязнь любить. Артур подарил ему нечто большее, чем удовольствие – он подарил ему понимание, сочувствие, интересные разговоры. Он был с ним терпелив и терпим несмотря на то, что сам Энджел в ответ изводил его, как только мог, отталкивая, высмеивая, причиняя боль.

Но когда Артура не было рядом, он тосковал по нему. Не по сексу, не по боли, не по крови или развлечениям – по разговорам по душам, которые Энджел никогда раньше ни с кем не вёл.

Никому и никогда не было дела до души Энджела, а Артуру зачем-то понадобилось играть на невидимых струнах?

А потом, после того, как он шагнул вниз с небоскрёба, Энджел чувствовал себя так, словно тот его предал. Его распирала такая ярость, что

временами он начинал пугаться своего сходства с Рэем.

Чуть позже пришло осознание, что злится он не на Артура, а на самого себя, потому что осознаёт свою ущербность. Свою половинчатость.

Впервые Энджела посетила мысль: в том, в чём он привык видеть силу, на самом деле его величайшая слабость. Он не способен ни любить, ни созидать, а только ломать, разрушать и опустошать. Так же, как их отец.

Наверное, он просто не может быть другим?

Ливиану Энджел, в итоге, конечно же, досадил. Но себе, как выяснилось, напакостил куда крупнее.

Итак, нравилось это Энджелу или нет, но вокруг его сердца сплелись тремя змеями трое: Рэй – чёрный, Ливиан – алый и Артур – серебристый змей.

Каждый по-своему отравлял ему жизнь; каждый по-своему заполнял его душу. А внутри цвела роза, – ледяная, жестокая, с острыми чёрными шипами, – единственная женщина, к которой Энджел никогда не испытывал вожделения, но ради которой готов был на всё, без всяких условий, – Сандра.

Артур как-то говорил, что с сестрой Энджел бессознательно ассоциирует ту часть своей души, что не готов был продавать в борделе, подкладывая в угоду интересов Кинга.

Что она словно крестраж – часть его души, заключённая во вне.

Может – Артур прав, может – нет. Суть не в этом.

Энджел просто принимал как данность факт, что Сандра должна быть рядом. И она обязательно должна быть счастлива, должна быть в безопасности. Чему бы ему это не стоило.

Он привык заботиться о ней с детских лет. А то, что сестра с каждым днём отдалялась всё сильнее, заставляло кровоточить то, что Энджел начисто у себя отрицал: душу и сердце.

Скрипнула дверь и Энджел невольно напрягся, порывисто повернувшись.

Фигура матери в белом платье выглядела призрачно и жутковато.

– Можно войти? – поинтересовалась Виола.

Судя по расфокусированному взгляду и нетвёрдой походке, она была под кайфом.

В последнее время она почти всегда под ним была. Энджел не мог вспомнить, когда видел мать трезвой в последний раз.

– Входи, – кивнул он.

Виола, хихикнув, по-змеиному юрко проскользнула в комнату.

Энджел заставил себя сидеть не шевелясь, когда она положила руки

ему на плечи.

В отражении зеркала он мог видеть, как возбужденно блестели её глаза.

– Всё прихорашиваешься? Не каждая красавица проводит перед зеркалом столько времени, сколько ты, сын мой.

Она стала разминать ему спину, так умело расслабляя мышцы, что сразу захотелось закрыть глаза, что Энджел и сделал.

– Собираешься куда-то?

– Ньевес позвала к себе на вечеринку, – нехотя ответил он.

– Пойдёшь?

– Собирался.

– Ты мог бы и передумать...

Энджел распахнул глаза и посмотрел в лицо отражения матери. Оно словно плавало в серебристой поверхности зеркала, паря над ним, красивое и порочное, как у алчущего демона.

– Мы могли бы провести вечер вместе? – прошептала она – Не так часто предоставляется подобная возможность.

– И как бы ты хотела скоротать времечко, дорогая матушка? – с сарказмом спросил он. – Надеешься получить от меня наркоту? Или секс?

Нисколько не смутившись, Виола обняла его за плечи со спины, прижимаясь всем льнущим телом:

– И то, и другое вместе – можно?

– Я на вечер строил другие планы. Хотел, для разнообразия, пообщаться с кем-то, кто не из нашей семьи.

– Ладно, поняла, – Виола убрала от него руки, тряхнув светлыми волосами. – Давай обойдёмся одними наркотиками, без секса. Это тоже не плохо.

– Сделай одолжение, отвали от меня с этим! – отшатнулся Энджел. – Отец считает, что тебе следует немного притормозить и почиститься, так что счастлив от не будет.

– А ты всегда делаешь так, как скажет папочка! – презрительно фыркнула она. – Хороший мальчик.

– Я не всегда делаю, как скажет папочка.

– Разве?

– Но в данном конкретном случае я с ним согласен. В последнее время у тебя действительно конкретно рвёт крышу. Сказать «завязывай» я не могу, но хотя бы притормози?

– Чего ради?

– Что?..

– Чего ради тормозить, Энджел?

– Может быть, чтобы не сдвинуться окончательно?

Виола засмеялась, вызываясь, почти вульгарно:

– Ты это серьёзно? Чтобы не сойти с ума? Ну, тогда всем нам здесь беспокоиться совершенно не о чём, ибо мы совершенно, абсолютно и бесповоротно безумны.

Энджел поморщился:

– Только давай без этого, ладно? Отца в кое-то веки дома нет, я могу быть сам себе хозяином и делать то, что мне хочется...

– А чем твои желания отличаются от того, что обычно хочется ему?

– Хочешь сказать, что мы похожи?

Виола, присев на краешек кровати, внимательно поглядела на сына:

– Честно говоря – не очень. Боюсь, ты куда больше походишь на меня не только внешне, но и внутренне. Вот твоя сестрица – да! В ней всё от Кинга. Такая же жестокая, цельная и целеустремлённая, как он. И хотя Рэй потворствует своим страстям как может, но он владеет ими, а не они – им. В отличие от тебя и от меня – мы им подвластны.

Энджел чувствовал желание матери поддеть его, уколоть. Во многом она была права, и это бесило.

– Какого чёрта тебе от меня надо? – раздражённо сощурился он.

– Почему ты думаешь, что именно от тебя? Просто иногда одиночество... оно такое – одиночество. И, даже понимая, что на самом деле присутствие других людей лишь иллюзия избавления от него, всё равно цепляешься, как утопающий цепляется за соломинку, за чьё-то присутствие. Упрямо хватаешь руками пустоту, зачастую сам перестав понимать – зачем?

Она прислонилась лбом к витому столбику, на миг прикрыв глаза.

– Я так устала от всего. А больше всего – от твоего невыносимого отца.

– Не я виноват в том, что он мой отец. Держала бы ноги вместе, проблем бы у тебя было в разы меньше. А у меня их так и вовсе бы не было.

– Как грубо. И несправедливо.

Энджел отвернулся. Внезапно кольнувшая в сердце игла жалости была совсем некстати.

Какой смысл кого-то жалеть, раз ничем помочь нельзя?

– Мне интересно, какой ты была до встречи с Кингом?

– Никакой. Если помнишь, мы близнецы. Меня без него ни часа не было. Но иногда мне тоже бывает интересно узнать, какой бы я была – без

него?

– И ты из праздного любопытства выкинула свой последний фортель, пытаешься его убить? – отбросив расчёску, Энджел повернулся к матери, меряя её сердитым взглядом.

– Почему тебя заботит его жизнь? Почему ты не хочешь помочь мне освободиться от него?! Разве это не решило бы все наши проблемы? – вскинулась Виола.

– Нет! – рявкнул Энджел. – Не хочу даже думать об этом, ясно?

– Тебе нравится, как он трахает тебя? Или то, как он заставляет тебя трахаться с другими?!

– Если ты хотела меня защитить, свои кровавые вендетты нужно было проводить раньше! Теперь – поздно. Что выросло, то выросло.

– Почему ты защищаешь его, Энджел? – сбавив тон, с искренней печалью спросила Виола.

– О, Боже! – в нетерпении сжал кулаки Энджел. – Разве не понятно? Потому что он – мой отец.

– Он превратил твою жизнь в ад.

– Он учил меня существовать в аду, в который превратилась наша жизнь, матушка. Не мой отец сотворил людей вокруг. Не он расставил пешки на доске жизни. Он выживал, как мог. И учил меня выживать так, как умел сам. Вот и всё!

– А спал с тобой он тоже для вашего совместного выживания?

– Тебе ли упрекать его в этом? Ты же делала тоже самое!

– Я сделала это потому, что он угрожал нам обоим жизнью твоей сестры! Забыл?!

Энджел внезапно успокоился. Как это обычно с ним бывало, настроения менялись быстро и внезапно.

– Мы оба знаем, что он не причинил бы ей вреда. В отличие от меня или тебя Сандру он по-настоящему любит. Да и потом, после того раза, Рэй не стоял над нами, но мы продолжали... за это ты тоже предлагаешь мне ненавидеть его? Что тут ещё сказать? Мне чертовски не повезло с родителями, мама. Вы оба – два сапога пара. Мы семейка извращенцев. За то, какие вы есть вас нельзя не ненавидеть, но вы мои родители. И я хочу видеть вас живыми. Обоих. Почему? Не спрашивай. Не знаю. Просто – хочу. И точка.

Виола опустила голову, перебирая складки на пеньюаре, а когда подняла, в глазах её блеснули слёзы.

– Я рада, что ты не ненавидишь меня. Хотя, наверное, должен? Я не защитила ни тебя, ни Сандру. Я... ничего в жизни не смогла.

– Пожалуйста, не надо! Ну какой теперь в этом толк. Никто же по-настоящему не пострадал?

– Пострадал. Только не понимает этого, – она прижала ладонь к щеке сына и на этот раз это был чисто дружеский, полный нежности, жест. – Бедное моё, изуродованное дитя!

Виола отвернулась.

Энджел всё ещё колебался. Рэй, перед тем, как свалить, категорически запретил давать матери дурь любого толка. Но, зная на собственной шкуре, какой жестокой бывает ломка, Энджел не находил в себе силы отказать матери.

Хотя так приятно видеть рядом с собой почти вменяемое существо! Он уже успел забыть, что Виола могла быть и такой.

– Ты когда-нибудь любила отца? – неожиданно для себя спросил он.

Мать бросила на него удивлённый взгляд:

– Любила? Не знаю, можно ли это назвать любовью? Он был рядом всегда и от него было не избавиться. Он умел причинять боль, но умел и дарить наслаждение, как никто другой. Я тянулась к нему не понимая, что это аморально. Некому нам двоим было объяснить, что такое мораль. Мы оба, словно плевелы за людским порогом, выросли сами по себе и делали что хотели и когда хотели, не признавая запретов. Нас не учили любить и любить мы оба так и не научились. Твой отец, мой брат, защищал меня от мира на свой лад, но я заплатила за это слишком дорогую цену.

– Значит, ты его не любила?

– Энджел! Что за вопрос?! Разве Рэя Кинга можно любить? Я была его тенью, мы с ним связаны. Я не могла жить без него – так и не научилась... а теперь уже поздно.

– А он тебя, как думаешь, любил? Хоть немного?

– А это важно? – отмахнулась Виола.

– У нас с сестрой отвратительная предыстория, – вздохнул Энджел.

– Это имеет для тебя значение?

– Родители всегда имеют значения.

– Не всегда. Для меня мои родители всегда были ничем, пустым местом.

– Как и дети, собственно, – с горечью отвернулся от матери Энджел.

Виола вздохнула:

– Я никогда не проявляла по отношению к вам жестокость. В отличие от вашего отца. Но к нему ты относишься лучше, чем ко мне?

– Ты не проявляла не только жестокость – ты по отношению к нам вообще эмоций не проявляла. Тебе всегда было плевать и на меня, и на

сестру, и на Артура. За все эти годы ты никогда не говорила нам о нём – ни разу. И я бы понял, если бы ты этим пыталась его защитить. Как бы мне хотелось в это верить, мама! Но – нет! Тебе просто не было до него дела. Никакого. Ты равнодушная, безразличная ко всему, бездушная сука.

Виола смотрела на сына и в больших глазах её плеснулось сначала ненависть, а потом горькая насмешка:

– Ты понимаешь меня лучше других, сын. Как никто другой. Потому что в тебе живёт та же пустота.

– Нет! Мне, в отличие от тебя, не всё равно! Не все равно, что станет с Сандрой, с отцом, с Ливианом, Артуром... чёрт, да даже с тобой!

– Тем хуже, – пожала плечами Виола, – тем хуже для тебя. Ладно, куда ты там собирался? Иди. И спасибо за это, – она помахала заветным пакетиком с героином перед тем, как выйти из комнаты.

С досады Энджел схватил графин и шваркнул его об стену.

Он со всей силы несколько раз ударил в массивный бетон кулаком, сбивая пальцы обеих рук в кровь.

Совершенно бесполезная трата энергии! Кожа тут же, на глазах, стянулась. Пальцы на мгновение заломило, но в следующее мгновение кости срастались.

Бесполезно! С помощью физической боли так же мало возможности унять боль душевную, как и вызвать любовь в сердце отца или матери. Что не делай – им просто плевать! Отец ещё и удовольствие получает, садист хренов.

Но лучше так, чем, как в случае с Виолой – клубящийся туман пустоты.

Глава 20. Энджел

Энджел поспешил покинуть отцовскую берлогу. Кипящая в нём ярость и адреналин требовали выхода, зверь рвался с поводка, он был намерен спустить его.

В отличии от сестры Энджел всегда предпочитал автомобили байкам, ибо любил комфорт. Лишь в такие минуты, как сейчас, когда по венам и артериям вместо крови бежит кислота, двухколёсный конь – самое то. Дождь вперемешку со снегом летит в лицо, грязь брызжет из-под колёс, а от скорости закладывает уши, ты почти не чувствуешь лица – ветер и холод лишают кожу чувствительности.

А вот что сердце способно лишить чувствительности?

Он нёсся мимо высоких тротуаров, едва протискиваясь между рядами

автомобилей, стоявших в пробках. Сознательно рискуя, почти ложась на землю на крутых поворотах от резко заложенного руля и снова встраиваясь в очередной ряд автомобилей.

Сначала у хаотичных передвижений не было никакой цели, потом Энджел вспомнил о вечеринке у Ньевес и решил направиться туда.

Огромный особняк ярко светился многочисленными огнями и оглушительно гремела музыка, раздражая ещё на подъезде.

– Ваш пропуск, молодой человек, – потребовал охранник, но стоило ему встретиться с чёрными глазами Энджела, как взгляд его остекленел, а рука сама собой потянулась к кнопке, открывающей ворота.

За порогом оказалось темно, многолюдно и душно. Толпа народа, как на большой дискотеке, двигалась под музыку, но в движениях этих не было гармонии – наркотический экстаз в сопровождении кислотной музыки.

Несмотря на то, что все уже порядком накачались, появление Энджела для женской половины не прошло незамеченным. Они провожали его взглядами, оживлённо переговаривались, мерили призывными взглядами.

Эта игра никогда особенно не увлекала. С одной стороны, удобно – бери любую и делай, что хочешь. С другой – всё со временем приедается и «просто секс» – тоже. Бывали моменты, когда Энджела реально интересовало то, что может быть в мозгах у девушки. Плохо лишь то, что у большинства здешних девиц мозга нет, так, расплывающееся серыми мыслями нечто, невзрачное облачко в сочетании с огромным апломбом и высоким самомнением. Терпеть это долго вообще не представлялось возможным.

– Эй, Кинг! – обернувшись на оклик, Энджел встретился взглядом со знойной испаночкой.

Ньевес была красива яркой, бросающейся в глаза южной красотой.

Вызывающее ярко-алое платье, обтекало фигуру от оголённых плеч до пола, скорее подчёркивало изгибы тела, чем скрывая их. Густые, тяжёлые волосы тёмным нимбом окружали чувственное смуглое лицо с блестящими, чёрными, как ягоды смородины, глазами и крупным, напомаженным ртом, а потом, змеясь, опускались на оголённую спину почти до пояса.

Волосы Ньевес были естественным украшением, даже если бы других достоинств у неё не нашлось, они превратили бы её в красавицу.

– Я думала, ты не придёшь, – призывно виляя бёдрами, приблизилась она к Энджелу.

Рука его непроизвольно, почти сама собой, обвилась вокруг талии девушки.

Стан её был подвижным, упругим и гибким. Гладкая, тонкая материя платья лишь обостряла приятные чувственные ощущения. В тяжёлом, жарком воздухе запах духов сделался навязчивым и кружил голову не хуже кокаина.

– Ты опоздал, – капризно надувая губки, забросила она ему руки за шею.

– Знаю, – кивнул Энджел. – Имею дурную привычку редко приходить вовремя.

– Почему?

– Нравится заставлять себя ждать, – с улыбкой выдохнул он в манящие, сладко пахнущие земляничкой пухлые губы, к которым так и хотелось присосаться поцелуем.

– Не слишком-то это красиво.

– Кто спорит?

Тёплая тяжесть её тела у его груди, сладкий тяжёлый запах ванили, распространяющийся от волос, заставляли испытывать сладкое желание, которое приятнее всего во время предвкушения.

– Ты сегодня один, я надеюсь? Без твоей красавицы-англичанки? Кстати, кто эта девушка, которую ты осмелился предпочесть мне?

– Кто она совершенно неважно. Главное, что сегодня её со мной нет. Я весь твой.

– У тебя с ней что-то серьёзное?

– А что ты подразумеваешь под «серьёзное»?

– Ты испытываешь к ней чувства?

Энджел закрутил партнёршу вокруг себя, заставляя переступить с ноги на ногу, опасно балансируя на тонких шпильках и одновременно обеспечивая поддержку. А когда они вернулись в исходную стойку, насмешливо уточнил:

– Ты уверена, что хочешь потратить время на обсуждения моих чувств к своей сопернице? Может быть, займёмся чем поприятней?

Ньевес неопределённо фыркнула, что можно было трактовать по-разному. Энджел решил принять за согласие и потянул девушку в сторону лестницы, уводящей на второй этаж.

Она не сопротивлялась.

Девушки – совершенно загадочные существа. Иногда они бесятся из-за ерунды, а иногда сквозь пальцы смотрят на косяки толщиной с брёвна.

Будь Энджел девушкой, он бы себя сейчас и на пушечный выстрел не подпустил.

Испанка увлекла его за одну из призывно полураскрытых дверей. Ещё

до того, как они захлопнулись, Энджел жадно набросился на неё с поцелуями. Ему сейчас не были нужны ни чувства, ни эмоции, ни даже ощущения, как таковые. Ему хотелось грубого, животного даже не секса – траха.

Ньевес, говоря откровенно, была не слишком подходящей кандидатурой для осуществления его желания. Слишком красивая игрушка, которую жалко ломать.

Энджел умел по-своему ценить и беречь красивые вещи.

– Какая ты сладкая! – прошептал он, сжимая её в объятиях и стараясь не терять голову, чтобы не оставлять на белом, нежном теле грубые синяки.

Ньевес откинула голову, подставляя пахнущую духами шею под поцелуи. Руки его ласкали её высокую, тяжёлую грудь и такую тонкую, по сравнению с ней, талию.

Ньевес, как и Ирис, отнюдь не отличались хрупкостью и худобой, хотя и полными их назвать ни у кого не повернулся бы язык. Обе девушки относились к тому редкому типу женщин, которых отличает мягкость форм, плавность линий и породистая стать. Полные плечи и грудь, далеко не узкие бёдра с волнующим изгибом, тонкая талия, густые волосы и лица с выразительными, по-гречески правильными чертами.

Красота бывает разной, но именно в таком своём воплощении она цепляла Энджела наиболее сильно.

Всё сильнее погружаясь с страстный омут чувственного наслаждения, он упивался новой любовницей как первооткрыватель новой землёй, заранее зная, что, как бы хороша и прекрасна она не была, завтра его вновь потянет странствовать к новым берегам.

Он не искал отношений, понимания или духовной близости. Его вполне устраивал пресловутый стакан воды, который стоило осушить до дна и отставить, хорошо, если получится, не разбив.

Энджел не мог не понимать, что зачастую девушкам было этого мало. Что даже когда они вслух ратовали за радости свободной любви, каждая из них в глубине души надеялась, что станет исключением.

У него не было и не могло быть отношений ни с Ирис, ни с Ньевес.

Острое удовольствие ночью и холодное пробуждение по утрам – вот то, что он мог дать. Не меньше, но и не больше. Жаль, девушки отказывались это понимать. Они упрямо, одна за другой, пытались выжать из камня воду.

В какой-то момент Ньевес резко оттолкнула Энджела от себя, жадно глянув ему в лицо:

– Что?.. – в недоумении нахмурился он. – Что-то не так?

– У тебя есть с собою «дурь»?

– Она у меня всегда с собой есть.
– Поделись.
– Что? Своей природной не хватает? – пошутил он.
– Очень смешно, – состроила она недовольную гримасу. – Дашь или нет?

Преодолевая неожиданно накатившее чувство гадливости Энджел достал очередной заветный пакетик и помахал им перед носом у любовницы. Ньевес проворно сцапала его, словно кошка мышку, направляясь к туалетному столику.

Наблюдая за тем, как она занюхивает кокаиновую дорожку, Энджел поймал себя на мысли, что на место желания пришла гадливость. Смешно ему кого-то осуждать. Да он и не осуждал, просто злился.

– Ну, красотка? Заправилась? – оторвав её от стула, Энджел, больше не церемонясь, бросил Ньевес на кровать.

Не видя причин и дальше держивать зверя на поводке, он позволил страсти выплеснуться из себя, как созревшему гною. В том, что он требовал от Ньевес не было ни грамма достоинства, почти нарочито потребительское отношение, но она, такая заносчивая гордячка в обычной жизни легко всё проглатывала и не рыпалась.

К концу их встречи Энджел не сомневался, что вряд ли сможет заставить себя ещё раз сойтись с этой девушкой, несмотря на всю её красоту.

В очередной раз он сумел увериться во мнении, что каждая женщина достойна секса, но не каждая – дважды. Чем чёрт не шутит, может быть папочка займётся другим проектом и забудет про свое «задание»?

Вытащив сигарету с марихуаной у него из рук, испанка затянулась:

– Это было потрясно! – промурлыкала она.

Энджел усмехнулся.

На самом деле потрясно не было. Уж точно не ей. И то, что она лгала там, где могла бы хотя бы просто промолчать, не добавляло ему к ней симпатии.

– Когда мы снова увидимся? – спросила Ньевес.

– Когда-нибудь, – ответил он.

Она надула губки:

– Так ты позвонишь мне или как?

– Конечно, позвоню, – не моргнув глазом, соврал Энджел.

Уж что-что, а продолжать это одноразовое randevu в его планы точно не входило. Обижать испаночку не хотелось, но ему было с ней не интересно. От слова – совсем.

– Мне пора, – лениво приподнявшись, Энджел потянулся за одеждой.
– Куда? Вечеринка же ещё только началась!
– Я приехал сюда потому, что обещал тебе. Выкроил время в своём плотном графике.

– Плотном – от чего?

Он едва не закатил глаза и не послал её к чёрту.

– Увидимся, – поцеловал он испанку на прощание.

Не успел он взять в руки айфон, как на нём высветилось пять вызовов. Сердце пропустило удар – от Рэя Кинга.

Обычно отец удовлетворялся одним звонком или СМС-кой, справедливо полагая, что человек либо слышит с одного раза, либо нет. Во втором случае доставать его совершенно бесполезно.

Чувствуя, что случилось что-то ужасно, Энджел перезвонил отцу.

Его подозрения подтвердились.

– Я не стану спрашивать, где ты сейчас, мне это, откровенно говоря, по фигу, – голосом, лишённым всяких эмоций, протянул Рэй. – Просто скажи, это ты дал Виоле наркоту?

Ладони взмокли, по спине словно сквозняком потянуло.

– Я.

– Что давал?

– Спидбол.

– Ты в своём уме?! – коротко рыкнул Рэй перед тем, как отключиться.

Энджел стоял в полумраке широкого коридора, в чужом доме, слушал странную, причудливую мелодию из динамика и с каждой секундой всё отчётливей понимал – мир меняется прямо сейчас. Прямо в эту минуту.

Меняется неотвратимо. Так, чтобы никогда уже не стать прежним.

Рэй не отдавал приказов, не угрожал ничего не требовал – просто спросил. И это было столь же несвойственно для него, как снег среди лета.

Не тратя времени даром, не обращая внимания на окликающие голоса (по правде говоря, Энджел вообще не осознавал, что это к нему обращаются) он рванул к мотоциклу.

Как в полусне мчался по ночному, как всегда в последние месяцы, переполненному влагой воздуху.

На самом деле он понял всё сразу. Даже ещё до того, как позвонил отцу, отвечая на его пять вызовов к ряду.

Его мать была мертва. Обычный, банальный передозняк, которая к членам его семейства вообще не мог иметь отношения!

Энджел проявил легкомыслие. Он не учёл тот факт, что женщины в их роду отнюдь не так сильно отличались от простых людей. Убить их не

составляло труда. А Спидбол, эта тяжёлая смесь героина с кокаином – один из самых опасных видов «дури», два противоположных наркотика, один из которых угнетает, а другой стимулирует организм, легко может вызвать остановку сердца, что, скорее всего, и произошло.

О чём он только думал, когда дал ей то, что никогда не предназначалось им для торговли – лишь для собственного пользования?

В бункере было непривычно тихо и в тоже время как-то обыденно. Отцовские парни занимались своими делами как ни в чём не бывало. Кто-то пил, кто-то играл в карты, кто-то смотрел телик или гонял в бильярд – слышались удары кием по шарам.

Артур шагнул ему навстречу до того, как Энджел успел толкнуть дверь в комнату матери. Выглядел брат-любовник паршиво, словно его самого только что с того света вытянули.

– Я уже понял, что случилось, – оттолкнул его Энджел, пытаясь протиснуться в оставшийся промежуток между плечом Артура и стеной. – Мне не требуется предварительной моральной подготовки.

– Уверен?

Энджел усмехнулся потрескавшимися губами:

– Всё настолько плохо?

– Не успел рассмотреть. Рэй выставил меня за дверь.

– Он там? – звук словно отказался проходить сквозь гортань, замирая на губах. – В комнате? С ней?

Артур молча кивнул, внимательно глядя своими говорящими глазами словно бы прямо в душу.

– Не стоит сейчас туда ходить.

Но Энджел, упрямо тряхнув головой, толкнул дверь.

Сердце билось короткими толчками. Ударит – замрёт, как птица с поломанными крыльями, инстинктивно пытающаяся поднять себя с земли, не осознавая непоправимого масштаба беды, ещё не чувствуя боли.

Рэй сидел на стуле напротив кровати, опираясь локтями на острые колени и уронив подбородок на сцепленные в замок пальцы. Он задумчиво взирал вглубь кровати, со всех сторон окутанной прозрачной, вуалевой дымкой, золотистой в свете горящих свечей.

Комната утопала в темноте. Лишь по обе стороны, в изголовье кровати стояли канделябры с почти прогоревшими свечами.

Сама кровать казалось хрустальным гробом, в котором уснула Спящая Красавица, дожидаясь своего принца, Волосы Виолы отливали золотом.

Сейчас, когда страсти никак не отражались на её лице, спокойном и безмятежном, оно было удивительно красивым. Никто бы, взглянув на

молодую женщину, не посмел бы даже подумать о тех грехах, что лежали на её душе.

– Она похожа на спящего ангела, – тихо уронил Рэй и усмехнулся.

Ухмылка походила даже не на оскал хищника – скорее на искаженный лик демона, уже сброшенного в ад, но и там не желающего изменить своей сущности, раскаяться, попросить прощения.

– Интересно, когда я умру, я буду выглядеть также?

Энджел, с трудом проглотив колющий ком эмоций, выдавил из себя:

– Это всё, о чём ты можешь сейчас думать?

– Нет. Ещё я думаю о том, что всего этого могло бы не быть, если бы ты просто сделал то, что я тебе велел – не давал ей наркотики. Проявил самостоятельность? Почувствовал себя храбрецом и бунтовщиком? Что ж? – пожал он плечами. – Ты даже не представляешь, с каким удовольствием я бы открутил тебе твою совершенно безмозглую голову. Тебе она всё равно без надобности.

– Что мешает?

– Наказать тебя? – приподнял брови Рэй. – Зачем? Больше, чем ты наказал сам себя, у меня всё равно не получится.

Энджел едва удержался от того, чтобы не скрипнуть зубами.

Сдерживать слёзы ему не приходилось. Глаза были сухими до рези. А в душе всё было черно и тихо, как на выгоревшем пепелище.

ГЛАВА 21. Сандра

Проснувшись утром Сандра в первый момент подумала, что всё случившееся ночью лишь приснилось. Нет, ну реально – какой, к чёрту, дьявол? Какой ад?

Наверное, ведьма-Синтия подмешала ей какой-то наркотик, вот причудилась вся эта нелепица да несусветная чушь. Даже внешность пригрезившегося прародителя, так его и растак, была сгенерирована мозгом с внешности Энджела и Альберта. Её «ночной» Люцифер словно вбирал черты обоих.

Да таких «падших ангелочков» тут полная галерея! Все, как один, в прямом смысле, писанные красавцы.

Успокоив себя подобным образом, Сандра приняла душ, оделась и спустилась вниз.

– Доброе утро, – приветствовала её Синтия. – Как себя чувствуешь после вчерашних приключений?

– Похмелья у меня никогда не было, но, полагаю, оно должно

чувствоваться именно так?

Синтия рассмеялась, подхватив Сандру под руку:

– Пойдём, выпьем кофе! Это тебя взбодрит.

Стол, как всегда, был сервирован серебряной посудой. На нём красовались живые цветы.

– Позавтракай и начнём урок.

– Что? – едва не поперхнулась Сандра. – Какой ещё урок?

– Мы должны опробовать полученную тобой Силу, – от энтузиазма глаза у Синтии не то, чтобы даже блестели – горели, отливая зеленью, как у кошки.

– Ты это не всерьёз?

– Ты ведь не сомневаешься в реальности того, что случилось? Ну, даже если и сомневаешься, поверь, это недолго. То, чем ты теперь обладаешь, тебе понравится. Сила дарит могущество, а могущество тесно взаимосвязано с властью.

– Зачем мне власть? – хмуро буркнула Сандра.

– Ну, ладно, может, власти ты и не хочешь, зато наверняка ведь мечтаешь о безопасности? До сих пор ты была лишь жалкой пешкой в руках своего отца и брата, их марионеткой. Тебя вынуждали жить так, как они этого хотели, а не так, как желала ты.

– Энджел никогда не требовал от меня того, чтобы я жила по его желаниям, – лениво отозвалась Сандра, помешивая ложечкой в чашке с кофе. – Всё было с точностью до наоборот. Это я требовала, а он соответствовал моим ожиданиям.

Сандра подпёрла рукой щеку, словно задумавшаяся Алёнушка, закручинившаяся над рекой.

– Но я действительно верю, что невозможно быть счастливым, нарушая определённые границы.

– Ерунда! Границы, как и нравственные ограничения, существуют для слабых. Если хочешь чего-то и можешь это взять – глупо отказываться из-за того, что кто-то считает это аморальным. Никто не будет писать для меня правила игры! Никто не посмеет сказать мне, что делать. Я – Синтия, госпожа Хрустального Дома, госпожа Элленджайт. Долгие годы я царствовала в полном одиночестве и не делилась этим ни с кем. Но теперь появилась ты!

– Ты не поделилась бы Силой со мной, если бы тебе не нужно было что-то столь сильно, что даже алчность не смогла стать преградой.

– Алчность? – недовольно нахмурилась Синтия.

– Я не деньги имею в виду – алчность бывает разной. Ты во всём

желаешь быть номером «раз», но ты ведь понимаешь, что если всё, что ты говоришь, не полный бред, то, поделившись со мной Силой, ты сильно рискуешь хрустальной ангельской короной.

Лицо Синтии потемнело и заострилось настолько, что действительно превратилось в лик ведьмы из страшных сказок, но Сандра моргнула и морок рассеялся. В следующую минуту госпожа Элленджайт уже заразительно смеялась:

– Как долго не носи тиару, всё равно придёт время принять смену. Ничто не вечно. Я же из тех, кто платит за желаемое – любую цену.

– Что ты хочешь?

– Уже говорила – хочу вернуть Ральфа.

– Положим, вернёшь. Что дальше?

– Дальше? Мы станем с ним жить дружно и счастливо, Альберт получит свою ненаглядную Катрин, – произнося имя ненавистной соперница Синтия аж передёрнулась, будто её не током ударило. – А вы, Кинги, сможете жить так, как того пожелаете сами. То, что ты получила от меня в дар, останется с тобой. Ты сможешь противостоять Кингу, поставить его на место, заставить считаться с собой. Сможешь вовсе от него уйти, если захочешь! А можешь не делать ровным счётом ничего – право решать за тобой. Словом, каждая из нас с тобой получит то, что желает больше всего: я – любовь, ты – свободу.

– Звучит заманчиво. Ладно. Что мне нужно делать?

Задания Синтия выстраивала грамотно, как педагог со стажем, соблюдая последовательность перехода от простого к сложному. Прямо за столом она потребовала от Сандры подогреть остывающий кофе одной только силой взгляда.

Насмешливо фыркнув, не веря в благоприятный исход мероприятия ни секунды, Сандра, следуя указаниям странной учительницы, неожиданно для себя легко добилась успеха: кофе вскипел, на его поверхности забурлили пузырьки.

Потом той же участи подверглась вода в ванной, затем – в бассейне. Завершилась вся эта водонагревательная магическая глава водой в озере. По счастью, подогреть его Синтия не требовала. Довольствовалась просьбой сделать очередную проталину в серой и мутной толщине льда, с чем Сандра так же успешно справилась.

Этим и обошлось.

Следующим занятием стало умение передвигать предметы с места на место. Это оказалось о сложнее, но, по-своему, и интереснее.

Самым трудным было заставить шариковую ручку покатиться по

поверхности стола. Потом, схватив принцип действия, запомнив внутренние ощущения, оставалось лишь усиливать меру воздействия в зависимости от размеров предмета.

Под конец стало даже забавно. Эдак,ходишь лениво в комнату и лёгким движением руки открываешь дверцу шкафа на расстоянии, прямо по ходу, не делая лишних телодвижений, ловишь в воздухе летящую к тебе из шифоньера пижаму. Или, не вставая с кресла, заставляешь книгу плыть к тебе по воздуху.

Правда, много времени не потребовалось, чтобы понять – встать и взять книгу с полки куда менее энергозатратно и гораздо проще.

Зато в драке умение просто отменное. Когда оружие противника легко могло оказаться в твоей ладони, а отлетевший в сторону нож скользил обратно в руку. К тому же, прямо на ходу, можно менять траекторию летящей пули – вот он, секрет того, что ни Кинг, ни Энджел, ни Ливиан и даже Артур, которого Сандра считала слабовольной тряпкой, никогда не промахивались!

Не исключено, что они делали это интуитивно, даже не отдавая себе в том отчёта, но всё же сила их мысли направляла пулю, выпущенную из ствола куда вернее меткого взгляда.

Следующим шагом стал навык работы с энергией света. Ну, по крайней мере, Синтия характеризовала его именно так. Возможность зажигать свечи даже не взглядом, а одним желанием сделать это – мыслью.

Потом точно так же заставить погаснуть электричество. Второе было сложнее – остановить цепочку бегущих по току в едином направлении электронов. Сначала удавалось погасить лишь одну маленькую лампочку из целого звена, освещающего комнату. На то, чтобы научиться гасить электричество в комнате, ушло пару дней, после чего Сандра почувствовала признаки надвигающейся мигрени, что случалось с ней отнюдь не часто – она с детства отличалась завидным здоровьем.

Ну а после того, как удалось погасить электричество в целом доме, она словно впала в спячку и проспала несколько суток подряд.

Синтия была крайне недовольна.

– Так не годится, – пеняла она, протягивая Сандре витаминный коктейль на основе томатного сока, который верная ученица опустошила одним глотком. – Ты должна научиться достигать цели с меньшей затратой пси- энергии или тебе придётся пить уже не сок, а человеческую кровь.

– Чего?! – скривилась от отвращения Сандра. – Ты не заставишь меня это делать! Даже не мечтай.

– Не стану и пытаться, – флегматично пожала плечами Синтия. – Твой

организм прекрасно справится с этим без меня. Запомни – ничто не берётся из ничего. Источник энергии, что ты получила как при рождении, так и при инициации, раз в сто больше того, что имеют обычные люди, но и он может истощиться. Люди получают энергию от света и еды, а падшие ангелы могут впитывать её в себя, поглощая кровь живых существ, а ещё лучше – забирая жизнь.

– Ты серьёзно? Человеческие жертвоприношения? – с каждой секундой отвращение Сандры увеличивалось. – Нет! На это я не пойду.

– Ты не так невинна, как пытаешься тут показать. Я знаю, тебе и раньше приходилось убивать.

– Так это совершенно другое.

– Другое, третье? Убийство есть убийство! Кровь на руках – пятно на душе, – отрезала Синтия.

– Я не убивала невинных.

– А кто сказал, что требуются лишь невинные жертвы? Сгодится любая. В случае крайней нужды даже кровь животного подойдёт, правда, если оно достаточно крупное. Тебе нужна энергия жизни, именно ею ты пополнишь внутренний резерв. Другое дело, когда ты приносишь жертву демонам – тогда в зачёт идет уже не просто жизненная сила, а именно энергия души. Тут чем душа чище, тем она сильнее, тем силы больше. И чем в больших муках погибает жертва, тем лучше насыщается демон. Но ты пока лишь человек. Тебе муки святых без разницы. И, на будущее, связываться с теми, на ком лежит благодать, вообще гиблое дело.

Сандра слушала с глубоким вниманием и интересом. Нет, в её намерениях не входило совращать или, уж тем более, убивать. Особенно святых. Но узнавать мистические тайны всё равно увлекательно.

– А чем опасны святые?

– В том, что, если сила поглощаемой духовной энергии окажется больше того, что ты способен поглотить, она тебя уничтожит.

– Образно говоря, еда встанет поперёк чёрной демонической глотки? – усмехнулась Сандра.

– Можно сказать и так. Но не стоит уходить от главного. Тебе придётся выбрать, Сандра: либо ты научишься достигать большего путём траты меньшего, либо придётся убивать.

– Однозначно – первый вариант.

– Мне бы твою уверенность.

У Сандры ушло ещё несколько дней на то, чтобы сообразить – не нужно глушить всю электропроводку, достаточно поставить мысленную перемычку на входе в цепи.

Чтобы осуществить задуманное, пришлось немного разобрать в химии и физике, но результат превзошёл ожидания.

Пока дело касалось влияния на объекты обучаться Сандре даже нравилось. Всё изменилось, когда дело коснулось живых организмов.

Синтия легко относилась к убийству, а вот Сандра, несмотря на то, что убивала в своей жизни и не раз, всё равно противилась тому, чтобы отнимать жизнь, пусть даже и у животного.

Вскоре пришлось столкнуться со знанием, что отнимать жизнь, пусть и сложно, но, увы, естественно, а вот вернуть её, запустив сердце убитого зверя, куда сложнее. Но когда сделать это получилось, Сандра почувствовала, как голову кружит от сознания собственной Силы – такого не мог никто!

Синтия пожалала плечами:

– Напомнить о профессии врача-реаниматолога? При помощи электрошокеров они почти также запускают человеческое сердце. А вот вернуть отлетевшую душу?... А это именно то, чему ты будешь учиться дальше.

Увлечённая каждодневными открытиями, Сандра не замечала, как раздвигаются рамки её внутреннего мира, границы, пролегающие в её разуме и душе. То, что раньше она считала невозможным становилось лёгким. То, что прежде казалось недопустимым, теперь получало возможность существовать.

Дьявол по-разному ловит людские души. И если одному искушению ты не подвластен, это вовсе не значит, что тебя не подловят на чём-либо другом. А грех же, которому были подвержены все в их роду был самым что ни на есть дьявольским – это гордыня.

Погрузилась во все эти дела мистические, Сандра практически выпала из реальной жизни, и вдруг реальная жизнь решила о себе напомнить.

Если существует на свете человек, чьё имя Сандра никак не ожидала увидеть под сигналом вызова на смартфоне, так это был Артур, по нелепой случайности носящий имя Брэдли.

Милый младший братец был в курсе, что она ставила его на одну доску с чумой и радовалась его появлению, как собака палке, избегая общения с Сандрой так же, как она – встреч с ним.

Первой мыслью было, что Артур разыскивает Энджела, но к новости, что ей сообщили, Сандра оказалась категорически не готова.

Её мать умерла?

С одной стороны – ничего странного, так, рано или поздно, и должно было случиться давно уже, если бы Энджел и Кинг не вытаскивали Виолу с

Того Света всякий раз, как той удавалось встать на самый его краешек. За безудержные удовольствия нужно платить, как правило – именно так, короткой жизнью, нелепо, даже гротескно, заканчивающейся.

То, что их мать более или менее спокойно скончалась в своей постели, на самом деле, можно считать огромной удачей.

Но Сандра, наверное, в самом деле бессердечная, раз, получив такое известие, реагировала так спокойно? Впрочем, для Сандры это было свойственно. В первый момент всегда сохранять спокойствие. Обычно печаль накрывала её позже.

– Что-то случилось? – спросила Синтия, заметив выражение лица Сандры.

– Я должна вернуться в бункер.

– Почему?

– Виола... – слова «погибла», «скончалась», «умерла», отказывались идти с языка. – У неё передозировка.

– Думаешь, сможешь ей помочь?..

– Ей уже никто не поможет. Поддержка, по словам Артура, нужна Энджелу.

– А Энджел единственный член вашей чокнутой семейки, чьё имя для тебя не пустое место?

– Верное наблюдение.

Сложно сказать, в какой момент в голове Сандры начала формироваться эта нелепая, невероятная мысль и что за ней стояло: желание отменить смерть матери? Снять груз с души брата, чувствующего за собой вину в её смерти? Или простое желание испытать полученную Силу всерьёз?

Но Тень этой мысли, поначалу призрачной и неясной, медленно обретала чёткость, пока Сандра неслась на своём Харлее-Дэвидсоне в город, с силой сжимая пружинящий под ладонями руль – словно скелет, обрастающий плотью.

Глава 22. Сандра

Вопреки ожиданиям Сандры, её брат-близнец был трезв. Ну, почти. Остатки дурмана, принятого им несколько часов назад, не в счёт.

Но выглядел братец неважно – призрачной копией самого себя.

– Сандра? – шагнув друг другу навстречу, они крепко обнялись. – Ты приехала?

– Конечно, – мягко ответила она, погладив его по волосам.

Льняные кудри Энджела были на удивление мягкими, руки – такие родные и тёплые.

От Энджела так и веяло болью. Хотелось развести её руками, встряхнуть его, как-то утешить, но Сандра никогда не была сильна в утешениях.

– Ты уже знаешь?

Сандра кивнула:

– Артур сказал.

– Это моя вина. Я дал их ей.

– Перестань! При чём тут ты, Энджел? Она бы и без тебя нашла для себя неприятности. В том, что случилась, вина лишь её, целиком и полностью. Ни ты, ни я ни в чём не виноваты перед нашими родителями. В отличие от них. Чего греха таить – они оба таковы, что, вероятно, без них и тебе, и мне было бы гораздо лучше.

– Не говори так. Не сейчас, – попросил брат.

Говорить гадости о покойниках, даже если они при жизни были тебе врагами, не принято. «О мёртвых либо хорошо, либо ничего»? Сандре всегда это казалось это чушью. Мертвые, как и живые, должны получить по заслугам. Если человек был мразью, именно это и следует выбить на его надгробной плите.

Впрочем, Виола не была стервой по сути своей; она была безвольной, бесформенной, бесхребетной амёбой, которой не хватало силы воли ни на что. И, пусть это плохо, но глубокой скорби по поводу кончины матери Сандра не испытывала. Её куда больше огорчали терзания брата, психика его никогда не была стабильна, а куда заведёт его чувство вины – кто знает?

Пока он с горя не довёл себя до пограничного состояния фамильными мазохистскими упражнениями или принятием оглушающей дозы дури, Сандра решила посвятить его в свои планы по воскрешению матери. На всякий случай прихватила и Артура, чтобы потом не пересказывать всё заново.

Поведав братьям всё, чему удалось научиться у Синтии за последний месяц, она встретилась с ожидаемым недоверием.

– И ты всерьёз веришь в возможность того, о чём говоришь? – недоверчиво покачал головой Энджел.

Если бы они трое только могли предвидеть, какой кошмар ожидает их впереди.

Сандра самой себе не смогла бы ответить на вопрос, верит ли она в реальность намечающегося мероприятия? Скорее всё-таки нет, чем да. Она

также не могла не отдавать себе отчёта в том, что затеянное похоже на святотатство, но всё-таки решилась. Ей нравилось думать, что она делает это ради Энджела, тогда как на самом деле причина была в том, что ей попросту не терпелось опробовать обретенную силу, познать её границы или, наоборот, безграничность.

Энджел шёл у сестры на поводу.

Как ни странно, попытку возразить предпринял только Артур:

– Ваша затея также уместна, как цирковые трюки на похоронах, – заметила он. – Оставьте несчастную в покое. Хотя бы после смерти на него вполне рассчитывать каждый.

Ошибочное убеждение. Видимо потому, что Виола была из рода заядлых грешников, высшие силы и не оградили её от всего случившегося.

Сандра старательно избегала встреч с Кингом. Он, занятый собственным горем, в свой черёд не вспомнил о дочери. На звонки Синтии Сандра тоже предпочитала не отвечать, решив, что со всем справится сама.

Всё, что требовалось для обряда она найдёт самостоятельно, ведь книга, содержащая ценны указания в виде последовательности действий, была заранее предусмотрительно захвачена с собой.

По счастью, Кинг не позвал священников на отпевание. С его стороны это не было пренебрежением к усопшей или к религии – он просто не знал религиозных канонов.

Вся его забота о Виоле выразилась в том, что он хотел похоронить её с максимальной роскошью. Будто это могло иметь значение? Если да, то только для живых. Мёртвым уже всё равно.

Для успешного проведения обряда воскрешения тело должно было оставаться в неприкосновенности, что в двадцать первом столетии довольно сложно выполнить. Похоронных службы норовят внести свою лепту, выпотрошив тело усопшего, как индюшку, доведя его до состояния идеального чучела. В покойника закачивается половина известных науке химических препаратов, и из изымается чуть ли не половина органов. А этого допустить категорически нельзя!

Но деньги – волшебное средство. Вопрос уладился быстро. Кинг, по счастью, предпочёл не везти Виолу в морг, а оставить дома.

Желание Артура взять на себя эту часть работы Рэю несколько не показалось странным. Патологоанатомы получили двойную оплату за то, чтобы не делать свою работу и остались довольны этим, как слоны.

В гробу, больше похожем на дорогую шкатулку, в одном из самых красивых платьев, Виола выглядела настоящей красавицей. Тлен не спешил подбираться к ней несмотря на отсутствие формальдегидов.

Ливиан, приехав, был удивлён тем, что случившимся опечален оказался один лишь Кинг, а дети усопшей развили столь бурную деятельность. Впрочем, он объяснил это психологической защитой, тем, что за действием все прячутся от скорби.

Сложность возникла там, где её не ждали: Рэй решил вести ночные бдения у гроба!

– Как сентиментально, мать его! – выругалась Сандра.

– И что делать? Может, сказать отцу о задуманном? – устало потёр переносицу Энджел.

Он не спал трети сутки и выглядел очень бледным.

– Нет, – решительно отвергла его предложение Сандра. – Ни в коем случае. Кинг не верит ни в Бога, ни в чёрта. Единственное, что он увидит в наших действиях – осквернение.

– Возможно, будет не так уж и не прав?

– Возможно.

– Что прикажешь с этим делать-то?

– Я сама решу проблему, – пообещала Сандра.

Сандра решила Кинга попросту вырубить, хотя описание «попросту» на самом деле вовсе не соответствовало истине. Сделать это оказалось непросто. Потребовалась неслабая доза наркотиков, чтобы отправить Рэя Кинга в Страну Грёз на время, достаточное для осуществления плана.

– Да ты в своём уме?! – выверился Энджел, сверкая на сестру злыми глазами. – Ты и его хочешь угробить?

– Честно говоря, я не против осиротеть. Но не думаю, что в нашем с тобой случае можно так быстро надеяться на хэппи-энд.

– Ты понятия не имеешь, о чём болтаешь! Можешь ненавидеть отца, но он заботился о нас, как умел.

– А умел он плохо, – отозвалась Сандра, смешивая ингредиенты и чувствуя себя при этом волшебником-зельеваром. – Да не переживай ты. Кинг не Виола. От него так быстро мы точно не отделаемся. Просто отдай ему это, когда он потребует свою дозу, остальное не твоего ума дело.

– Я не уверен, что так будет правильно? – всё ещё сомневался Энджел.

– Ты хочешь попытаться вернуть нашу мать или нет?

– В этом я тоже не уверен. Может оставим всё, как есть?

Энджел повертел голубоватый пузырёк в пальцах, поглядев через него на просвет.

– Только не вздумай пробовать сам, – предупредила Сандра, встревожившись.

– Если он так безопасен, как ты утверждаешь, с чего тебе волноваться?

– Мне нужна будет твоя помощь, а Виоле после воскрешения, весьма вероятное, потребуется твоя кровь.

Энджел покачал головой:

– Ты, похоже, совсем умом тронулась, раз всерьёз рассуждаешь об этом?

– Поживём – увидим. Пока я знаю лишь одно: Синтии удалось вернуть своего брата спустя полтора столетия, она планирует поступить точно так же со вторым. Так неужели у меня не получится вернуть с того света покойника, не пробывшего мёртвым и трёх дней?

– Твоя Синтия – чокнутая.

– Пусть так. Но если я сделаю свою часть работы, а ты свою запрешь лишь потому, что в очередной раз будешь пьян, получится, что ты убьёшь нашу мать дважды.

Энджел, подавив тяжёлый вздох, покачал головой.

– Почему я тебя всегда слушаю? Ведь каждый раз, когда я делал так, как хотела того ты или мать, мы все оказывались в глубокой тёмной заднице?

– Ты сделаешь, как я прошу? Или нет?

– Конечно – сделаю! Это же, по-моему, очевидно!

Сандра тщательно перепроверила все необходимые для ритуала ингредиенты: курительная чаша, курения ели, можжевельника и болиголова, алтарная чаша, сам серебряный алтарь, горючая жидкость, спички. Жертвенное животное она не готовила, планируя использовать человеческую кровь.

Ритуальной одеждой должна была послужить белая рубашка без вышивки, с минимальным количеством швов и без пояса, но с капюшоном, покрывающим голову. Волосы под капюшоном полагалось держать распущенными – меньше узлов любого рода.

К тому моменту, как Энджел вернулся, Сандра успела переодеться и снять с себя все украшения, проведя в комнате все предварительные очистительные обряды.

Увидев её, брат вздрогнул:

– Вот дьявольщина!

– Что? Я похожа на настоящую ведьму?

– Ты похожа на призрак. У меня мурашки бегут от такого твоего вида.

– Что там с Кингом?

– Вырубился. Правда, не сразу. В последний момент даже пытался бороться с охватывающим его оцепенением, видимо, что-то почуяв.

– Что он мог почуять? – презрительно передёрнула плечами Сандра. –

Не переживай о нём. Ему же лучше, выспится да отдохнёт, а когда придёт в себя его будет ждать приятный сюрприз.

– Что-то мало верится.

– Где он?

– В своей спальне. Ты же не против? – с сарказмом спросил Энджел.

– Да нисколько.

Сандра не испытывала ни страха, ни скорби, ни даже настоящего желания воскресить мать, но всё же старалась не смотреть в сторону гроба.

Опустившись на колени, она принялась чертить необходимые знаки, взяв за центр гроб с телом.

Сначала перевёрнутый острием вниз треугольник – знак Смерти; потом чёрный пентакль, с одним концом вниз и двумя вверх – символом Тёмной Стороны, представляющий собой, так называемое, «копыто козла» и рога дьявола. Пентаграмма была заключена внутрь следующей, более сложной фигуры, гексограммы, состоящей из двух полярных треугольников, образующих в итоге шестиконечную звезду. Получилась сложная система, где шесть маленьких отдельных треугольников сгруппировались вокруг одного большого, центрального – символ, олицетворяющий объединение всех начал и стихий.

Закончив с черчением, Сандра впустила в комнату обоих братьев. Она даже задумалась о том, чтобы и Ливиана втянуть в это дело, но потом решила, что всё же лучше следовать заранее намеченному плану, без импровизаций.

– Встаньте на вершины треугольников. Нет, не сюда. Вот так.

– Есть разница? – меланхолично поинтересовался Артур.

Сандра не ответила. Она не углублялась в значение символов, просто машинально следовала указанным в книге инструкциям.

– Выпейте, когда скажу, – велела она, вкладывая им в ладони флакончики с заранее приготовленным зельем.

– Что это? – поинтересовался Энджел.

– Некромантия, насколько я успела разобраться, базируется на крови и боли. Чтобы воскресить человека, требуется жертву не просто умертвить, а заставить её мучиться. Я не планирую никого убивать, не бойтесь. Но, раз мы с вами не люди, а вы и без того часто развлекаетесь, причиняя друг другу боль, я решила попробовать вашу энергию направить в позитивное русло.

– Ты хочешь использовать нашу боль? – усмехнулся Энджел. – А кто говорил, что мы ничем не рискуем?

– Она-то точно – ничем, – поддержал его Артур.

– Вы оба регулярно развлекаетесь, потроша друг друга как хозяйка – цыплёнка. Потерпите уж как-нибудь для благого дела. Не развалитесь.

– Не вопрос, – согласно кивнул Энджел.

– Лишь бы для благого, – сомневающимся эхом вторил ему Артур.

Сандра поставила курильницы у подножий гроба, установила чёрные и алые свечи по углам, точно следуя указаниям, содержащимся в книге.

Артур с Энджелом снова переглянулись.

– Сандра, при всём уважении – это становится нелепым. Наша мать умерла, но вместо того, чтобы молиться о её спасении, плакать и... что там ещё нормальные люди делают, мы тут занимаемся всякой ерундой!

– Тогда – уходите, – холодно глянула на них Сандра. – Вы сами решили помочь мне, я вас не nevoлила. А своими постоянными саркастичными репликами ты отнюдь мне не помогаешь.

Энджел снова обернулся к Артуру, словно ища поддержки. Тот в ответ лишь пожал плечами.

– Пусть попробует, если ей так будет легче. Постоять молча и выпить очередную настойку несложно, – тихо сказал он.

Энджел саркастичных реплик больше не отвечивал, наблюдал в полном молчании за манипуляциями сестры.

Сандра закрыла глаза, стараясь сосредоточиться, почувствовать наличие силы. Она пыталась абстрагироваться ото всего: времени, места, пространства, эмоций.

Пыталась представить свою мать, припомнить её как можно лучше, во всех подробностях. Но как ни старалась, не чувствовала ничего, кроме нарастающего раздражения и собственного неверия в происходящее.

Что ж? Смирившись с тем, что ничего так и не почувствовала, Сандра начала нараспев читать слова заговора, заранее выученного наизусть:

«Виола Кинг, заклинаю тебя

Где бы ты ни была, что бы не делала,

Кровь родная взывает к тебе!

Требую твоего возвращения,

Заклинаю силой рода,

Поднимись! Восстань!

Шагни на Мост Калинов,

Вступи за землю брентную.

Явись за жизнью!

Явись за смертью!

Восстань!

Восстань!

Восстань!».

Сандре представила, что в руке она держит нож и мысленно поочерёдно приблизилась сначала к Энджелу, потом к Артуру, резанув их по запястьям. Тихий выдох заставил её открыть глаза. С удовлетворением она увидела, что её Сила действует – по рукам обоих братьев текла кровь.

Артур и Энджел в немом удивлении смотрели на то, как кровь не пролилась вниз, как полагалось по законам физики, а мелкими капельками закружилась в воздухе, будто подхваченные ветром облетевшие цветочные лепестки.

Красных капель становилось всё больше. Они прочертили алую дорожку от жертвы к жертвенной чаше и теперь кружились над ней, словно воронка торнадо, убыстряясь, уплотняясь с каждым мгновением.

«Повелитель Царства Подземного, заклинаю тебя, услышь меня! – продолжала Сандра читать речитативом, –

*«Откликнись на мой зов из мира живых, исполни просьбу мою!
Отпусти Виолу Кинг возвратиться под солнышко красное,
А я расплачусь с тобой силою».*

Капли крови, крутящиеся воронкой, слились между собой и стекли в чашу, в следующее мгновение вспыхнув ярким, самовозгоревшемся пламенем. Пылало так, будто горела не кровь, а горячее масло.

*«Прекрасная Смерть,
Владычица Страданий.
Из обители Чёрной
Из Мрака Чертогов,
Яда напиток
Кубок наполненный,
К смертным устам
Подносишь ты.
Не знаешь жалости,
Пощады не ведаешь,
Калинов Мост
Искажённый путь
Исхоженный путь
Тобою и свитою*

*Мановения перстом
Укажешь ты.
И умершую душу
На землю отпустишь.
Виола Кинг! Иди за мной! Иди за Жизнью! Иди за Смертью».*

Лёгкий скрип, судорожным вдох, как будто кто-то резко втянул в себя воздух, заставил Сандру повернуться.

И застыть.

Её мать сидела в гробу, прямая, словно проглотила каменный столб. Белое, восковое, ничего не выражающее лицо – никто не ошибётся в том, что это лицо мертвеца. В нём не было ни отсвета жизни.

– Какого?... – выругался Энджел.

– Наверное, сокращение мышц, – всё тем же тихим голосом заметил Артур.

– Ну да? А руки?!

Бескровные пальцы, до этого скрещенные на груди покойницы, действительно сжимали спинки гроба.

«Господи! – пронеслось в голове Сандры. – Неужели всё это правда?! И я на самом деле подняла тело покойника! Нет, не может быть. Артур прав, это просто сокращение мышц. Такое бывает от перепада температур».

Восставшие зомбаки, демоны, призраки – это детские страшилки. Даже если ты делаешь вид, что веришь, всё равно в глубине сердца живёт твёрдое знание о невозможности увидеть то, чего не существует.

– Ну хватит! – не выдержал Энджел. – Мы заигрались. Это уже слишком!

Он замолчал на полуслове – покойница внезапно открыла глаза.

Глава 23. Сандра

Виола напоминала огромную, неподвижную куклу из музея восковых фигур, что глядит перед собой широко открытыми глазами-стекляшками, но ничего не видит.

– Кошмар! – выдохнул Артур, пяясь. – Сандра! Давай сворачиваться!

Энджел решительно направился к гробу и, надавив на плечи покойницы, почти уложил её обратно на подушки, как вдруг Виола прыжком, рыча, словно дикий зверь, выскочила и, сбив с ног, вцепилась ему в горло.

Вернее, пыталась вцепиться. В последний момент он успел

инстинктивно выставить между собой и ожившим трупом руку, в которую тот жадно вгрызся, словно в законную добычу. Всё было как во сне: гортанные горловые звуки, стук, с которым тела катались по полу, брызги крови.

От неожиданности на несколько коротких минут Сандра и Артур опешили, застыв на месте, но оцепенение было недолгим. Они оба ринулись к Энджелу на помощь.

Стоило приблизиться, тварь с лицом Виолы подняла голову и, обнажив окровавленные зубы, вновь зарычала, как собака над костью.

Потерявший терпение Энджел ударом кулака сшиб её с себя, опрокидывая на пол. Реакция у него всегда была отменная, он даже успел вскочить на ноги. Однако созданный Сандрой монстр не спешил отступать, на четвереньках рванувшись вперёд.

– Не подходи! – рявкнул Энджел сестре.

Однако, проигнорировав предупреждающий крик, она без колебаний вонзила нож в сердце Виолы, ударив ей в спину.

То, что произошло дальше, Сандра хотела бы забыть, забыть навсегда – только вот вряд ли когда получится.

Голова того, что совсем недавно было телом её матери медленно, с хрустом, как на шарнирах, повернулась на сто восемьдесят градусов. На секунду монстр ткнулся лицом себе в грудь, как любой нормальный человек со свёрнутой шеей, но потом, будто кто-то невидимый потянул за невидимые верёвочки и голова снова поднялась.

На Сандру глянули чёрные провалы вместо глаз.

Она могла поклясться – демон, глядевший с той стороны, не имел ничего общего с её матерью. Виола, конечно, была не святой, но тут вообще ничего человеческого не оставалось, лишь запредельное зло, какого на земле вообразить невозможно – зло на грани полного разложения сознания.

Сандра с детства привыкла ничего не бояться. Она не верила ни в бога, ни в чёрта – ни во что, считаясь только с отцом, как с превосходящей силой противника. Только сейчас, глядя в глаза демону, она поняла, что такое страх на самом деле.

Провернув в плечевом суставе руки также, как до этого – голову, демон, словно кукла на шарнирах с гнущимися во всё стороны конечностями, спокойно вытащил длинный нож, отбрасывая его в сторону.

«Крови нет», – машинально отметила Сандра про себя.

Бескровные губы демона приподнялись, обнажая окровавленные зубы и в этот момент тишину разорвали оглушительные звуки пистолетных

выстрелов – Артур, видя, что холодное оружие врага не берёт, решил воспользоваться огнестрельным. Благо, здесь его было как в оружейном арсенале.

И снова голова демона завертелась, как карусель, поворачиваясь в сторону нападающего. Тело дёргалось от пробивающих его пуль, как на электрическом стуле, но продолжало двигаться. И ни одной капли крови не пролилось из белеющих в мёртвой плоти отверстий, как если бы стреляли не в человека, а в робота или манекен.

– Дьявол! – прорычал в отчаянье Энджел.

Приволакивая раненную ногу, он постарался занять позицию между сестрой и монстром, справедливо рассудив, что Сандра здесь самое слабое звено.

Но мертвец направился к тому, кто в него стрелял.

Двигалось созданное ими чудовище совсем не как зомби в фильмах, а быстро и стремительно, оно обладало нечеловеческой силой. У Артура и Энджела никак не получалось с ним совладать.

Восставшему мертвецу удалось схватить Энджела – комната была вовсе не настолько больших размеров, чтобы четыре взрослых человека могли долго играть в ней в кошки-мышки.

Повалив его на пол, она (или уж скорее – оно?) голыми руками пробило ему грудь, и вгрызлась в исходящую кровью рану.

Сандра хотела броситься к близнецу, но Артур оттолкнул её.

– Не смей! Убирайся из комнаты вон!

– Я...

– Если тебя защищать не придётся, о себе нам будет позаботиться проще.

Сандра понимала, что Артур прав. Но чтобы бросить родного человека в такой ситуации, нужна нехилая сила воли. Она колебалась, а время шло.

– К двери! – рявкнул на неё Артур.

Он и так умел?

Нет, ори он сейчас, не ори, а дезертировать сейчас, когда драка завязалась сугубо по её вине, Сандра не могла.

Бросившись к одному из столов, она достала оттуда длинный бич и с нанесла удар таким образом, чтобы плеть обвилась вокруг тонкой шеи демона.

То, что раньше было Виолой, зарычало, хватаясь рукой за ремень, сдавливающий горло. Вскочив на ноги, она с inferнальной силой дёрнула за другой конец плети, вынуждая Сандру выпустить рукоять из рук – удержать её не получилось, а приближаться к монстру в её планы не

входило.

С синих губ мертвеца летели клочья пены, словно у лошади, загнанной насмерть, намеренной пасть, но тварь, к сожалению, не пала, а, разорвала кручённую плеть в клочья.

Но время выиграть всё же удалось. Пока они перетягивали плеть, как канат, Артур воспользовался моментом и помог Энджелу подняться.

Всё что-то кричали, Сандра даже не пыталась понять – что. Она пыталась уйти от нападения, но увернуться было некуда.

Однако прежде, чем гадина бросилась, между ней и Сандрой возникло препятствие в виде письменного стола. Но, увы, демона это не задержало. Даже дало преимущество, потому что, с воистину жабым проворством, мертвец вскочил на столешницу, поглядывая на них теперь не только с центра комнаты, но и с высоты!

– К двери! – скомандовал Энджел. – Её никак не остановить! Нужно убираться.

Легче сказать, чем сделать.

Предугадать, в какую сторону экс-Виола решит прыгнуть, было невозможно. Но, судя по позе и взгляду она наметила правильную, наиболее уязвимую жертву.

«Всё правильно. Всё по справедливости», – обречённо подумала Сандра.

Мозг её лихорадочно работал, пытаясь найти пути к спасению, но ни единого варианта, даже самого завалящего, не выдавал.

Скрип двери раздался одновременно близко и в тоже время словно вообще не здесь.

Рэй Кинг шагнул в собственную спальню в самом наихудшем своём настроении, от которого в любое другое время у всех мурашки бы побежали по спине.

Но на этот раз эффект был обратный.

«Никогда бы не поверила, что когда-нибудь настанет момент, когда я обрадуюсь появлению Кинга», – с весельем, близким к истерике, пронеслось в голове Сандры.

Впервые непрошибаемый, при любом раскладе сохраняющий самообладание и вечный цинизм, Рэй выглядел растерянным.

– Какого... – грязно выругался он, – здесь происходит?

Виола отвлекаться от Сандры она была не намерена, словно собиралась поквитаться с неумелой ведьмой за свершённое той святотатство.

Никто из мужчин прийти на помощь просто не успел бы, все трое

стояли слишком далеко, Сандра это понимала. Как понимала она и то, что, если эта ожившая мертвечина вцепится в неё ей придёт конец. Тренированное тело приняло решение вперёд разума. Пока тварь летела сверху, Сандра кувырком прокатилась по полу, прошмыгнула под столом и оказалась рядом с братьями.

Те в очередной раз живым щитом встали между ней и смертью.

Виола с одного удара отшвырнула в сторону Артура, вторым вырвала у Энджела сердце, но прежде, чем последовал третий, остро отточенный клинок раритетного палаша Рэя с хирургической точностью отсё её голову от тела.

Ошалевшая, растерянная Сандра смотрела на бледное, сосредоточенное, лицо Рэя, спокойно взирающего на обезглавленный им только что труп сестры.

Или жены? Кто его знает, как он думал об их матери про себя?

Удивительно, почему ни одному из них в голову не пришло такое простое решение?

Энджел выглядел ужасно. На белом бескровном лице глаза его казались почти такими же бездонными провалами, как у Виолы. Рубашка из щегольски- белой превратилась в алые лохмотья.

Ослабев, он практически упал на родительскую кровать, кусая губы. Когда тебе в прямом смысле слова вырывают сердце, это, должно быть, больно? Никто описать этого не сможет, потому что ни одной твари под синим небом такого не пережить. Никому другому, кроме них, Элленджайтов.

Рэй обвёл взглядом забрызганную кровью комнату. Потрогал носком сапога растянувшиеся по почерневшему от крови ковру, похожие на дохлую змею, лохмотья балдахина, годами украшающего полог над их с Виолой кроватью.

Задержал взгляд на Энджеле, выглядевшем сейчас так, словно его освеживали живьём.

Приметив начерченные вокруг гроба знаки медленно приблизился к ним и задумчиво оглядел все их переплетения.

Лишь потом он повернулся к Сандре.

– Что произошло?

Говорил он очень тихо, тщательно контролируя свои эмоции. Обычно Рэй этим не заморачивался, но сейчас словно боялся расплескать переполнявшие его эмоции.

«Мать не убила – отец точно прикончит», – подумала Сандра.

Но сил на то, чтобы бояться, не оставалось. Адреналин в организме

закончился.

– Мне повторить вопрос, Сандра?

Атмосфера была как перед штормом.

– Она пыталась исправить мою ошибку, – с придыханием прошептал Энджел.

Его слабый голос походил на змеиное шипение.

«О, Энджел! – с грустной нежностью пронеслось в голове Сандры. – Наверное, даже умирая, ты будешь выгораживать меня?».

Хотя почему – даже?

– Добив тебя, чтобы не мучился? – на сей раз язвительность Рэя сочеталась с откровенной злобой. – Не то, чтобы я возражал, но какого чёрта вы выбрали такой энергозатратный способ?

– Рэй, тебе не кажется, что сейчас нужно думать не о том, что мы сделали? – Артур с привычной кошачьей мягкостью в голосе и в движениях приблизился к Энджелу, кладя ему руку на спину, с той стороны, где у людей обычно бьётся сердце. – Лучше подумать о том, как смягчить последствия.

Энджел постарался досадливо стряхнуть его руку, но, видимо, движения причиняли ему слишком сильную боль. В очередной раз зашипев, как рассерженный кот, он замер, прижавшись лбом к кровати столбику.

Сандре ужасно хотелось сбежать, забиться куда-нибудь в глухое, тёмное место, чтобы дать волю слезам и истерике, но это была невыносимая роскошь, Своим поведением она такого точно не заслужила.

Рэй медленно подошёл к обезглавленному телу Виолы и замер над ним. Лицо у него было как каменное. Можно только догадываться, какие чувства кипели в его груди, какой вулкан злости и боли водоворотом крутился в сердце.

Сандра привыкла считать, что Рэй никого из них не любит. Наверное, она ошибалась? Он их любил, как говорится, по-своему.

Как ещё может любить настоящее чудовище? Правильно! Воистину чудовищно. Без заботы и нежности, жестоко и извращённо. Даже тигриним такое чувство назвать нельзя, потому что к своей половинке и детёнышам добр даже тигр, не знающий жалости ко всему остальному миру.

Рэй Кинг не знал света любви, её радости, возрождающей силы, но он был способен чувствовать самую худшую её сторону – боль от потери.

Может быть, в этом истинная кара для проклятых? Любовь – это бог и благодать. Она, во всех её проявлениях, истинный смысл жизни. Но когда темнеешь душой, что может дать тебе свет, кроме невыносимой,

непереносимой, непреходящей боли?

За злодеяния приходится платить. Всегда.

Бог есть в независимости от того, верим мы в это или нет. Как есть солнце, даже если ночью оно становится для нас невидимым. Даже если ты от рождения слеп и видеть солнце не в состоянии, оно от этого меньше светить не станет.

Бог есть и не стоит думать, что ты умнее или сильнее его. Даже если ты потомок Люцифера, ты заплатишь по оставленным тобой счетам так же, как всё, что населяет эту Вселенную. Рано ли, поздно, но тебя оставят наедине с тем, что ты собой представляешь и, глядя своему отражению в глаза, ты не уйдешь от расплаты.

Раньше Сандра думала, что верят в Бога только слабаки, те, кто боятся сами решать свои проблемы и зовут на помощь сильного Большого Брата. Но после сегодняшнего дня она по-другому взглянула на мир: на самом деле трусят атеисты. Ведь куда проще жить, веря, что не будет спроса за всю ту подлость и пустоту, что царят в человеческих душах?

А дьявол – существует. Он реален. Куда более реален, чем твоя рука или нога, потому что и то, и другое существует от силы жалкий век, а дьявол жив тысячелетиями.

И это твой выбор, твоя слабость, твои решения дают силы врагу, с каждым днём превращая Землю, жемчужину космоса, красивейшую из планет в океане Вселенной, в его вотчину.

Бог – существует. Дьявол – существует. А реальны ли мы? Или мы не более, чем минутная фантазия, прихоть, герой развлекательной пьесы, походя сочинённые теми, кто во много раз сильнее, мудрее и подлее любого человека?

Подняв обезглавленное тело с пола, Рэй осторожно уложил его обратно в гроб. Подняв крышку гроба, опустил её, закрывая останки той, с кем от рождения до этого момента разделял свою жизнь. Всё в том же немом молчании достал гвозди и самолично забил ими её.

Артур, Энджел и Сандра напряжённо следили за его действиями.

– Помоги мне поднять его вверх, – обратился Рэй к Артуру. – Ты можешь сидеть, – бросил он Энджелу сквозь зубы.

– Но я хочу пойти, – упрямо мотнул головой её близнец, берясь за ручку гроба.

Сандра молча подошла к четвёртой, оставшейся свободной.

Она ожидала, что Рэй станет прогонять её, уже приготовилась к едким, больно ранящим словам. Но отец молчал.

Гроб был тяжёлым, но не тяжелее ноши, что лежала сейчас у неё на

сердце.

Вытащив гроб из бункера, Кинг установил его посередине площадки и, вытащив канистру с бензином, открутил крышку.

– Что ты собираешься сделать? – схватил его за руку Энджел.

Рэй стряхнул его руку.

– Думаешь, это то, что она заслуживала?! – кричал Энджел, отчаянно жестикулируя, размахивая руками.

– Не знаю, чего она заслуживала, а чего нет, но после того, что вы устроили, я не уверен, что безопасен будет даже пепел. *Это* должно быть уничтожено. Бесследно. Отойди и не мешай мне.

Пламя занялось моментально, распространяя вокруг густой, удушливый чёрный дым.

Странные похороны.

– Думаешь, она простит нам то, что мы сделали с ней – свою смерть? – спросил Энджел, прижимая руку к тому месту, где зарождалось его новое сердце.

Как может человек жить без этого вечного насоса, качающего кровь по телу?

Всё правильно, человек – не может, но даже четвертой части Люциферовой крови достаточно, чтобы сделать невозможное – возможным.

– Я верю, она постарается, – взяла брата под руку Сандра. – Должна. А мы, в свой черёд, сделаем всё возможное, чтобы простить её.

– По большому счёту, никто из нас вообще не должен был родиться, – вздохнул Артур.

Энджел покачал головой:

– Может быть моё существование на свете и против правил, может быть всё, что я делаю и чувствую – неправильно, но я всё равно рад тому, что живу.

«И я тоже», – мысленно согласилась с близнецом Сандра.

В решающих, основополагающих вопросах они по-прежнему, как всегда, были заодно.

Рэй стоял в стороне от них и казался скульптурой, вылепленной из чёрного мрамора.

– Подойди к нему, – шепнул Энджел Сандре.

– Что? Я? Ну уж нет!

– Вам нужно поговорить и сделать это лучше сейчас, пока вы не возненавидели друг друга окончательно.

– Боюсь, что помешать этому может только чудо, Энджел. Мы уже друг друга ненавидим.

– Сандра! Можешь ты хоть раз сделать так, как я прошу?

В любое другое время Сандра просто послала бы брата к чёрту, но сегодня был особый день. Никогда ещё, ни разу, ей не приходилось так сильно облажаться. И её ошибка, как всегда, имела последствия для Энджела. Этот чёртов эгоист, ничем по-настоящему не дороживший, никого не любивший был беззаветно предан ей. А она так привыкла к этой преданности, что, наверное, не ценила её как должно. Была ещё большей эгоисткой, чем он сам.

– Зачем мне это делать? Кингу это не надо...

– Просто подойти, – теряя терпение, закатил глаза он.

Казалось бы, ну что может быть проще, чем «просто подойти»? Шаг за шагом и к цели. Но ноги передвигались с трудом, словно свинцовые, словно притяжение земли увеличилось, как минимум, вдвое.

Всё же она сделала это – «просто подошла».

Просто встала рядом, чтобы «просто глядеть» на один большой костёр, всё выше и выше раскидывающий свои огнегривые языки.

Как-то не хотелось думать, что это не просто пламя и чьё тело оно в этот момент облизывает.

– Я знаю, ты хочешь это услышать не больше, чем я хочу это сказать, но... мне правда жаль, что всё так получилось. Это было ужасно. И... чтобы не случилось, этого никогда больше не повторится.

Рэй повернул голову и смерил Сандру взглядом.

– Нельзя никогда ни в чём быть уверенным заранее, – отрезал он. – Хотя ... у тебя ведь нет другой матери, тело которой ты могла бы осквернить столь экстравагантным образом. Зато у тебя есть мачеха, – мечтательно закончил он.

Ну вот, всё как обычно. В жизни есть постоянные величины. Они не меняются.

Сандра пожалала плечами и собралась уходить, но Рэй окликнул:

– Не уходи.

От голоса его веяло крещенским холодом, хотя высокое пламя полыхало всего в нескольких шагах от них.

– Нормальные люди после похорон проводят обряд поминок, – добавил он.

– Я не совсем тебя понимаю, – пожалала плечами Сандра. – Вернее, я вообще тебя не понимаю. Какие поминки ты задумал?

Взгляд его был тяжёлым, как гранитная плита.

– Самые развесёлые. Хочу, воспользовавшись случаем, навестить твою новую подружку.

– Госпожу Элленджайт имеешь в виду?
– У тебя же нет других подруг? – коротко и резко бросил Кинг.
– Мне и она не подруга, – возразила Сандра. – Хочешь посчитаться за сегодняшнее? Действуй. Я не против. Но, справедливости ради должна заметить, что мысль о том, чтобы... вернуть Виолу, принадлежала исключительно мне. Эта дама здесь не при чём. У неё были другие цели.
– Как всегда. Она просто бывает рядом, если плохое случается. Но, что характерно, всегда не при чём. Этому стоит положить конец.
– Уж не развод ли ты вознамерился у неё потребовать, папочка?
– Разберёмся на месте.
«Как только догорит труп твоей матери», – мрачно закончила про себя Сандра.
Обернувшись, она встретилась взглядом с Энджелом. Он смотрел прямо на неё, не отрываясь.
Как всегда.

Глава 24. Альберт

Есть в жизни много неприятных вещей, но самое неприятное каждый определяет для себя сам. Я, например, не люблю делать что-то, идущее вразрез с моими желаниями. Неприятно чувствовать себя тряпкой. Даже если об этом никто, кроме тебя, почти не знает.

Синтия умела заставить мне прочувствовать все три моих самых нелюбимых «не люблю». Обычно она интуитивно чувствовала моменты в моей жизни, когда нервы держались на пределе и именно тогда виртуозно проделывала свои трюки.

– Ты должен приехать! – заявила она мне. – Немедленно!

Стрелки на часах перевалили за десять часов вечера, в прошлом остался вкусный ужин при свечах. Сейчас Катрин отогревалась в ванной. Журчала вода, приятно разыгралась фантазия в предвкушении совместного вечера, полного неги и изысканных ласк.

Наши отношения с Кэтти только-только наладились, весы обрели равновесие, мы пришли к хрупкому взаимопониманию и были этим оба весьма довольны, можно даже сказать – счастливы. Ну, почти.

Я не знаю, чего желала Катрин и желали ли чего-то? По-крайней мере, мне она об этом не говорила. Я склонен считать, что у нас всё хорошо. Даже несмотря на то, что день свадьбы всё ближе. Мне удалось убедить себя, что это не так уж и страшно. Что изменится после официального разрешения жить вместе? Мы и так это делаем. И я не могу чувствовать

перед ней большую ответственность, что чувствую теперь.

В общем, короче, ночной звонок Синтии был мне против шерсти, как железом по стеклу и серпом...

– Что значит: «должен приехать»? – тихо зарычал я. – Ты в курсе, который сейчас час?

– Альберт, это не обсуждается.

– С какой такой радости я должен, словно цирковая собачка, выполнять твои приказы, да ещё и не задавая вопросов? – выверился я. – Возможно, для тебя это будет новостью, дорогая моя, любезная сестра, но я живу не один! И моя будущая жена, которая, кстати, в курсе наших с тобой прошлых отношений, потому что кое-кому и в голову не пришло их скрывать, наверняка не одобрит наших с тобой ночных свиданий!

– Альберт, ты должен приехать. Ты нужен мне! Я не так часто прошу о помощи.

– Как я скажу об этом Кэтти?

Она зло засмеялась в трубку:

– Как всё меняется, не правда ли, братец? Когда-то ты и сам бы посмеялся над собой теперешним.. Жалкий подкаблучник, боящийся прогневить свою праведную жёнушку? Ну разве не смешно?

– Не начинай, – ледяным голосом отрезал я. – У меня нет ни малейшего желания возвращаться в те дни, когда чувства других людей значили для нас меньше, чем ничто. Это нормально стараться не причинить боль тем, кого любишь. Стараться не задевать их чувств.

– Я тронута, брат, – с непередаваемым ледяным сарказмом фыркнула Синтия. – Весьма похвально, что ты бережёшь покой своей невесты и печешься о её чувствах. Но семья не ограничивается одними жёнами. Как же я? Учти, если не приедешь, поверь, пожалеешь.

Я открыл рот, чтобы одной тирадой изложить, что я думаю по этому поводу, но короткие гудки возвестили о том, что последнее слово, как всегда, осталось не за мной.

Чёрт!

– Сука, – буркнул я в пустоту.

Буркнул, уже зная, что поеду.

Будто я когда-то поступал иначе?

Будто бывали моменты, когда моя милая сестрёнка не могла водить меня как телка на верёвочке? И ведь я прекрасно знаю, что она мной манипулирует, знаю все её уловки и увёртки и всё равно – ведусь! Хотя нет, не ведусь – просто позволяю ей делать это снова, и снова, и снова.

Потому что люблю её. Потому что боюсь причинить ей боль. Потому

что знаю, что кроме меня всем на неё в этом мире наплевать.

Тут дело не в похоти. Похоть преходяща. Я смогу жить, если не стану спать с Синтией, если никогда не вернусь больше к прошлому. Но знать, что она нуждается во мне, единственном близком ей человеке, и не прийти на помощь выше моих сил.

В тоже время чувства Катрин тоже легко мог понять. Спокойно относиться в её случае к ночным свиданиям «брата и сестры» может, разве что, полная дурочка?

Погружённый в мрачные мысли, я пропустил тот светлый момент, когда моя милая невестушка выбралась из горячих недр ванной, закутанная в банный белых халат, босая, с чадрой из полотенца на голове.

Видимо, мой вид говорил сам за себя, потому что когда я поднял голову, она хмурилась:

– Что опять не так? Хотя, нет, не говори! Дай сама догадаюсь. Синтия? Отрицать очевидное смысла не имело.

Катрин гневно сорвала полотенце, бросая его в ближайшее кресло. Волосы потемневшим от влаги нимбов окружили её хорошенькую головку.

– Этому придёт когда-нибудь конец? – всплеснула она руками. – И не говори мне «это моя сестра».

– Я и не собирался.

Солгал. Именно эта фраза вертелась у меня на языке: «Это моя сестра».

– Что ей опять от тебя понадобилось?

– Честно? Я не знаю, – устало потёр я виски, начинавшие болезненно ныть. – Она не сказала в чём конкретно дело. Но, наверное, что-то серьёзное, раз она взялась потревожить в такое время...

– Конечно, важное! Возможно, принцесса заскучала! Или не может заснуть! Или у неё трюфеля закончились. Но без причины она точно не стала бы никого беспокоить в такое время!

Катрин скрестила руки на груди:

– Что ты собираешься делать?

– Если я не приеду, её это наверняка обидит...

– Да ты что? – зло засмеялась Кэтти. – У тебя проблемы, дорогой. Если не поедешь, обидится она, а если поедешь – обижусь я. Кстати, это давно назревало. Рано или поздно придётся выбирать. Я понимаю, что ты хочешь съесть и персик, и лимончик. Но в этом случае и то, и другое получить не получится.

Её фраза натолкнула меня на идею. Не то, чтобы хорошую, но в некоторых случаях и что-то лучше, чем ничего.

Зачем выбирать, если можно схрумкать оба фрукта? Да ещё с сиропчиком?

– Я не могу не ехать. Вдруг действительно случилось что-то?.. Даже для Синтии это слишком, ставить подобные ультиматумы за несколько недель до нашей с тобой свадьбы.

– А я как раз противоречия в этом не вижу. Если ты до сих пор не заметил, она не фанат наших с тобой отношений, – с сарказмом завершила фразу Катрин. – И не то, чтобы я угрожала, но сам понимаешь: поедешь к ней сейчас, нашим отношениям это на пользу точно не пойдёт.

Это верно.

– Так что?.. – вопросительно взглянула на меня Катрин.

– Мне представляется возможным один единственный выход, дорогая: поехать вместе. Только так я смогу угодить обеим.

– Альберт, – покачала головой Катрин, – нам обеим ты не сможешь угодить никогда.

– Ты едешь? Или нет? – нарастающее раздражение всё труднее становилось сдерживать.

– Еду, конечно.

Кое-как высушив мокрые после душа волосы и набросив на плечи полушубок с капюшоном, Катрин объявила себя готовой к выходу. В мобильности этого века есть своя прелесть, но, чтобы оценить его, нужно быть родом из другой эпохи. Аборигены же своего счастья не ценят потому что не знают другой жизни, без машин, мобильных, неудобной одежды, антибиотиков, гаджетов, телевизоров.

Современный мир прекрасен, но я в нём чужак. Я в вечной ссылке без права возвращения. Именно так моё сознание это воспринимало. Не будто бы умерли все мои родные – будто умер я сам.

Громкий пронзительный сигнал заставил меня вернуться в реальность.

– Осторожней! – попросила Катрин. – Мне совсем не хочется попасть в аварию.

– Мне тоже, – заверил я её, честно стараясь больше от дороги не отвлекаться.

– Уверена, мой приезд госпожу Элленджайт не порадует, – заявила Кэтти после небольшой паузы.

– Зато мне обеспечит мне ревнивой сцены.

– С моей стороны – возможно, а с её – вряд ли, – хмыкнула Катрин, поудобней устраиваясь на сиденье рядом.

Кажется, она собралась подремать? Отлично.

Одной из причин, по которой моя будущая жена мне действительно

правились была её немногословность. Катрин всегда говорила только то, что хотела сказать, не больше, но и не меньше. Порой она выводила из себя своим упрямством, временами покоряла здравым смыслом и умением мыслить трезво, отсекая всё лишнее с хирургической точностью. В ней был стержень, стальной и холодный, как скальпель. Если, например, завтра она решит, что я не соответствую её критериям и требованиям, не дотягиваю или, напротив, слишком далеко захожу, она вышвырнет меня из своей жизни даже если для этого придётся сделать это вместе с сердцем.

Я так не умею.

Если человек мне дорог, плох он или хорош, я буду до последнего держаться за него. Я так во многом не соглашался с Синтией, во многом осуждал Ральфа, но я не мог пойти против них, потому что любил.

Даже когда понял, что дорога, выбранная этими двоими, всех заведёт в тупик, я ничего не делал, потому что боялся причинить им боль или потерять их.

Я не умею отпускать тех, кого люблю. Это, наверное, хорошо. Но то, что я не могу противостоять тем, кто мне дорог – моя слабость.

У Кэтти такой слабости нет. «Если твой правый глаз и твоя правая рука соблазняют тебя – вырви их». Она вырвет.

И если оступлюсь в ближайшее время, меня выбросит. Ни деньги, ни договоры, ни угрозы, ни уговоры не помогут. Если я оступлюсь ещё раз, выбрав Синтию или Кинга, она уйдёт.

Во время гангрены гнивающий орган следует удалить, чтобы не заразился весь организм. Катрин отлично разбиралась в медицине и, как любой хирург, умела действовать очень жёстко.

Я тоже принял решение. Я не потеряю мою новую жизнь.

Но... сердце болело, когда вставал выбор: либо Катрин – либо Синтия. В очередной раз я давал слабину. Мне следовало сказать Синтии, что мы должны поговорить по телефону, поговорить завтра, что нам вообще не о чем разговаривать!

Но вместо этого я кручу руль и жму на педаль газа, сокращая расстояние между нами.

Мне в детстве, бывало, снился кошмар. Я один, на тонкой, покрытой льдом дороге, а вокруг – мрак. Почти такой же густой, как сейчас – не метафизический, иносказательный, символический; а настоящий, реальный – во плоти. Просто темнота, за которой ничего нет и из которой все мы родом.

Я не понимал, откуда я и куда иду, но остро чувствовал своё одиночество, но не знал, как положить конец путешествию, найти людей,

отыскать пусть маленький, но огонёк.

Удивительно, но в темноте границы стираются. И временные – тоже. Сейчас, если бы не автомобильный салон, если бы не Катрин, можно подумать, что сквозь мрак я еду в Кристалл-Холл прошлых лет.

С щемящей болью в сердце я думал о тех, кто никогда не увидит моей свадьбы, невесты, моих детей.

Я знаю, Катрин понравилась бы им всем – маме, отцу, дяде Винсенту. Она наверняка бы нашла общий язык со Стеллой, моей дорогой кухней.

А вот Ральфу бы Кэтти не понравилась. Ему по-настоящему не нравился никто. Он и любил-то людей не благодаря зарождающейся к ним симпатии, а вопреки неприязни.

Сложный был человек.

Дорога в очередной раз вильнула и плавно вывела к гаражам. В прошлом веке здесь были конюшни, с одними из самых дорогих лошадей в мире, лучшими племенными жеребцами и племенными кобылами.

Теперь пришёл черёд автомобилей.

Мне нравятся машины – их скорость, возможности, комфорт. Но иногда я скучаю по лошадям, потому что в них было то, что нет ни у одного автомата, как бы совершенен он не был – душа.

Синтия шагнула из погружённого в темноту дома неожиданно и стремительно, словно материализующийся призрак. Несмотря на это, мне удалось плавно затормозить. Я старался, как мог – мне не хотелось, чтобы Катрин проснулась. Не из-за заботы о её сладком сне и отдыхе, увы! Просто хотел хотя бы несколькими словами перекинуться с Синтией наедине.

– Ты не слишком торопился, – по-кошачьи сверкнула она глазами. – Я ждала твоего приезда ещё полчаса назад.

– Что за срочность, Синти? Для чего ты меня позвала?

– Ты приехал не один? – нахмурилась сестра. – Зачем ты приволок её с собой?!

– А что я должен был делать? – развёл руками я. – Ты же знаешь, как я не люблю скандалы?

– Ты предпочёл скандал со мной скандалу с ней? – сухо поинтересовалась она.

На краткий миг меня обуяла такая злость, что просто не знаю, как я сдержался.

– Синтия, я тащился в такую даль, чтобы выслушать этот нелепый вопрос? Катрин – моя жена...

– Пока – нет.

– Скоро станет ею. И я советую тебе привыкнуть к тому, что твои желания стоят не выше её. Научись с этим жить.

– Её присутствие всё усложняет.

– Что именно?

– Она может помешать...

– Чему?

Снежинки, кружащиеся в воздухе, мягко падали на её распущенные волосы, делая похожей на тех суровых зимних духов, что уходят с земли с первым теплым дыханием весны. Снежная Королева перед мальчиком, которому почти удалось сложить слово «Вечность» из осколков льда.

Такая всемогущая и прекрасная! Но лишь до тех пор, пока спит Герда.

– Пошли, – схватив меня за руку, Синтия потянула за собой.

– Куда? – не спешил я исполнять её каприз.

– Просто – иди за мной.

– А как же Кэтти? Не думаю, что оставлять её здесь одну хорошая мысль.

Синтия поколебавшись, кивнула:

– Хорошо, отнесём её в дом. Спать в кровати ей будет гораздо удобнее.

– А если она проснётся?

– Не проснётся, – уверенно пообещала Синтия и прежде, чем я успел сказать что-то ещё, прежде, чем успел возразить, открыла дверцу машины, положив на белый лоб спящей девушки два пальца, словно оставляя невидимую вмятину между двух тонких бровей.

Лицо Кэтти сделалось безмятежным до такой степени, что я встревожился:

– Ей это не навредит?

– Успокойся, – сверкнула хищными жемчужными зубками в полумраке Синтия. – Я знаю, как ты ею дорожишь. И не наврежу ей. А теперь давай-ка, носи её в дом.

Ночной воздух столь ранней весны мало чем отличался от зимней поры. Он витал белым облачком над губами, оседал лёгким инеем на ресницах.

Ещё не хватало, чтобы Кэтти простудилась! Осторожно поправив на ней шубку, накинув на голову капюшон, я поднял её на руки и отнёс в дом.

Шёл ледяной снег, ветки словно остекленели и звенели, как колокольчики, над нашими головами, пока я поднимался по сколькой тропинке, ведущей к двери с чёрного входа.

Осторожно уложив свою драгоценную ношу на тахту в хрустальном зале, я внутренне содрогнулся – теперь Кэтти напоминала мне Спящую

Красавицу в хрустальном гробу.

– Не переживай, всё с ней будет хорошо, – взяв меня за руку, прошептала Синтия.

Мой прекрасный зловещий дух, которого давно следовало бы научиться ненавидеть, а я по-прежнему не нахожу в себе силы разорвать недобрую нить, связующую нас преступными узами.

– Я хочу верить, Синти, но ты и в прежние-то времена отличалась вероломством и непредсказуемостью, а с годами эти качества лишь стали ярче.

Она тряхнула головой, строптиво и соблазнительно.

– Что я получу от её смерти? Какой мне в том прок?

– Ты получишь – меня. По-крайней мере, думаешь, что получишь. Но Кэтти – та черта, которую ты не должна переходить, иначе... я не прощу ни тебя, ни себя.

– Я поняла, брат. И приняла. Я знаю, что при всей твоей мягкости и кажущейся слабыхарактерности, в некоторых вопросах ты стоишь до конца, не отступая. Давить на тебя в таком случае себе дороже. Я ведь не забыла, чем кончилось наше противостояние в прошлый раз и не решусь потерять тебя – снова. Получишь ты свою Кэтти. И её, и новую жизнь. Но согласишься, что будет несправедливо отдать тебе всё, ничего не оставив взамен себе?

– Не понимаю...

Она обошла меня, кружась, как акула перед нападением, только с грацией и мягкостью, акулам несвойственным – Снежная Дева, парящая в лунном свете.

Зловещий потусторонний дух.

А через мгновение я закрыл глаза, чувствуя, как её руки обнимают меня со спины, как её мягкая груди прижимается ко мне – теплая, горячая. Нет, не дух и не ангел – плоть.

Плоть жаждущая и берущая, горячая, требовательная, одинаково способная как к наслаждениям, так и к страданиям.

– Ты знаешь, чего я хочу, Альберт.

От её шепота по телу побежали мурашки, голова начала сладко кружиться, как будто по венам уже струился дьявольский героин.

– Того, чего всегда хотела – вернуть Ральфа.

Наваждение рассеялось, как сон, я высвободился из её объятий, глядя на неё с сожалением и жалостью.

– Это невозможно.

– Возможно.

– Он мёртв уже больше чем сотню лет!

– Как и ты. Но ты же здесь, рядом? Стоишь, разговариваешь со мной, собираешься жениться? Я вернула тебя. И готова отпустить, раз ты так хочешь уйти. Но на прощание сделай мне подарок – помоги вернуть Ральфа.

Это казалось навязчивым бредом.

Но, с другой стороны, бредом не было. Ни черта не было! С самого начала Синтия, со свойственным ей одной, воистину, нечеловеческим упрямством и целеустремлённостью всегда шла лишь к одной цели.

С тех пор, как мы расстались много-много лет назад, ничего не поменялась. Она по-прежнему хотела иметь то, до чего было не дотянуться, что никогда ей не принадлежало – до Ральфа.

Всё с самого начала было во имя его.

Весь ужас, и долгие годы ожидания, поиски научных и мистических решений, вся многоходовка, в центре которой по-прежнему был он.

Она могла вернуть его сразу. Первым. Но без меня ей было его не удержать. Я по-прежнему был обречён служить одновременно и удавкой, и поводком, и проводником.

– Невозможно, нет, – решительно покачал головой я. – Оставь его уже, наконец, в покое. Партия сыграна, Синти!

– Я желаю сыграть ещё раз.

– Он никогда тебя не любил! – не выдержал я. – Ты знаешь это! В прошлый раз ты испробовала всё, что могла, но ничего не изменила. Отпусти то, что не твоё. Просто начни жизнь сначала и – живи. Я не понимаю, Синти, зачем?! Зачем воскрешать всю эту боль? Весь этот кошмар и грязь? «Пусть мёртвое прошлое хоронит своих мертвецов!», – помнишь?

– Мне нужен Ральф, Альберт. И если ты откажешься мне помочь его вернуть, то и свою драгоценную Кэтти ты тоже не получишь!

Сердце моё забилося сильнее:

– Что ты с ней сделала?

– Да ничего, не волнуйся! Обычный летаргический сон. Безопасно, как в вакууме. Практически никаких угроз, кроме самой маленькой: не проснуться.

– Ты не посмеешь так со мной поступить! Ты обещала не причинять ей вреда!

– И выполнила своё обещание – она невредима. И вообще, если бы ты не притащил её сюда сегодня с собой, у меня не было бы возможности использовать её против тебя, как оружие.

– Ты верна себе, дорогая сестра! Как всегда, во всём случившемся у

тебя виноват я?!

– Но ты и правда виноват, – рассмеялась Синтия. – Если бы не был таким сластолюбивым слабаком, я не могла бы тобой легко манипулировать и всё, совершенно всё, было бы иначе.

– Какая же ты сволочь, дорогая, милая сестрица, – я не мог изгнать боли, терзающего сердца, из моего голоса полностью. – Что ты за дрянь, если так обходишься с единственным человеком, который любит тебя такой, какая ты есть?

– А что мне остаётся?! – зло взвизгнула Синтия, отскакивая от меня, от протянутых к ней рук. – Ты вынудил меня! Ты любишь меня, но всё время бросаешь! Принимаешь сторону моих врагов!

– Врагов?! Ты говоришь так о матери и Ральфе? Они были тебе врагами, Синти? Да они просто по-другому смотрели на жизнь.

– Ральф пытался меня убить! Понимаешь?! Он пытался сделать это и сделал бы, если бы я не убила его первой!

Я замер, глядя в её искажённое мукой лицо.

В нём было так много страстей и эмоций: боль, ярость, недоумение изумление перед тем, что случилось тогда.

– Не говори мне, что он просто пытался меня спровоцировать! Я знаю – он по-настоящему хотел меня убить.

Скорее всего так и было. Но что, дорогая сестра, ты сделала тогда, чтобы Ральф пошёл на такой шаг?

– Почему ты думаешь, что, воскреснув, он не вернётся к своим попыткам? Не попытается снова и снова?

– Потому что он не станет причинять боли тебе, Альберт. Ради тебя он меня пощадит.

Да. Всё так. Многоходовки, интриги, комбинации.

– Разбуди Катрин, – потребовал я.

– Только после того, как вернём Ральфа, – решительно стояла на своём Синтия.

Я уже знал, что и в этот раз уступлю.

Да, я тряпка. В нашем поединке воля и характеров она всегда одерживала верх. Синтии было плевать на жизнь других, а мне нет. И так повторялось раз за разом.

Ральф когда-то сказал, что истинная сила в бесчувствии. Титаны потому и были Титанами, что в них не было ни капли человеческого.

Я не Титан. Может быть я и потомок падшего ангела, но у меня человеческое сердце и я не могу обречь на смерть того, кого люблю.

– Я помогу, – собственный голос казался чужим. – Но чем бы не

закончилась эта твоя очередная авантюра, Синти, на этот раз я поставлю на тебе крест. Мы больше никогда не увидимся.

– Как скажешь, братец, – усмехнулась она.

Видимо, в то, что я сдержу это своё слово она верила не больше, чем во второе пришествие Христа.

– Прежде, чем мы уйдём отсюда, сними с неё...

– Что? – краешки губ Синтии дрогнули в усмешке.

– Я не знаю. Колдовство? Гипноз? Внушение? Просто я хочу быть уверен, что, если мы не вернёмся, с Катрин всё будет в порядке.

– Мы вернёмся, – не допуская сомнения тоном ответила Синтия.

– И как раз её сон и будет тому гарантией.

– Ты мне не доверяешь до такой степени?

– Однажды ты уже лишил себя жизни.

– Себя. Не тебя.

– Я жила очень долго, дорогой брат, чтобы познать простую истину: никому нельзя верить, даже собственной тени. Даже самому себе, – она сделала несколько шагов вперёд, приближаясь. – Мы тратим драгоценное время, а оно уходит. Нам же так многое нужно успеть сделать.

– Я сказал: сначала разбуди её иначе я не сдвинусь с места.

Синтия досадливо всплеснула руками:

– Если я сделаю, как ты хочешь, ты тем более с места не сдвинешься.

Мы вынуждены будем тратить его на объяснения, выяснения отношений, прочую малозначительную муть.

– Для тебя...

– Что ты сказал?

– Малозначительную для тебя, – тихо проговорил я. – Не так ли? Но когда Синтию Элленджайт интересовало что-то, что важно другим? Всегда только твоя многоважная персона.

– Давай мы пропустим часть с твоими упрёками? Мы оба знаем, брат, что ты рано или поздно сделаешь так, как я хочу. Так давай пусть это будет рано?

Тьма – она стала плотнее и ближе, осязаемей.

Разочаровываться в людях больно, но ещё страшнее понимать всю беспросветно-тёмную сущность человек, без кого собственное существование полным уже не мнится.

На самом деле человек никогда не может обмануться полностью – он лишь закрывает глаза на ложь. Сначала на одно, потому на другое, третье. Ищет бесконечное оправдание для того, чему оправданий нет.

Я всегда считал, что наша любовь с Синтией, – выше морали она или ниже, – она прежде всего есть. Что Синтия, как бы безжалостна не была к другим, как бы не играла чужими судьбами-жизнями, для меня всегда делает исключение.

Я – та черта, которую она не перешагнёт по любому, я тот, с кем она всегда будет считаться.

Уже не уверен, что в реальности когда-то так было. Возможно, не дотягивая до понимания истины, я выдумал мою слепую веру, которая, как позвоночник, всегда поддерживала меня и питала.

На самом деле для Синтии я был не чертой, а её любимой игрушкой. Её щитом и мечом, которыми она пользовалась по своему усмотрению. Она годами великолепно манипулировала мной, моим чувством вины, моей привязанностью и тем, что я ложно считал честью.

Двадцать первый век, циничный и трезвый, во всём этом своём рациональном торжестве имеет свои плюсы. Здесь трудно строить иллюзии дольше нескольких дней. Скорость и информация не дают возможности уверовать в миражи.

Синтия меня любила – по-своему, постольку, поскольку эта любовь не мешала ей во всём остальном. Мне понадобилось пройти через смерть и любовь к другой женщине, чтобы понять то, что всегда лежало на поверхности, то чём неоднократно говорили все: наша с ней мать, мой отец, Ральф, для Винсент, даже кузина Стелла.

Я отказывался это видеть. Я был молод и глуп.

В отличие от Синтии, я умел любить по-настоящему – не для собственного удовольствия, а для блага любимого. Я понимал, что воскрешать Ральфа нельзя, ничем хорошим это не кончится ни для одного из нас, а для него и вовсе будет сущей мукой.

Ральф был частью давно ушедшей эпохи. Он, в отличие от меня, вряд ли так быстро сумел бы примириться с мыслью, что все наши родные, друзья, близкие, понятия о чести и бесчестье, о правильном и неправильном мало того, что пропахли нафталином, но ещё и, вопреки ему, поедены молью.

От осознания того, что утрачено, его не отвлекут ни автомобили, ни гаджеты, ни айфоны. Он будет страдать и ненавидеть за свои страдания всех, и меня в том числе.

Иногда самое лучшее, что мы можем сделать для того, кого любим – отпустить его. Отпустить через боль и страх.

Как бы не хотелось нам самим верить, что, привязывая к себе, удерживая рядом, заставляя нас принадлежать, мы делаем это ради

любимого, ради любви, в общих интересах и во благо – это себялюбивая, жалкая ложь.

Я был бы счастлив вновь видеть Ральфа рядом. Не как любовника, даже не как друга – просто видеть его лицо, иметь возможность его услышать. Но я знаю, что он предпочтёт остаться там, где есть сейчас, даже если это «сейчас» – беспроглядный мрак.

Он сыграл свою партию, сделал свой выбор. Кто я такой, чтобы всё переиначить?

Любить – это значит принимать выбор любимого, даже не соглашаясь с ним. Любить – это отпускать, даже если навсегда. Если не способен сделать так, значит, ты не любишь его, а любишь лишь себя. Всё остальное яркая обёртка: все слова о высоком, вечном, красивом; все романтические финтифлюшки и прочее-прочее-прочее.

Синтия считала, что любила нас: его и меня. Но на самом деле мы оба была для ней лишь зеркалами, её же в полный рост и отражающие.

Ральф понимал это. Всегда. Мне же для осознания истины понадобилось сто пятьдесят лет.

– Почему ты так странно смотришь на меня? – взволновалась Синтия.
– О чём ты думаешь?

– Т не оставляешь мне выбора, сестра. Впрочем, как и всегда. Что ж, если ты настаиваешь, думаю, действительно будет лучше покончить с неприятностями побыстрей.

– Почему – покончить? Альберт, верь в меня! Я сумею сделать то, что обещаю. Мы снова будем счастливы – троём.

Счастливы? На мгновение мне стало жаль её.

Может быть она и не виновата, что умеет смотреть на мир лишь так однобоко, оценивая всё через призму своих интересов, своей выгоды. Вот и приходится потом горько плакать, словно маленький ребёнок, мол, никто не любит меня так, как я того хочу, все ненавидят.

– Ты готов?

– Готов? Не знаю. Для того, чтобы подготовиться, нужно хотя бы приблизительно представлять, что тебя ждёт. Но я последую за тобой, как ты того и хочешь. Всегда хотела.

Синтия улыбнулась.

Неужели она ничего так и не поняла? Ничего не видела, кроме того, что хотела видеть?

Я почти не удивился, когда мы притащились к склепу.

Толкнув дверь, Синтия уверено и хладнокровно, без тени страха шагнула вниз, спускаясь по ступенькам.

Освещение было скудным. Мутно, как сквозь воду, различались высокие саркофаги. Взгляд скользил по именам: Амадей, Каролина, Винсент, Ральф, Стелла – бесконечные Элленджайты.

У меня возникло чувство, словно я гоняюсь за собственным хвостом и вот-вот его поймаю. Что всё винтики-шурупчики и гаечки с минуты на минуту займут положенное им место.

Я остановился на условной границе рассеивающегося света и полной тьмы. Фигура Синтии белым пятном маячила впереди.

Я напрягал зрение, стараясь понять, что происходит, но смотреть было не на что, вокруг лишь стены, гробы и мрак.

Как в любом подвале, остро пахло сыростью. Но за первым запахом угадывался второй, неясный, обманчивый, словно мираж, и всё же он был реальностью.

Пахло тленом. Неужели спустя столько лет тела ещё разлагались? От одной мысли, что под этим камнем лежат останки тех, кого я знал и любил, мне хотелось бежать прочь без оглядки. Любая попытка лучше этой. Лучше любая физическая боль, чем это осознание смерти, от которой никому не уйти.

«Ты же ушёл», – зашептал невидимый голос. Впрочем, я сильно сомневаюсь в его реальности. Это была всего лишь какая-то подсознательная часть меня.

Не верю в демонов. Не верю ни во что, что невозможно познать с помощью разума. Но всё же смерть способна урезонить и утратить даже воинствующего атеиста. Есть в ней нечто, что закрывает рот любому.

– Альберт! – позвала Синтия.

В руке её вспыхнул фонарик, высвечивая стены узкого коридора. Я бы даже назвал его лазом. В самом его конце, в тупике, стояло нечто вроде постамента, помоста или алтаря – не берусь судить.

Когда я осознал, что вижу, ощутил жар между лопаток и острое желание рвануть бегом прочь. Но всё, на что меня хватило, это закрыть рукой рот – я боялся, меня стошнит. Не от отвращения, я не испытывал его. Это было другое чувство.

На камне лежал скелет. Не та идеальная белая модель, что демонстрируют на уроках биологии, а с остатками плоти, сухожилий и... волос. Если этот жалкий спутанный войлок можно так назвать.

Перед моим внутренним взором, в памяти, как живой, Ральф был красив – он был красивее меня и Синтии, вместе взятых. А перед глазами была жестокая реальность.

Чтобы мы о себе не думали, как бы не носились со своими чувствами

и мнимым величием мы, Элленджайты заканчиваем так же, как всё этом мире – превращаемся в прах.

С такой правдой очень сложно жить, но она здорово лечит от гордыни.

Я поднял глаза на Синтию. По её лицу трудно было что-то прочесть. Она оставалась невозмутимой. И это было возмутительно!

Щелчком пальцев она заставила загореться свечи в старинных канделябрах. Белые стены и пол, разрисованный яркими красно-чёрными знаками, осветились зловещим светом.

Колдовские символы, в которых я ничего не понимал сплетались, образуя между собой дорожку, ведущую к самому алтарю с останками нашего бывшего любовника и брата.

Синтия неторопливо прошла вперёд. Льющийся от свечей свет словно стекался к ней со всех сторон и наливался злом. Она буквально светилось им, тут иного слова и не подобрать.

Зло мерцало вокруг неё, светилось, пульсировало, делалось осязаемым, обрастая плотью. В существе, стоящем в центре этих потоков я узнавал и не узнавал ту, кого звал сестрой, кого продолжал любить и сейчас, вопреки всему.

Только теперь я понял, насколько колоссальным могуществом она обладала.

Мне почудился шорох. Вернее, я надеялся, что почудился, но стоило взглянуть на каменный алтарь, как с надеждой пришлось расстаться – разлагающийся зомби повернул голову и глядел на меня выпученными глазами.

Теми самыми, которых у него минутой назад и вовсе не было! И, если полуистлевшее лицо могло что-то выражать, то это выражало угрозу и ненависть.

– Чёрт! – прорычал я, поражённый ужасным зрелищем до глубины души. – Синтия! Прекрати это наконец!

Она засмеялась потусторонним смехом, и в тоже время это был так хорошо знакомый мне её смех!

– Я же говорила! Я предупреждала тебя! Зря ты мне не верил.

Она обезумела от одиночества?

Никого из Элленджайтов нормальными не называли, но даже для нас это – слишком!

Я тяжело вздохнул, пытаясь сообразить, что мне делать. Трудно играть не зная правил.

А зомби по-прежнему смотрел на меня.

Потом я услышал влажный, чмокающий звук. Не в силах поверить в

то, что вижу, я смотрел на то, как кости с молниеносной быстротой обрастают сухожилиями, мышцами, сетью сосудов. Выглядело это ужасно! Хуже обыкновенного разложения. Словно пространство взорвалось мясом, кровью и жилами, и они оплетали до этого почти чистый скелет.

Я хотел отвернуться, закрыть глаза, но не получалось.

Я продолжал смотреть, а сердце билось у самого горла.

Вскоре он стоял передо мной – перед нами обоими, – похожий на живьём освежёванного. И, казалось, никуда не спешил.

– Теперь, Альберт, тебе придётся выполнить свою часть, – откуда-то издали раздался голос Синтии. – Тебе придётся напоить его своей кровью. Дать ему её столько, сколько нужно.

Услышав голос, зомби дёрнулся, покачнулся и медленно повернулся в мою сторону. И во всей этой кровавой мешанине костей и мышц я не мог не узнать знакомые черты.

Я нервно сглотнул, чувствуя дикую сухость во рту.

О, Боже! Неужели же всё это происходит на самом деле?

Открыв глаза, я понял, что передо мной фигуры уже нет. А через мгновение почувствовал, как сильные руки смыкаются вокруг моего тела, прижимают к бесчувственной, по мертвому холодной, груди. Как бесчувственный рот, словно акуля пасть, прижимается к моим губам, вызывая фейерверк боли в теле, высасывает жизнь, опустошая, уничтожая.

Я снова заново ощутил тот миг, когда сделал шаг с перрона под металлические колёса идущего состава и те немилосердно разрывали моё тело на части, не давая подняться, передумать, отползти на безопасное от смерти расстояние.

«Всё было лишь сном, – понял я. – На самом деле я умер. Мы все умерли. И теперь существуем в аду, повязанные нашей кровавой похотью, жестокостью и ненавистью».

Жестокие пальцы мертвеца с чертами Ральфа рвали моё тело, проникая во внутренности; кровь заполняла мой рот, переливаясь в него.

У меня не было сил вырваться.

Мы оба рухнули на пол. Мне захотелось истерично рассмеяться – Ральф как всегда был сверху!

Моё тело пульсировало болью, а сознание – безумием и отчаянием. В этом беспросветном мраке мне никогда не выбраться на свет.

Катрин была лишь иллюзией. Недостижимой и светлой. Но если она существовала в реальности, всё это – то, что нас окружало, то чем мы были и не могли перестать быть, не могло коснуться её.

Последним усилием воли я заставил свечи запылать ярким факелом.

Всё вокруг заволочло ослепительным светом. Его было так много! Он был таким ярким! Этого должно хватить, чтобы монстры остались на тёмной стороне, а то, что живо и безгрешно, должно существовать дальше, но без нас.

Когда действительно любишь – отпускаешь.

Сознание моё уходило. Мир уплывал. Или мы уплывали от мира? Неважно.

Главное, что и в смерти мы оставались вместе: три тёмные души, связанные кровью, тёмной страстью и извращённой, запретной, но такой сладкой любовью.

Я ли пришёл за ними? Они ли за мной? Какая теперь разница? Мы, наконец, снова вместе.

А Кэтти, мой маленький ангел, бог даст, избежит семейного проклятия и, вопреки всему, сумеет обрести в этой жизни если и не радость, так хотя бы покой.

Глава 25. Линда

Жизнь – сложная... шутка ли, штука, система, устройство?

Сложно сказать конкретно, что такое жизнь, но она безусловно не проста. В ней ничто не бывает однозначным. Порой нам кажется, что мы выигрываем в то время, как на самом деле терпим поражение и – наоборот.

Жизнь одна большая задача со многими неизвестными, решить её правильно удел единиц.

Получив в своё время шанс наняться к Элленджайтам, Линда считала это сорванным джек-потом. Целью её существования многие годы было выбиться в люди, вырваться за очерченный определёнными обстоятельствами круг.

Она так сильно этого хотела, что словно бы продала душу дьяволу и – получила желаемое. Но это обернулось для неё кошмаром.

Кошмар начался в Хрустальном Доме. В Кристалл-Холле он и закончился. И Линде ещё относительно повезло. Она была скорее свидетелем, чем участником истории.

Но и того, что пришлось пережить, с лихвой хватит на всю оставшуюся жизнь, чтобы до конца дней держаться подальше от слишком ярких, необычных людей и искушающих бескрайними возможностями перспектив.

Эллинг отнял у Линды много – гораздо больше, чем взял: родителей, веру в людей, душевный покой и её, и – Мередит.

После похищения младшая сестра вернулась сама не своя. Правда, отмалчиваться не стала, рассказала всё.

Линда не знала, чему ужасаться больше: её увлечением Ливианом? Или тому, что первым мужчиной в её жизни стал его брат, Артур?

Мередит надеялась, что Артур сдержит слово. Позвонит иди придёт. Сделает хоть что-то, чтобы она могла выбрать его!

Но Артур не явился ни на второй день, ни на третий, ни на четвёртый. Он пропал, словно его и не было, а в глазах вечно жизнерадостной младшей сестрёнки появилась тоска. И то, с какой надеждой Мередит каждый раз хваталась за мобильник, стоили тому запищать, вызывало у Линды желание найти Артура и придушить его.

Она бы, наверное, так и сделала, если бы это было возможным.

Но если жизнь чему-то Линду и научила, так это тому, что от всех, в ком течёт змеиная голубая кровь, нужно любыми путями держаться подальше. Как бы Мередит не страдала, то, что Артур так и не появился лишь к лучшему. Прежде всего для самой Мередит.

Лучше отстрадать один раз и излечиться, чем мучиться раз за разом всю жизнь.

А ничего, кроме страданий, отношения с такими, как братья Брэдли (или, правильней сказать – Кинги?) дать не могло.

Линда не смогла бы точно назвать ту минуту, даже день, когда мысль убратся из города, плюнув на все кажущиеся и реальные блага, взяла над ней верх? Когда родилась и окрепла? Наверное, в тот момент, когда Мередит, живая и невредимая физически, но полностью опустошённая духовно, вернулась от Кинга.

Деньги и статус не стоят выше душевного покоя. Линда эта поняла впервые. И если собой она ещё могла бы рисковать, то Мередит – никогда.

Альберт отпустил её с сожалением, но не пытался удержать. Он всё понимал. И если опустошение можно оплатить – был чрезвычайно щедр. На счету сестёр Филт оказалась приличная сумма, способная обеспечить им безбедное существование на долгие годы. А если распорядиться ими грамотно и с умом (что Линда и собиралась сделать), то эти деньги могли положить начало первичному капиталу и кормить их с сестрой всю оставшуюся жизнь.

Линда не любила торопиться. Как грамотный и толковый юрист, она к любому вопросу подходила основательно. Вот и перед тем, как уехать навсегда из Эллингжа, она хотела расставить все точки на і.

Впрочем, медлить с отбытием из города она тоже не собиралась. Ведь Артур или Ливиан могли передумать и снова затянуть наивную и ранимую

Мередит в свои коварные сети.

Она практически завершила всё, что наметила, когда грянула та, насквозь пронизанная завывающими ветрами с юга, ночь.

Памятуя о том, что на завтрашний день вставать предстояло рано, Линда постаралась лечь пораньше, но сон всё не шёл. То раздражало одеяло – казалось слишком лёгким, лежать под ним было зябко; то подушка – лежала слишком высоко или низко, но шея затекала, да так, что в висках пульсировало.

Где-то противно мяукала кошка. И ветер выл, как одичалый волк.

Жалко оставлять родительский дом, но оставаться? Нет, остаться невозможно.

Остаться слишком страшно.

Если бы только можно было поворотом рычага отключить мысли и погрузить мозг в сон! Но они заходили на второй круг, на третий, на четвёртый. А стрелки на часах всё бежали вперёд, отсчитывая минуту, укорачивая минуты отдыха, приближая новый день.

По потолку скользнул свет, какой могут распространять только фары движущегося автомобиля.

Очередной порыв ветра задул в трубу камина и дом загудел, тревожно, как трубы на похоронах.

Свет уже пропал, а сердце всё встревоженно билось.

«Нервы ни к чёрту», – пронесло в голове Линды. – «Нужно выпить успокоительного».

Снотворного она никогда не пила. Или правильнее будет сказать – пока не пила? Ещё пару таких бессонных ночей, как эта, и впору задуматься об искусственном отключении своего слишком, мать его, деятельного мозга.

Опустив ноги с кровати на пол, Линда нащупала ими мягкие теплые тапочки. Контраст теплого кроватного пространства с гуляющими по дому сквозняками был слишком разительным. Нужно прибавить отопление. Проклятый ветер всё выдувает к чёрту.

Она как раз вошла на кухню, когда в дом позвонили. Требовательно, как на пожар.

Уверенно, словно имели на это право – нажимать кнопку звонка в четыре часа утра, когда скорее уже рано, чем поздно.

Ночной звонок заставляет сердце сжиматься всегда. Он как сигнал в ночи: «Беда!». Может прийти опасностью, может прийти горем – но никогда радостью.

В четыре утра радость внеурочно не приходит.

До ближайшего дома было достаточно далеко. Не докричатся, не

дозваться, не добежать. Трясущимися руками Линда выдвинула ящик с ножами и, зажав крепко в ладони один из самых крупны, для разделывания мяса, на цыпочках прокралась к входной двери.

Осторожно, не включая света, глянула она в глазок и отпрянула, увидев по другую сторону двери Рэя Кинга.

Он выглядел растрёпанным и непривычно мрачным.

Словно зная, что она стоит напротив, он ударил рукой в дверной косяк:

– Открывай дверь, Линда.

Она притихла, как мышь. Это было так по-детски!

Как будто если спрячешь голову в песок, опасность пройдёт мимо?

– Линда, я знаю, что ты там, – не особо пытаясь повисить или понизить голос, проговорил Рэй.

Казалось, что он устал и держится из последних сил.

– Я могу разнести эту дверь в считанные секунды и стучу, можно сказать, из вежливости. Но её надолго не хватит. Так что просто открой эту долбаную дверь!

Линда не собиралась этого делать.

Она попросту не могла бы заставить себя убрать эту пусть призрачную, но преграду между собой и тем, кого боялась и ненавидела больше всех в этой жизни.

– Я пришёл не потому, что соскучился, дорогая, – с ядовитой иронией добавил Кинг. – У меня твой клиент. И, поскольку я понятий не имею, куда сгрузить ценный груз, если ты его не примешь, попросту выкину где придётся.

– О чём вы? – хриплым от волнения голосом проговорила Линда.

– О Катрин Клойс.

Трясущейся рукой набросив цепочку на дверь, Линда щёлкнула замком. Она понимала, что цепочка ни от чего не страхует, но в некоторые моменты даже что-то лучше, чем ничего.

– О чём вы говорите?

Но в лишних словах не было нужды. Как только Линда открыла дверь, она и сама увидела, что Кинг держал на руках Кэтти и та, судя по всему, была либо мертва, либо в отключке.

– Что вы с ней сделали?! – едва ли не взывала Линда в тревоге и ярости. Затем, чтобы услышать спокойно в ответ:

– Не поверишь – ничего. Я нашёл её уже в таком состоянии в Хрустальном доме.

– В Хрустальном доме?! Думаете, я поверю, что среди ночи вы потащились в такую даль? Просто так?

– Вообще-то мне глубоко плевать, во что ты там веришь, – в том, что он говорит правду, у Линды не было ни малейшего сомнения. – Но я поехал туда вовсе не просто так. У меня был план – свернуть шею госпоже Элленджайт.

– И что? Свернули? – с надеждой покосилась на него Линда.

– В этом больше нет нужды.

– То есть?..

– Открой дверь. Не то, чтобы девушка много весила – некоторые вещи скорее громоздки и неудобны, чем по-настоящему тяжелы, – но я бы предпочёл избавиться от своей ноши.

Со вздохом Линды распахнула дверь полностью, пуская волка в овин. Кинг, перешагнув порог, мгновенно оценил обстановку и верно наметил направление.

Через мгновение он сгрузил бесчувственное тело Катрин на диван. Линда едва успела подложить ей подушку под голову.

Лицо Катрин выглядело бескровным, но спокойным – совсем как у мёртвой.

– Что ты с ней сделал? – повторила Линда вопрос, разворачиваясь к Кингу, гневно сжимая кулаки.

– Я всё уже рассказал. Не вижу смысла в том, чтобы заходить на второй кнур.

– Нет, подожди...

– О! Даже так? – с издёвкой протянул Кинг, но, видимо, и в самом деле он не только выглядел, но и чувствовал себя усталым, потому что привычного ядовитого азарта за его словами не слышалось. – Вот уж никогда бы не подумал, что ты станешь меня задерживать?

– Не дольше необходимого, – передёрнула плечами она, поплотнее запахивая на себя расходящийся на груди халат. – Я просто хочу понять, что случилось?

Кинг смерил её взглядом, едва заметно приподнимая бровь в характерной для него, привычной мимической игре:

– Я бы охотно помог, но... я сам не в курсе. Всё, что увидел я – видишь и ты.

– Но как Катрин оказалась в Хрустальном доме?

– Как и большинство других людей, полагаю. Использовала автомобиль, чтобы добраться. Пешком идти далековато.

– Но не могла же она пойти туда на ночь глядя?

– А чтобы ей помешало? Или, хочешь сказать, причин не было для столь позднего визита? Возможно, прознав о романе своего благоверного с

его сестрой, захотела во всём убедиться воочию, так сказать?

– И что? Убедившись, впала в кому? Сильно в этом сомневаюсь. Ладно, перезвоню Альберту и разузнаю причину.

Лицо Кинга заострилось, взгляд был пронзительным и, если Линда читала верно, грустным.

– Буду удивлён, если дозвонишься.

Линда почувствовала, как сердце начинает биться медленней:

– Что вы хотите сказать?.. – вопрос давно перестал быть оригинальным, но всё равно вертелся на языке.

А от ответа Кинга Линда опешила.

– В Кристалл-Холле горел склеп, – сказал он.

– Склеп? – Линда уставилась на Кинга, как на сумасшедшего. – Я не понимаю...

– Оно и к лучшему. Я, к сожалению, догадываюсь, но не то, чтобы стал от этого счастливей.

– Я по-прежнему... – Линда осеклась, наткнувшись на твёрдый, отстраняющий взгляд. – Вы считаете, что Альберт погиб? Вы на это намекаете?

– Напекаю? Да я говорю открытым текстом! Послушай, Линда Филт, в некоторые подробности лучше не вникать. Так психика, жизнь и репутация сохраняются гораздо лучше, чем, когда лезешь в поисках приключений на пятую точку на каждую встречную ёлку.

– Можно мне самой решать за себя? – холодно процедила она сквозь зубы. – Не спорю, существуют люди, предпочитающие закрывать глаза на правду, но ко мне это не относится. Я хочу её знать. Всегда!

– Да. Увы! Это у тебя в крови и не лечится.

– Ты потратил так много слов в пустую, вместо того, чтобы коротко ввести меня в суть дела?

– Мне не во что тебя вводить, увы! Я понятия не имею о сути дела. Но Синтия давно увязла в чём-то очень, очень тёмном.

– И о тёмных делах говоришь ты?

– Ну, скажем так, наши грязные дела лежат в разных плоскостях. Мои куда более понятные, приземлённые, она же зашла за все возможные грани. Я сам люблю ходить по краю, иногда балансировать на нём, но то, во что играла госпожа Элленджайт, – с сарказмом произнёс Кинг имя Синтии, – уже «за» всем тем, что может себе позволить человек. Играла и доигралась. Даже не знаю, жалею ли я о том, что в эту игру ввязываться не пришлось. Не успел.

– Что мне с нею делать? – растерянно спросила Линда, бросив взгляд

на Катрин.

– Жди. Она либо проснётся – либо нет. Но я думаю, первое гораздо вероятней.

Линда пожала плечами. А потом перевела на Кинга вопросительный взгляд, чувствуя, как на сердце ложится гранитная тяжесть.

Альберт теперь мёртв, хотя в это верилось с трудом, а Катрин баснословно, сказочно богата. И нет никаких препятствий для такого волка, как Кинг, чтобы вцепиться мёртвой хваткой в несчастную белую овечку.

Перехватив взгляд Линды, Кинг обнажил в циничной, наглой усмешке ровные, как жемчуг, зубы:

– Прикидываешь, каким образом убережешь от меня это бесценное и столь беззащитное несчастное создание? Ответ прост – никак. Если я захочу её, тебе меня не остановить. Но есть хорошая новость, крошка: я её не хочу! Жизнь – игра со своими правилами, а когда ты получаешь тайный ключ ко всем тайным комнатам, играть становится неинтересно. У меня и так достаточно форы перед всеми вами: я красивей, сильнее и умнее. Так к чему мне ещё и бонус в виде несгораемой суммы?

Взгляд Кинга пренебрежительно скользнул по бесчувственной маленькой фигурке Кэтрин, распротёртой на диване.

– К тому же привязать себя к денежному мешку на долгие годы – это так банально. Совершенно не для меня. Так что можешь спать спокойно, когда уберёшься из нашего города: ни Кэтрин, ни Кристалл-Холл меня не интересуют.

– С чего вы взяли, что я собираюсь уехать?

– А разве не собираетесь?

– Это не ответ.

Кинг усмехнулся:

– Чтобы предсказывать людские поступки совсем не обязательно иметь экстрасенсорные способности. Люди до скучного предсказуемы. И даже если вы сейчас станете утверждать, что у вас и в мыслях не было...

– Было, – перебила его Линда. – Я уеду. Этот город пропитан злом, развратом и несчастьем. Мне он принёс только потери. Встреча с вашим проклятым семейством обогатила меня во всех планах, от финансов до жизненного опыта, но, откровенно говоря, знай я заранее, чем придётся заплатить, никогда бы не приняла сделанного в корпорации предложения.

– Зачем вы говорите мне это? Думаете, мне это интересно? Мне глубоко безразличны, как ваши духовные метания, так и ваше мнение, мисс Филт. Для меня вы никто. Одна из тысячи хорошеньких и неглупых женщин, которые, как капли дождя, просто пролетают мимо.

Линда посмотрела в идеально красивое лицо с обманчивыми, кажущимися глубокими, как горные озёра, глазами.

Умное, надменное, горделивое лицо демона в человеческом обличье.

– Это правда? Вы ничего не чувствуете, глядя мне в лицо? – спокойно переспросила она. – Вас не трогает ни совестью, ни сожалением? Мой отец служил вам, считал своим другом. Вы сначала использовали его, а потом вероломно убили. Вы лишили меня обоих родителей походя, по капризу, из желания порадовать порочную женщину. Отобрали у меня дом, семью, детство, заставив заботиться о себе и сестре с молодых ногтей. А потом, прекрасно зная, кто перед вами, вы так же легко и играючи, испоганили то единственное, что у меня оставалось в этой жизни неприкосновенным – моё тело. Даже наедине с собой я больше не могла найти утешения. Я чувствовала и продолжаю чувствовать себя осквернённой, поломанной, гадкой. Зачем вы это сделали? Угрожали ли я безопасности вам или ваших близких? Стояла ли на пути ваших интересов? Принесли ли вам хотя бы пользу или выгоду мои унижение и боль? Нет! Вы сделали это из пустого каприза, как иной ребёнок бесчувственно отрывает лапки беспомощной мухе, просто потому, что в ответ та ничего не может ему сделать и так забавно выглядит. Но и тут вы не оставили меня в покое! Последнее дорогое для меня существо вы пытались использовать против меня, послав одну из ваших бледных теней, послушных бесчувственных марионеток, которых вырастили из своих детей. Вы достигли цели. Мередит день за днём ждёт появление этой бледной немочи, иссохшей от страсти к мужчине, вдобавок, ещё и к единокровному брату! Он заморочил ей голову каким-то бредом! Маленькая глупенькая дурочка верит, что можно исправить что-то в тёмной, поломанной душе. К счастью или нет, она не поняла, что в ваших проклятых детях вообще нет души. Вы все лишь идеальная оболочка – куклы, неспособные на настоящие человеческие эмоции. Наверное, этим всё объясняется? То, через что вы заставили пройти меня, можно сделать со злейшим врагом, которого ненавидишь всю жизнь и кому выносишь план мести. Но я знаю, вы не лжёте, когда говорите о том, что вам на меня плевать. Это, по счастью, правда. Потому что подумать страшно, через что приходится пройти людям, которые вам безразличны.

Линда говорила спокойно, тихо, задумчиво. Почти без эмоций.

Как не странно, её слова заделали Кинга. Черты его лица заострились, взгляд потемнел. Но она не боялась его, не испытывала в тот момент ни страха, ни гнева.

Какое-то странное отрешение от всего, будто смотрела на

происходящее с высоты птичьего полёта и её уже не могли ни остановить, ни задеть, ни ранить.

Обманчивое чувство ложной безопасности, разумом она это понимала.

Так чувствуешь себя после часов долгого безудержного плача, бессонной ночи или приёма слишком большой дозы успокоительных – безразличной ко всему и странно просветлённой.

– Вы не боитесь Бога? Или Высшей силы? – спросила она.

– Трудно бояться того, чего нет. Полагаете, если бы этот ваш бог существовал, он бы не остановил меня?

– Полагаю, нет. Вы ему безразличны. Вы считаете себя несокрушимым и неуязвимым?

– Вы готовы назвать моё слабое место? – слабо усмехнулся Кинг.

– Нет.

– Выходит, вы согласны, что мне нечего бояться в этом мире? И никакой кары за мои грехи на самом деле не последует?

– Вам нечего бояться в этом мире. В этом и есть ваша кара, Рэй Кинг. Ничто не наполнит вашу пустоту и ничто не озарит вашу тьму. У вас никогда не будет достойного противника. В своей Вселенной вы будете прибывать в вечном одиночестве, вечной горечи, вечной злобе. Год за годом вас станут окружать такие же пустые, жадные, никчёмные люди. От всей души желаю вам долгих лет жизни.

Синие глаза Кинга засветились, словно в них зажглись огни Святого Эльба. Губы казались слишком красными и чувственными.

В одно мгновение тайный демонический лик, прячущийся за человеческим проступил так явственно, что не заметить этого было невозможно.

Мягко и стремительно, словно пантера, передвигающаяся вместе с ночными тенями, сливающаяся с ними, Рэй Кинг приблизился, нависая над хрупкой фигурой невысокой беспомощной девушки, не сводящей с него спокойного, мудрого взгляда, который редко встретишь и у более зрелых женщин.

Он наклонил голову так, словно собирался поцеловать её.

Линда не шелохнулась, не сводя с него выжидающего взгляда.

На мгновение дикая, нечеловеческая ярость исказила его черты, словно ломая изысканную совершенство линий, смешивая их, но через мгновение лицо его снова приняло ироничное, насмешливое, спокойное выражение:

– Я недооценил тебя, Линда Филт. Ты сильнее и умнее, чем я думал.

– И что с того?

Бледная рука с красивыми музыкальными пальцами, которые никогда не касались клавиш рояля, легко взлетели к её лицу и заправили прядь волос за ухо.

– Что из этого? Кто ж знает? Мне кажется, что ничего хорошего. К сожалению, вы правильно заметили одну закономерность: люди, имеющие несчастье мне по-настоящему нравиться, умирают в первую очередь. А я не умею отказываться от того, что хочу. Поэтому... бегите из города как можно быстрее. И, если вам повезёт, бог даст, мы больше никогда с вами не встретимся.

– Я уеду, как только управлюсь с делами Катрин.

– В таком случае вас здесь и похоронят. Катрин – Элленджайт. Она проклята так же, как всё, что связано с этим именем. Этого не изменить. Она обречена. Вы же ещё можете спастись.

Линда в недоумении пожала плечами:

– Всегда удивлялась способности атеистов не верить в бога, зато верить в дурацкие приметы. Никто не проклят от рождения. А даже если и так... этого мало, чтобы я бросила друга в беде.

– Друга? Или клиента?

– В данном случае и того, и другого.

– Что ж? Желаю удачи в борьбе с ветряными мельницами, мисс Филт, – откланялся Рэй Кинг перед тем, как направиться к двери.

Взявшись за дверную ручку, он мгновение помедлил и, бросив на Линду последний взгляд через плечо, добавил:

– Пусть вас хранит тот, в кого я не верю.

КОНЕЦ КНИГИ